

18+

Снорри Снорг

**ПРЯМОХОЖДЕНИЕ
ПО АЛТАЮ**

песня гор, солнца и ветра

Снорри Снорг
Прямохождение по Алтаю.
Песня гор, солнца и ветра

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51140640
ISBN 9785449824899*

Аннотация

Дышать Алтаем, жить Алтаем, любить Алтай... Алтай – мой друг, наставник и учитель, мой грозный и любящий бог. Сказать что-то большее, раскрыть перед вами этот дикий и прекрасный горный цветок я постарался в своей книге. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Ohne Dich (предисловие один)1	6
Как бывает (предисловие два)	11
Часть I. Группа Малявинского	15
Сбыча и встреча	16
Дайте ватник	20
Горы для дураков	27
История двух самцов	33
История с «целлофаном»	36
Высокий старт	39
Дым без огня	47
Туха и сгуха	53
Шаг	60
Прыг	65
Вечный спальник	76
Куралбас-Барабас	84
Прекрасный Айрык вкуса сливочного мороженого	90
Скоростной спуск	95
Эрлагольская ночь	103
Прощальный бал	106
Второе пришествие	110
Часть II. Маашей-Баши	112
Ночь с пятницы на субботу: мы любим	112

Россию	
Не плачь, печёнка!	117
Полубоги	132
От морены до гангрены	146
Ледничок. Язычок. Дрын, дрын... дрын-дрын- дрын...	163
Маруськины прелести	175
Сантиметры-километры	186
Чуя – это не только конопля	191
«Предбанник Горного Алтая»: Бийск, бийчане, бийская кухня, бийские ландшафты	199
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Прямохождение по Алтаю Песня гор, солнца и ветра

Снорри Снорг

*посвящается Алексею Курищину,
для меня навсегда – CrazyRAKу*

© Снорри Снорг, 2020

ISBN 978-5-4498-2489-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ohne Dich (предисловие один)¹

И ходили с ним мы всего-то в один поход вместе. С моим другом Лёхой. Но разве не был это самый весёлый, самый задорный поход? Потому что его чистое, детское восприятие окружающего, искреннее удивление, ничем не стеснённые эмоции рождали шутки на ровном (и не очень) месте, материализовали приключения прямо из воздуха, и создавали у всех отличное настроение.

И было в том походе всё: радость и злость, усталость и воодушевление, упрямство и восторг. Нас мочил дождь, кусали клещи, мы блуждали часами наугад... и неизменно находили заветный путь! Ели дембельскую кашу, пили самогон, глотали дым от костра, купались в водопадах и катались счастливые по траве...

Лёхи больше нет – так хотел я написать дальше, прямо здесь... Но это неправда! Это чушь, Лёха с нами, и я верю, что гуляет он по горам Алтая, идёт по тропинке рядом со мной, шагает через ручейки, перепрыгивает с камешка на камешек, а потом вдруг останавливается на секунду, вдыхает полной грудью живительный алтайский воздух, задирает голову и восхищённо кричит: «ЛАВИНА!!!»

Лавина чувств, лавина впечатлений – вот что такое для

---

¹ «Без тебя» – название песни группы Rammstein

меня Горный Алтай. Об этом будут все нижеследующие строки.

Эта книга о Любви. Настоящей. Без примесей. И она отличается тем, что в ней нет художественного вымысла. Всё это – правда. Если где и есть ошибки, то лишь потому, что «память всё лишнее прячет». Писать правду очень приятно. Украшать её будем аллегориями и гиперболами, а то, что будет смахивать на ложь, просто выкинем.

Я не стану прорисовывать характеры, подчёркивать отдельно взятый героизм и выписывать тонкости взаимоотношений. Это никому не интересно. Мы не персонажи приключенческих романов, а обычные люди. И никаких подвигов не совершаем: не переходим Антарктиду и Сахару, не поднимаемся на Эверест. Не ставим спортивных рекордов, и ничего ни при каких обстоятельствах не «покоряем», упаси нас от этого боги! Точнее всего было бы сказать так: мы, в меру своих скромных сил, боремся с собственными мелкими слабостями и одновременно уступаем главной. Которую стоит считать не слабостью, а силой – нашу веру в Горный Алтай и любовь к нему.

С другой стороны, простому гражданину приятно обнаруживать себя героем рассказа. Или вот книги. Лучше всего, конечно, эпоса... Так и мне, наверняка, будет радостно отыскать где-то здесь... всех нас. Когда-нибудь в старости, сидючи в кресле-кончалке... То есть, скоро.

А вам, мои друзья? Надеюсь, тоже. В масштабах жизни

каждый из нас – главный персонаж своей собственной повести. А тут мы написали целую её главу вместе.

Кто истинный автор этого повествования? Я не знаю. Мы все. Или оно досталось мне... от духов?

Одно мне доподлинно известно. И уверен, что вы в этом со мной солидарны. Мы Жили там все эти годы, точнее – лета. По-настоящему. И дышали полной грудью. Мы – не мертвые.

Я хожу в походы двадцать лет. Не каждый год, конечно, и не всегда в полноценные многодневные «пешки»; совсем редко – в «категорийные», как выражаются профессиональные туристы. Мне этого не нужно. Моим спутникам тоже. Все идут в горы со своими целями. Но я думаю, они сводятся к одной: найти себя. Снова отыскать потерянного себя – в реальном, живом мире, именно как чувствующую его единицу, как неотделимую часть большого целого – этого здоровенного слона, который сидит в комнате, но его как бы никто не видит... Отсылаю вас к английской идиоме «elephant in the room». Да-да, проблема «невидимого» слона в том, что человек перестал замечать главные, истинные вещи, занятый сочинением надуманных необходимостей и достижением искусственных целей.

Сразу же извинюсь перед любителями «классики». Если вы думаете, что с каждой страницы вам будут улыбаться седовласые геологи, струиться мелодичные переборы струн и звучать добрые весёлые куплеты из песен советских бар-

дов, что все герои этой книги – умудрённые годами скитаний, проявленные ветрами «бродяги Севера», не знающие страха, упрёка и скверного слова поэты-физики, рыцари ледоруба и акустической гитары, над которыми в моменты самых суровых испытаний лишь мирно и прекрасно качается купол неба..., то...

Вынужден вас разочаровать, это не так.

Моя книга – не бальзам на душу матёрых ходоков или воспевание здорового образа жизни. Не прозелитские увещевания «адептов сакрального знания»: эй, городские смерды, не видевшие реальных передраг, бросайте свои ничтожные половые акты с работой, бытовухой и ипотекой, вступайте в секту великих самоистязателей!..

У меня нет иллюзий, что если достаточно громко и пафосно провозгласить: «Я обожаю горы!», то всякий читатель мгновенно проникнется тем же чувством, заболит пешими странствиями «дикарём» и тут же начнёт укладывать рюкзак, а при его отсутствии – кинется в магазин туристического снаряжения...

Наконец, перед вами и не мемуары. Хоть и писаны годами, и даже десятилетиями. Но это не вымученные воспоминания, а совсем-таки наоборот, простые и понятные вещи, как вдох и выдох, как спуск-подъём. Они рождались в процессе и превращались в рассказы непосредственно после описываемых событий. Эмоции момента – вот что здесь ценно. Поймите, мы ПРОЖИЛИ это. Я и мои друзья-соратники. Мы

БЫЛИ там, юные и слепые, молодые и бесстрашные, взрослые и отчаянные. И нам постаревшим незачем притворяться, что всё было как-то иначе. Молодость и ярость! – и естественная реакция, ужас и восторг, и непечатные эмоции.

Язык не библиотеки, но живого общения. Вот почему в тексте так много курьёзного, откровенного, а местами и грубоватого. За это, пожалуй, следует меня простить. Но лучше, всё-таки – поблагодарить! Я обязуюсь быть честным с вами. Так же, как честен я всегда с Ними, с Горами.

Да их ведь нельзя обмануть. Попробуешь раз это сделать – и попросту не вернёшься. Прозаично. Банально. Закономерно.

Я, податель сего литературного, как ни крути, труда, оставляю за собой право на некоторые неточности, буде оне обнаружатся придиричивым взглядом. Моя субъективная реальность понятным образом отличается от всевозможных иных, создаваемых игрой памяти и воображения других людей. Прошу великодушно извинить и горячую прямолинейность молодости, и сухой цинизм теперь уже седовласого человека! Все имена собственные и безобидные прозвища, присвоенные нежно любимым друзьям, также остаются на совести автора.

Книга не зациклена на хронологии. Философии и морали в ней тоже не много. Здесь будут, в основном, движение вперёд и дыхание свободы, древний зов природы и юные голоса счастливых людей.

Как бывает (предисловие два)

Вопрос: зачем писать рассказы о походах, неужели их кто-то читает? А второй вопрос: зачем опять собираться и идти в поход, какая в этом необходимость? И если уж несёт нас нелёгкая – то стоит ли расписывать в красках наши приключения? Как будто это так важно! Как будто вообще что-то имеет ещё значение в свихнувшемся от переизбытка всяческой информации «современном мире»! Какие эпитеты, какие цвета не потеряли ценности в царстве фотостоковых симулякров, во вселенной изошрённого, но бездушного потребления, виртуально-экранных впечатлений и клавишно-сенсорного общения?..

Для чего нужны походные истории, и кому? Нам самим – любителям пеших развлечений, мазохистам с мешками на горбу, странным ушибленным, предпочитающим солнечным пляжам Анталы сомнительный «активный отдых» под проливным дождём в горной тайге – или, может быть, нашим таким же альтернативно одарённым друзьям?

«ПОЧЕМУ ВЫ ЭТО ДЕЛАЕТЕ?» – спрашивают нас люди.

«ПОЧЕМУ МЫ ДЕЛАЕМ ЭТО?» – спрашиваем мы себя...

«Для чего мы живём?» – вот на что попробуйте ответить сначала.

Нет досрочного ответа?

Хм, ну а если даже с таким простым вопросом вы не в силах совладать, нужны ли объяснения? Пляжи остаются пляжникам, а моя мысль уже полетела – вслед за строчками Наташиного стенографического отчёта, вслед за фантастическими фотографиями... По-над узкими тропками, дикими реками и скалистыми ущельями, к началу начал – туда, где рождаются все наши Реки, наша Речь. К истоку живой энергии, в места, где я черпаю большой ложкой самую Жизнь, где если и не появляются ответы, то, как минимум, исчезают вопросы, и остаётся лишь чистый смысл – чувство и знание, которые словами не передать.

В любом путешествии должна быть некая цель. Правильнее сказать – Суть, смысловое наполнение: нечто главное и основополагающее, категорически и бесповоротно отвечающее на все вопросы из разряда «зачем».

Зачем мне ещё один поход?

Чтобы понять это, приходится в него идти. Ответ рождается в процессе. Попутно! Конечно, я намечаю какие-то основные моменты заранее, собираю компанию, составляю маршрут. Но это только метки – ключевые точки на карте и галочки в записной книжке. Поставив такую галочку, не ответишь на главный вопрос. Не глотнув воды, невозможно почувствовать вкус. Не прочитав книгу, нельзя получить знание. Не прожив жизнь, нельзя её оценить и что-то там резюмировать.

Я не хожу в горы со случайными людьми. Одну декаду в году беру я у жизни для Настоящей Жизни, и хочу прожить её с друзьями. С братьями. Неизмеримо более близкие отношения устанавливаются между теми, кто хлебнул в жёсткой сцепке водицы из брода. Кто держал страховочную верёвку, прижимал своим телом к земле взлетающую под ураганом палатку, делился единственной пойманной рыбёшкой со всеми...

В городе мы приятели. В горах – боевые товарищи. Братство.

...И вот мы снова сходили в горы, и на этот раз было не лучше и не хуже. Просто было здорово. И вечно. И страшно. И больно. И радостно. И как никогда.

В час, когда в угрюмом мегаполисе ломает зима и душит грипп, когда серые предрассветные и послезакатные сумерки застают тебя на улице озверело бегущим на работу и с работы, в душе вдруг настаёт время лета и ослепительных вершин, душистых хвойных склонов, быстрых речушек и бесчисленных ручейков с кристальной водой, сладкой, как песня солнца на губах. Или лучше выразиться словами широко неизвестного в любых кругах поэта из глубинки (моего брата Александра):

*И однажды среди шумных улиц,
Глотая выхлоп машин,*

*Захочется глянуть на кедры
На фоне горных вершин...*

...С вечной мечтой о расслабленном, «медитативном» походе собираемся в путь...

Конечно, как во всяком путешествии на одиннадцатом маршруте (на своих двоих), и в этот раз будет что-нибудь, что кого-то не устроит. Кому-то не хватит общения, кому-то одиночества, кому-то отдыха, а кому-то – здоровья... Будет ломаться и протекать палатка, будут случаться недоумения с картой и тропами, не получится «узкого круга посвящённых» или шагающего дружно в ряд пионерского отряда, не поймается хариус, подведут колени, не отпустит старая боль... Да всё это же не в первый и не в последний раз!

И потому мы не ноем. Мы... идём. В горы Алтая. За самими собой.

Айда вместе с нами?

Войдём в волшебный мир Беловодья! Посмотрим, зачем нам всё это странное и прекрасное, пощупаем тёплыми пальцами шершавые камни, заполним лёгкие необъятным небом, вкусим от дождя и от ветра, и солнце поймаем в ладонь!

Часть I. Группа Малявинского

*В тёплой земле копошатся жуки
Солнце заботливо нас припекает
Солнце заботливо нас опекает
Вязки, тягучи слова и стихи...*

*Тихо над полем, спокоен наш сон
Мягко клонятся колосья пшеницы
Можно не думать и не шевелиться
Лето. Июль. Солнцем залитый склон...*

*Синею чашей вокруг нас небосвод
Души как зеркало он отражает
Души как зеркало преобразяет
Стрелок часов бесконечный полёт...*

*Если бы не было в мире нужды
Если бы не было в мире угрозы —
Только туман и короткие грозы
Только снега и слепые дожди —*

*Мы бы остались навечно вдвоём
В поле пшеницы, не в поле сраженья:
Мерное нивы под ветром движенье
Синяя чаша на весь окоём...*

Сбыча и встреча

Он сломал нас. Уничтожил. Дядя Витя. Слабых, неподготовленных, трясущихся над своими синяками и царапинами. Старающихся не наступать в лужи. Растерянно выливающих воду из башмаков. Робко переглядывающих с общим неммым вопросом на лицах: «Как мы всё это переживём?»

Случайным, неуловимым и даже ленивым махом судьбы прыщавый студент из НЭТИ оказался в круговороте туристических событий. До этого слово «туризм» для него было синонимом какой-нибудь заграничной поездки в далёкую... Болгарию, и детства его чистые глазёнки видели горы только на картинках.

Поэтому судьба решила подшутить над ним с особым цинизмом, и отправила не просто в турлагерь, а предметно в отряд «бессмертных» инструктора Виктора Малявинского. Попал, о том ещё не ведая, наш бледный юноша в самую гущу событий. Под замес.

Истории, ходившие в кулуарах про НЭТИнский туристический лагерь Эрлагол, сводились, в основном, к таким воспоминаниям «бывалых»:

– Эрлагол, да-а-а, – «бывалый» мечтательно закатывал глаза. – Забил косяк, пыхнул... Лежишь на спине, смотришь в небо, а оно полно звёзд...

В общем, это были все знания о предмете, которыми я об-

ладал, приобретая в студгородке путёвку и мечтая провести весь август в обстановке расслабона и романтики. Собираясь позвать «на отдых» свою девушку, я не знал, что нас ждёт не отдых, а Путешествие во всей полноте этого великого слова. Она тоже не знала, а кроме того не являлась студенткой НЭТИ, так что пришлось переквалифицировать её в университетского работника. Пара подставных справок, коробка конфет заведующей... Бедная, бедная девушка, на что ты подписалась! И вот она с незамутнённым взглядом уже трясётся в вонючем «пазике», галопирующем по маршруту Новосибирск-Чемал, тогда ещё не столь оживлённому и насыщенному страждущими по радостям Горного Алтая...

– *Слыхали, вчера на трассе автобус перевернулся?*

– *Что, с людьми?*

– *Да нет, со студентами...*

Нас везли как дрова. Нами можно было пренебречь. В проходе и под сиденьями елозили многочисленные рюкзаки и сумки, меж ними скользила моя рыжая гитара-весло, а на рюкзаках елозил я, собственной персоной. Вокруг себя я видел озарённых божественным светом парней и странных девиц с таинственными предметами на поясице. Вырезанные вручную из какого-то полимерного материала, они были снабжены резинками, разрисованы и исписаны по всей поверхности боевыми кличками горцев и фамилиями великих

первопроходцев...

Мои друзья Лёха и Юля тряслись в филейных частях автобуса-скакуна, которые подкидывало аки корму парусника в шторм. Но Алексей в какой-то момент даже умудрился заснуть на трёх опустевших задних сидениях... А когда очнулся, не мог стоять на ногах, так растрясло его многострадальную голову.

На время путёвки мою девушку звали «Таня». Такое имя было прописано в подставных документах. Это частенько вызывало путаницу, и иногда даже вносило сумятицу, но нам, четвёрке смелых, конечно же, было просто весело и наплевать. «Таню» запомнить было относительно легко, потому что в городе осталась общая подруга с точно таким же настоящим именем.

Невзирая на мелкие неурядицы, «скакун» уверенно приближался к главному ивенту каникул. За бортом клубилась ночь, все кимарили, кто как мог, и клевали носами... Мне отчего-то не спалось... Наверное, потому что я не привык кататься во сне на рюкзаке по металлическому полу. Наконец, сморило и меня.

Дальше все, по-видимому, просто выключились от усталости. «Пазик» швыряло на крутых поворотах Чуйского тракта, било мелкой дрожью на гравийке за посёлком Чемал, но нам уже было всё равно. Всё когда-нибудь кончается, и вот, перекувырнувшись через мостик, стальное детище отечественного автопрома вкатилось в некие распахну-

тые ворота и, наконец, замерло. А пассажиры, наоборот, стали один за другим оживать.

Я выпал из тяжкого железного нутра во влажную тьму. И замер, как вкопанный. Надо мной высились ОНИ. Неведомые. Мохнатые громадины. Ещё более чёрные на фоне ночного неба. Они пугали и манили меня. Я был как первый космонавт на Луне. Как домашняя кошка, которую вытащили на улицу. Я дрожал от изумления.

Дайте ватник

Закон кино: то, что происходит в кадре, должно быть красивым, даже убийства и смерть. Киноиндустрия романтизирует бандитов и злодеев, зачастую делая культ из малопривлекательных деталей и отвратительных подробностей. Но снято всё так, что настоящего отвращения и страха не возникает. Чтобы почувствовать разницу, достаточно сравнить сцену совершённого преступления из фильма и документальные съёмки с места реальных событий. Кровавые ошметки плоти, неестественность позы, пугающий вид мёртвого лица... Такого нормальный человек видеть не захочет.

В книге же всё наоборот, тут моя задача – сделать так, чтобы читатель «прочувствовал» всё на собственной шкуре, максимально приблизить его ощущения к моим, насколько это вообще возможно. И в целом это, пожалуй, невозможно: ведь люди всё понимают по-своему, чувствуют по-своему, реагируют по-своему. В конце концов, все картины им нарисует собственное воображение, а мой голос – лишь фон, субтитры, вектор направления для бегущей мысли.

Спокойствие, никаких убийств я описывать не собираюсь! Я всего лишь хочу донести до вас убийственное ощущение ХОЛОДА, который я испытал в августе 1997-го, проживая в Эрлагале на отдельной жилплощади, то есть в большой брезентовой палатке на две панцирных кровати.

Так холодно мне было впервые в жизни. И не потому, что прежде не замерзал в мороз; бывали в детстве такие зимы, что лицо по пути из школы домой покрывалось ледяной коркой... А потому, что прежде не сжимало меня так чувство Постоянного Холода, час за часом, день за днём – холода, от которого просто некуда деться! Правильнее сказать: «ночь за ночью» – так как холод этот приходил за мной по ночам.

Погода выдалась дождливая, если не назвать её чрезвычайно дождливой. Именно после Эрлагола я поставил крест на месяце августе, как самом неподходящем времени для алтайских походов. Ежедневная непрекращающаяся морось сменялась грозами и ливнями, так что сидя угрюмо в палатке, провожая тоскливым взглядом из-под полога преподавательских ребятишек, весело шлёпающих по лужам, я мог лишь удивляться их оптимизму. Впереди бежал ребетёнок Бориса Скворцова – в одних трусиках, босиком. На улице было мокро и зябко. Я с завистью смотрел на него и думал, что такое растение мимоза в ботаническом саду, как я, тут же подхватило бы пневмонию, бронхит, тиф и дизентерию! – в столь тепличных условиях оно было выращено... А этот вон бегаёт по воде, здоров и весел! Какие всё-таки молодцы родители, что закаляют чадо с малолетства!

Борис Скворцов – старший инструктор по туризму спортивного лагеря «Эрлагол», автор интересных книг о походах по Горному в семидесятых-восемидесятых, где, в том числе, упоминаются трагические эпизоды гибели туристов на Ен-

гожке и Чебдаре. Теперь для меня – человек несомненного авторитета, ему принадлежит фраза: «Горы нужно любить, чтобы туда ходить, и горы нужно уважать, чтобы оттуда приходить». А тогда я всего этого не знал... Когда писал эту книгу, зашёл на его страничку и увидел недавние фото с сыном и дочерью. На них меряют шагом перевалы убелённый сединами Борис в неизменной кепке, светловолосый юноша и голубоглазая красавица-девушка чуть постарше. Так вот ведь именно она тогда и бегала босоногой малышкой по Эрлаголу! Дети – достойные продолжатели туристических традиций... Оказывается, Борис мой земляк, с Алтайского края. Узнать об этом было приятно. Желая большой удачи всей их большой спортивной семье!

Эрлагол разлива девяностых представлял собой маленькую копию большой страны, которой стало наплевать на своих граждан. Я имею в виду, конечно, не инструкторов, а лагерь как организационную систему. Как государство, невидимо «управляющееся» президентом-директором, у которого есть свои любимчики и родственники, а есть – вменённые ему в обязанности... проживающие. Не будем переходить на личности, скажу только, что классовое расслоение в лагере было налицо. В статусном двухэтажном главном корпусе жило привилегированное сословие. Преподавательский состав попроще и отдельные счастливики – в одноэтажных деревянных домиках на несколько комнат, а «прочий контингент» – в продуваемых всеми ветрами палатках. Обще-

ственные события традиционно вращались вокруг столовой и бани (она, как говорили, где-то есть), а быт и личная жизнь студентов были пущены на полный самотёк. По этому поводу я сложил поговорку: «В Эрлаголе, если ты умрёшь и будешь валяться посередине лагеря, то в лучшем случае через тебя будут просто переступить».

Возможно, я слегка драматизировал, и в этом «самотёке» заключался некий непровозглашённый принцип свободы. Никакого сравнения с пионерскими и спортивными лагерями из моего детства!

Проживающему в одни руки со склада отпускался комплект постельного белья, полотенце, матрас и (палаточникам) спальник советского образца, поименованный мною ватником. Это был неподъёмный, в человеческий рост мешок цвета хаки, удивительно толстый и удивительно хреново греющий. В первые пару ночей мы легко в этом убедились. На третьи сутки я с утра тёрся возле склада, выловил кладовщицу, и, не помню уже какими ухищрениями, выцыганил нам с «Таней» ещё по одному сатанинскому спальнику. Кажется, просто воспользовался особенностями их «неучёта».

Дальше делали так. Клади на сетку матрас, на матрас первый спальник, в который залазили сами, предварительно натянув на себя ВСЕ свои вещи, а сверху накрывались с головой вторым дубовым спальником. У меня была тёплая осенняя куртка на искусственном меху. Я ещё сомневался, стоит ли брать в поездку такую тёплую. О, как я потом был себе

благодарен! И этой синей куртке с ненатуральным ворсом...

Естественно, спали в двух носках, в шапках и в капюшонах. И удавалось не дрожать почти всю ночь, пока не подступало утро. Утро...

Утро – это воплощение сырости и холода, ежедневная встреча с ним для тебя полностью не желанна. А это чревато тем, что ты можешь просохатить завтрак. Благословенную пшённую кашу, какао и хлеб с маслом. Ценные белки, жиры и углеводы. И ради них ты встаёшь, разгибаешь левой рукой окоченевшие пальцы правой, кладёшь в них зубную щётку с мазком пасты и спускаешься через кусты к громыхающему Чемалу, где от ранней свежести воздуха и воды уже ломит кости, зубы и всё твоё существо...

Так я ощущал это тогда, так и пишу без прикрас. Я мучился. Во мне медленно погибал, сопротивляясь, домашний мальчик.

Почему мы так страдали от холода? Не Колыма же это, в конце концов! Не лагеря Дальстроя! Это ж летний добровольный лагерь, он создан для отдыха и развлечения!

Думаю, всё дело в устройстве палаток. В будущем их убьют и поставят двускатные домики на две персоны, там будет стократно теплее. А пока имеем шатёр из непонятного материала, без дна, и стоящие на земле больнично-общажные койки. Ветер пронизывает эту конструкцию насквозь, дождь проникает через щели, а сырость от реки и туманы вползают прямо сквозь материю...

Днём солнце могло бы высушить нас и прогреть, но солнце сутками пропадало где-то в других уголках планеты.

«Личную жизнь» мы скрашивали, как умели. В основном, водкой и гитарой. Для этого по вечерам прибивались к кострам у домиков. Надо сказать, только домики обладали крытыми костровищами с деревянными лавками по периметру, и в этих квадратных беседках обычно собирались компании людей, ценящих романтику, тепло и горячий полуночный ужин... У меня же имелась гитара и адский набор песен из репертуара «Кино-ГО-Крематорий», так что мы всегда были желанными гостями. Думается, именно в Эрлаголе я прокачал скилл «орать во всю Ивановскую».

Интимную личную жизнь в течение месяца не возьмусь описывать... Достаточно сказать, что секс на панцирной сетке в солдатском спальнике очень громок и специфичен...

...Четверо ждали Похода. С ужасом и вожделием – события, анонсированного в главном конференц-зале, то есть лагерной столовке. Анонс представлял собой несколько линованных листков из ученической тетрадки, развешанных на стене. На каждом стояло ФИО инструктора, а ниже в столбик шли цифры с фамилиями тех, кто вписался: 1, 2, 3...

Тех, кто ВСТРЯЛ.

Мы мечтали встрять, дождливое однообразие лагеря становилось невыносимым. Наши четыре фамилии попали в столбик на листке Виктора Малявинского. Ох, с каким же

знанием дела мы стояли, рядились и выбирали себе приключение!

– Смотрите: «Борис Скворцов, Альбаган, 9 дней». Прикольное название! Мне нравится...

– Блин, девять дней... Не многовато ли?

– Да, девять – фиг его знает... Может, для начала в шестидневный сходим? Посмотрим, как чё...

– Ага, давайте для разгона на недельку. Хотя название странное... «Ложинские оз.» Лажа какая-то, ей-богу...

– Ладно, пиши на Малявинского...

Горы для дураков

Происхождение названия «Гора Дураков» эрлагольцы объясняют двумя способами. Во-первых, гора практически нависает над лагерем: какой же дурак на неё не полезет? Во-вторых, гора эта не так проста, как кажется на первый взгляд. Залезть на неё несложно, а вот спуститься... Тропку на спуске обычно теряют, лезут наобум по «кратчайшему пути» – вон же он, лагерь, в той стороне! А дальше выходит как всегда... Оп! – и откос, оп! – и непроходимая чаща с буреломом! Начинаешь обходить, а там из ниоткуда взявшийся скальный выступ. Суёшься в другую сторону – там обрыв...

И сидят люди-дураки на горе, свистят и семафорят часами, чтобы их сняли оттуда. Вот тебе и название.

Чем заняться мертвецу в Дэнвере дураку в Эрлаголе?

Можно стонять на обзорную площадку над Катунью, к горе Верблюд за селом Чемал, или сходить в трёхдневный поход на Ванночки. Выше Чемала по течению Катуня есть интересное местечко, где поднявшаяся весной вода наполняет круговые каменные нагромождения, и после отступления реки летом там остаётся что-то вроде маленьких бассейничков с прогретой стоячей водицей. Конечно, относительно прогретой и относительно стоячей, учитывая беспокойный нрав Катуня, но всё же, в сравнении с ледяными струями бирюзовой матери алтайских рек, это неизмеримо

мо более подходящий для купания вариант.

Все эти развлечения потом, в грядущие годы... А сейчас мы «на новичка», ничего не знаем, всего боимся и стараемся не растрчивать силы на мелочи. Готовимся к главному. Говорят, в тайге водятся клещи... Кто это такие, мне известно лишь из плакатов в районной поликлинике, где медсёстры с поднятым вверх указательным пальцем предупреждают и предостерегают от походов в лес, а шприцы с каплей крови на конце и косолапые крабообразные существа с множеством лапок окончательно мотивируют этого не делать.

Рассказывают также, что для похода нужны рюкзак, спальник и складная палатка. Ну, это добро, поди-кось, выдадут...

Пока позволяем себе лишь побродить немного вокруг лагеря, чуть-чуть подняться по «кубинской» дороге, да залезть на два десятка метров вверх по косогору, который начинается прямо за хозяйственными постройками. Краса вокруг открывается дивная, особенно когда выглянет солнышко, и в ясные тихие ночи, когда фиолетово-чёрный купол неба покрывается мириадами огромных «живых» звёзд.

Поражает также Чемал, река, прозрачная насквозь до самого дна – настолько, что когда фоткаешь сверху, на фотографиях получается какая-то бурая, заваленная камнями дорога... При всей кажущейся мелкоте, речку эту не перейти: струи мало того что леденючие, так ещё и валят с ног взрослого человека. В Эрлаголе два мостика через Чемал. Один

прямо перед главными воротами, другой в конце долинки, за лагерем. Мы повадились ходить на дальний, собирали там красивые камешки, разводили костёрчик в рощице на мыске, а ещё... рвали коноплю. Непосредственно верхние части растения. Пытались реализовать рецепт эрлагольского счастья.

Эти процедуры носили курьёзный характер и превращались в фарс. Сушить должным образом чуйские шишки никто не умел, не хватало ни знаний, ни навыков, ни хорошей погоды. Результат был смешон. Лежишь на спине, забил папиросу зелёными шариками, и пытаешься их тянуть... Звёзды... Ах, какие огромные звёзды!

Ещё в непосредственной близости от лагеря находится живописное слияние рек Кубы и Чемала, то есть Куба впадает в Чемал, и никак не наоборот. Этот факт меня всегда удивлял, потому что Куба мне казалась более полноводной и опасной. Видимо, я просто не бродил через Чемал.

Наши похождения всё-таки привели ко мне одного косолапого клеща, он то ли укусил меня, то ли лишь попытался. Местный эскулап, коего я с трудом разыскал за два дня, поковырялся немного в ранке, а потом дал успокоительную таблетку и какую-то мазульку от раздражения. Я снова стал здоров.

– А когда мы уже попадём в баню? Она же где-то есть...

Но где, и как туда записаться? Ах, занята? Ах, опять не сегодня? Желаящим помыться – прямая дорога через кустики

к реке!

– Харррр! – бухаешься в ледяные валы, и тут же выскакиваешь на берег. Гольши скользят под подошвами, мешают ровно ступать. Ноги уже ничего не чувствуют. Трясаясь, растираешься полотенцем – и к костру. Вымытый и чистый на сто процентов.

Чемал – бодрящая река. Мощная, звонкая. Хрустальная вода гудит на перекатах. Прозрачный поток петляет между изумрудными хребтами, огибая эрлагольскую долину широкой дугой. Красота вокруг, тишина... Лишь изредка, раз в пятилетку, пропылит по дороге вдоль реки залётный егерский узик или допотопный люлечный мотоцикл алтайцев. В те времена поймать попутку на дороге по Чемалу было редкой удачей.

Пару раз ходили вчетвером в одноимённый посёлок Чемал – единственный оплот цивилизации в округе, аж с двумя (!) продуктовыми магазинами, причём во второй надо плестись через весь населённый пункт, вытянувшийся вдоль реки в длинную ленту. На протяжении семи километров грунтовой дороги от села до лагеря был лишь один след присутствия человека: питомник хвойных деревьев. Сегодня никто не поверит, что Горный Алтай ещё двадцать лет назад был совершенно диким.

Всем этим «посещенцам» озера Ая (я называю их Дети Озера Ая) никогда не понять счастья пребывания НА-ЕДИНЕ с природой. Инстинкт толпы гонит их на одну боль-

шую навозную кучу, которую можно привычно грести ногами. Я не хочу умалить первозданной красоты упомянутого озера, хочу лишь посочувствовать ему, так мало от неё уже осталось. Бухать, пляжиться и развлекаться – три кита матричной толпы, привозящей с собой в тачке и в голове свой быдлообраз быдложизни, куда бы они ни прибыли. И вот с природой творятся удивительные превращения. Древний Караканский бор превращается в открытую лесную парковку для жарки шашлыка... Прибрежная полоса утыкана машинами, из распахнутых дверей ухают шансончик и электронная попса, по несчастному ельнику стелется едкий дым. Вторая, простирающаяся вглубь большая часть леса стала гнусным общественным туалетом. Она в прямом смысле засрана, устелена пожелтевшими бумажками, по ней невозможно ходить, она смердит...

Кто на очереди? Конечно, Горный Алтай! Ая, Талда, Манжерок... Кузлинская поляна... Дороги – вот что убивает природу. Дороги – проводники дураков. И частенько – откровенных гадов.

По узким лесовозным одноколейкам ходят бородатые геологи с теодолитами и ездят «шишиги» с любителями природы. Идущая им на смену грунтовка уже влечёт к себе узики с поддатými охотниками и «газели» со смешанным народцем. Асфальтированный хайвей, венец дорожного строительства, приносит в горы шустрые спортивные иномарки и выпендрёжные городские джипы с «ловцами экзоти-

ки» и истинными адептами денежных развлечений. И горы гибнут. Умирает заповедная тишина. Столетний кедр идёт на поделки, тысячелетний камень – на сувениры. Дремучие ущелья наполняются пьяными криками «потребителей природы», готовых срубить и распилить всё, что растёт, выловить, перестрелять и сожрать всё, что бегают, плавают и летает...

Достаточно. Хватит. Перечеркнём крест-накрест три предыдущих абзаца. Всего этого нет в моей картине мира, не должно быть! Мой Алтай другой: звонкий, как трель иволги и стук дятла в сосновом лесу, чистый, как порыв предгрозового ветерка. НАШ Алтай.

И аванпостом этого Алтая, таким домиком на опушке, проводником в мир живой природы и волшебства стал для меня Эрлагол.

...На Гору Дураков я залез спустя несколько лет. Сделал всё наоборот. Поднимался по «кушарям» и обрывистым расщелинам, а спустился, обогнув гору, с другой стороны по тропе. Спокойно и без хлопот. Без особых приключений. Ну, не дурак ли?

История двух самцов

Фактически, в Эрлагол меня затащил мой друг и боевой студенческий товарищ Лёха Ващев. Не уверен, что это он автор-сочинитель вводной описательной части про траву и звёзды, но слагал тоже уверенно и завлекательно, рассказывая про «лето в Эрлаголе». По всему выходило, что ехать надо!

И вот мы здесь.

Сидим в лагерной столовой, за окнами хлещет дождь. Ждём, пока народец рассосётся, и добрые поварихи предложат оставшимся добавку. Такое случается, если иметь достаточно выдержки и наглости. На один комплект талонов не шибко разживёшься. А у нас молодые растущие организмы... Каша, естественно, нас в меньшей степени интересует, а вот бутер с парой кубиков сливочного масла... Или завалящая котлетка, под какао с булочкой...

Психологический портрет Алексея таков. Характер нордический, уравновешенный. Манеры учтивые, вид деловой. Добавьте к этому подтянутую спортивную комплекцию и кошачью походку самоуверенного самца... И получите объяснение, почему некоторые девушки из нашего эрлагольского окружения в него тайно влюблены. В частности, одна, имени я не помню, для простоты назовём её Аня. Была она девушкой тонкой душевной организации – какой, по моим то-

гдашним понятиям, и должна быть истинная походница: любящей природу и животных, в общении мягкой и отзывчивой, но стойкой перед ударами судьбы, дождя и ветра. Она, конечно, держалась на почтительном расстоянии, ведь Лёха «занят», он с Юлей, но поведение и неровное дыхание Ани выдавало бедняжку с головой.

Кошачья походка, как ни странно, не слишком способствовала сближению Лёлика с пушистыми существами, именуемыми, собственно, котами. Особой искры любви между ними не проскакивало. Расскажу предметно о приبلудном коте, который постоянно дежурил вместе с нами в столовке. Доброта поварих на него не распространялась, зато он часто получал съедобные бонусы от сердобольных девочек-студенток. Этот сей кот имел обыкновение тереться об ноги, и даже позволял себе вскакивать на колени потакающих ему гражданок. Но в тот раз он не угадал.

Котик изловчился и выбрал своей целью... Лёху. Это было фиаско. Как результат, он пролетел пару-тройку метров по воздуху и смачно шлёпнулся хребтом о стену. А стены столовки состояли из металлических рам и полупрозрачных пластиковых панелей, такой летний вариант; капитальные кирпичные стены возведут десятью годами позже.

Короче, котейка пострадал исключительно психологически. Панель отпружинила мягкое тельце и отбросила в сторону. С воплем упрёка и разочарования он поспешил покинуть помещение. А вот ребята за соседними столиками

насторожились. В смысле, замерли в лёгком шоке. Никто от Лёхи такого поворота не ждал. Особенно чувствительная Аня, она после того случая к нашему альфа-самцу заметно охладела.

История с «целлофаном»

Мы ждали этот день, и вот он пришёл.

Нас повели на склад за инвентарём и к палатке с раздачей за долей груза на каждого. Тут улыбки с наших детских лиц начали сползать. А лобики морщиться и думу думать.

Как мы всё это... понесём? Да ещё в таких вот круглых брезентовых шариках с ляжками... Туда же ещё и свои вещи надо складировать! С кислыми минами приняли из щедрых рук инструктора «железо» в виде консервных банок, крупы-вермишели, сахар-соль и кустарно герметизированный тетра-пак... со сливочным маслом. Этот способ хранения походного продукта, за неделю ставшего моим любимым, поразил до глубины души.

А ещё раздавали... «целлофан». Для нас он был именно целлофаном, много позже повсюду распространилось модное слово «полиэтилен». Пластмассовый мир победил десятилетие спустя. А тогда я получил массивный мутного цвета квадратный свёрток, недоумеваю, к чему всё это. Уже в походе все поняли, что целлофана много не бывает, когда бывает много дождя, а по возвращении стали применять его и к своим стационарным койко-палаткам.

Сейчас же дядя Витя объяснил, что вещь нужная, помогает защищаться от влаги. Мы не спорили. Мы всё больше понимали, во что влипли. К целлофану прилагались прищеп-

ки, а кому не хватило – шнурки, и, глядя на них, моя девушка «Таня» сказала вдруг растерянно:

– А у меня обуви нет...

– То есть, как нет? – спросил инструктор.

– То есть, как нет? – спросил я.

– Ну, мне никто не сказал, куда я еду... У меня только босоножки...

Четвёрка смелых сконфузилась. Но Виктор и глазом не повёл. Высокий, худощавый, светловолосый сухопутный волк.

– У моего сына есть старые кроссовки. У вас какой размер?

– Тридцать седьмой...

– Думаю, подойдут. Пойдёмте, они в комнате.

И они удалились в сторону эрлагольской ратуши. А мы переглянулись. В глазах Лёхи и Юли был немой вопрос.

– Ну, как-то так..., – неуверенно промямлил я. – Зато она взяла штормовку...

Когда «Таня» шла обратно с парой белых кроссовок в руках, на её лице не было ни капли торжественности. А был... страх. Мы трое глянули на обувь и невольно скривились. Белыми их уже можно было назвать с большой натяжкой. Но главное, тут и там на стыках кожи и подошвы зияли дыры шириной с большой палец.

– Я ему говорю... они дырявые! А он смеётся: это же хорошо, вода будет выливаться!..

И она мрачно посмотрела на меня.

...Вода и правда хорошо выливалась. Все шесть дней.
Очень удобно, не обманул дядя Витя...

Высокий старт

Начало. Всё существо замирает (и все существа тоже), когда мысленно возвращаешься к нему. Я его не забуду. Хоть двадцать лет пройдёт, хоть пятьдесят.

Нас грузят в машину. Не обычную «шишигу» с окошками по бокам и за кабиной, а какую-то военного образца, глухую, без всякого обзора. Герметичный стальной кунг, где царит душноватый полумрак. Сидячих мест, как всегда, не хватает, едем привычным манером: на половых рюкзаках. Машина страшно ревет и даёт ходу. Пассажиров начинает кидать друг на друга.

Час, и другой прыгаем в брюхе железного монстра, будто слепые котята, проглоченные какой-нибудь мантикорой или тарраской. Можем только слушать, что творится снаружи. И слушаем с ужасом.

Там что-то долбит по обшивке межпланетного корабля, что-то стучит, рычит и скрежещет. Снизу сыплются совершенно дикие и коварные удары, от которых любой монстр должен был бы перевернуться... Что-то шелестит, гремит и плещет... Ей-богу, такое ощущение, что едем... по реке!

Я хочу обратить ваше внимание, дорогой читатель, на то, что для юнцов, первый раз в жизни оказавшихся в горах и ничегошеньки о них не ведающих, самая эта мысль казалась фантастичной и пугающей. Представьте, что вы никогда

не видели горной реки, и вот вас берут за шиворот и кидают в надувную лодку, а потом отталкивают её от берега – да здравствует сплав!

Нам и правда поначалу не верилось, что автомобиль может ехать через реки, но шумы за металлической стеной очень походили на то. Монстр всё сатанел и не унимался, кишки подлетали к горлу, теперь всем хотелось одного: выбраться отсюда. Однако смутно мы уже понимали, что ВЫБРАТЬСЯ оттуда, куда нас везут, так просто не получится!

Наконец, машина конвульсивно дёрнулась и замерла, дверь кунга заскрежетала. Меня ждал новый мир...

Там оказалось свежо и красиво. И пасмурно. Небольшая речушка, журча, убегала вниз, к реке побольше. Над головой качали кронами берёзы и кедры, по траве пробегала волнистая рябь. Мы взбодрились, по-солдатски оправились и... пошли. Без всяких напутствий и предисловий. В ту сторону, куда пошли все. В гору.

...И пошёл дождь.

Такое чувство, что первая капля упала на меня, когда я сделал первый шаг.

Потом упала вторая и третья, засеменял тоскливый липкий дождик, которому конец предвидится не скоро. Четверо остановились и стали рыться в мешках в поисках хлипких дождевиков. Отстали. Линия фронта быстро ушуршала вперёд. По заросшей дорожке, змеящейся вглубь распадка.

Рюкзак – такая штука... Я не обращал на него внимания,

когда тащил из лагеря к машине. И пока ехали. Теперь вот... обратился. Через пять минут он показался мне довольно-таки тяжёлым. Через полчаса – очень тяжёлым. Спустя час я понял, что жестокие организаторы взвалили мне на горбушку непосильное бремя. Я уже жалел, что подписался на такое издевательство.

Ещё мне захотелось пить. Это под дождём-то... Дорожка шла по-над речкой, которая постоянно шумела где-то сбоку, за кустами, но добраться до воды оказалось невозможно. На это просто не было времени.

О том, что в Горном Алтае можно запросто пить водицу из любого ручейка, я узнал с большим удивлением. Теперь же у нас были поллитровые ПЭТ-бутылки с винтовой крышкой, и вопроса, как их наполнять, не возникало. Мы уже неделю употребляли воду из Чемала в лагере, и она была превосходной.

Вот и мостик, просто несколько брусьев, присыпанных землёй. Переходим ту самую речку, которая нас преследует. Скорее к воде! Да фиг с ней, с бутылкой, черпаем ладонями! Пальцы кукожатся. Какая холодная! Оглядываемся. Блин, где же все остальные? Кто-то упустил пробку... Начались первые потери...

Небо заволокло окончательно. Дождь заговорил более резким тоном. Я не сомневался в серьёзности его намерений. Китайский дождевик «для дачи» прилип к лицу и голове. Плечи взвыли. Дорога всё петляет и петляет. Второй

мостик, третий, четвёртый... Промокли снаружи, и взмокли изнутри. После двух часов угрюмого ковыляния дождь сделался бесчеловечным.

На свободном от деревьев пятачке, близ едва различимого остова сгоревшего сруба, Виктор Малявинский решил сделать стоянку. Речка здесь делала небольшую петлю, к косогору прижался невысокий молодой березняк. Речка называлась Абаш. Мы этого не знали.

Как только группа остановилась, сверху обрушился натуральный ливень.

– Почему стоим? Привал, что ли?

– Да вроде, говорят, всё на сегодня... Встаём здесь.

– Встаём?!..

Не верим своему счастью. Мгновенно падают на землю десятитонные заплечники. Но, блин... а льёт же! Что делать-то?

– Ставим палатки! Дежурные разводят костёр.

Дядя Витя отдаёт распоряжения. Дежурные – это те, кто сегодня готовят завтрак, обед и ужин.

Это мы. Четвёрка бесстрашных. И хитрых. Решили «сразу отбиться, чтобы потом уже не заморачиваться». Вызвались дежурить в первый день, он ведь короткий... Это было ещё до дождя. Обратку включать поздно.

Бегу в березняк вырубать колышки и стойки для временного жилища. Живые деревья не трогаю, ищу сухие стволы, сучья и палки. С учётом ситуации, это жёсткое самоограни-

чение, но мне везёт. Брезентовая палатка из семидесятых (так и хочется назвать её «пилоткой») держится, только если поставить внутрь неё две вертикальных распорки, спереди и сзади. Это несколько специфично, и совсем не понравилось бы современным ребятам, привыкшим к стеклопластиковым дугам. У нас выбора не было.

Ну вот, «пилотка» грустно повисла на палках, спешно приматываем к углам концы целлофана... Бесплезняк! – всё уже промокло, и концы, и целлофан, и крыша тряпичного домика... Девчонки возятся у костра, а по правде сказать, у того места, где давно должен был бы возникнуть костёр. Но не возникает: любые проблески пламени тут же заливаются водой. Дядя Витя подаёт знак. На помощь выдвигаются ещё два бойца. Четыре титана, включая нас с Лёхой, держат за четыре угла плёночный отрезок над несчастными Юлей и «Таней», отчаянно замешивающими крупу на слабых язычках огня. И титанов, и Юлю, и «Таню» обильно орошает всё набирающий силу Дождь.

До сих пор не пойму, как нам в таких условиях удалось приготовить тот скорбный ужин. Да только каша набухает, дождь, как по команде, стихает, и по лагерю разносится призывный металлический звон... Улучив момент, Лёха подмигивает мне:

– Айда в палатку, проверим, как чё...

В палатке у него фляжка с водкой. Мы мокрые насквозь. Нас колотит. Наш новый дом стоит немного на склоне,

на мягкой травке. Внутри уже расстелен огромный общий спальник, плюхаемся на него. Ключевое слово: «плюхаемся»! Как только сели, снизу... поднялась вода. И вот мы лежим в луже!

– А, по х...

Сделав несколько мощных глотков, я откинулся на спину и зашел:

*Смерть... это место для тех, кто мёртв!
Смерть – это место для тех, кто жил...
Это место встречи тех, кто бродил
Босиком по алмазной ржи...²*

Лёха подхватывает. Дуэт обречённых:

Это родина... Смерть!

– Эй, ребята, да вы палатку неправильно поставили!

– Да? А как надо?..

Нам показывают. Дают лопатку. Переставляем сырую брезентовую избушку на курьих палках, обкапываем её канавкой для стока воды. Покрываем уже двумя слоями «целлофана». Туго затягиваем шнурками. А вокруг красота – не видать ни черта...³ И снова дождик накрапывает.

---

² Слова из песни Егора Летова «Родина Смерть» (текст отличается от оригинального группы «Инструкция по выживанию»)

³ Слова из песни Виктора Цоя «Печаль»

Откуда ни возьмись из амбаров и сусеков наших коллег по безумию появляются два сухих спальника: трёшка и двушка. Одноместные спальники в дружном советском туризме не приветствовались: в них же холодно, никто тебя не греет бочком! Одноместный спальник на тур-сленге называется «смертник». И я уже начал понимать, почему... А водянистый пятиместный, совершенно неподъёмный теперь спальничек будем носить с собой, как знамя, все шесть дней, пытаясь сушить его у костра, на ветру, на редком солнышке...

– Лёха, водка ещё есть?

– Спрашиваешь...

Это был первый день моего первого похода.

Дым без огня

Есть хорошая шутка. Чтобы туристы полностью слились с окружающей природой, нужно всего лишь... три дня непрерывных дождей.

Чем интересен дождь в походе?

Это время, когда отсутствуют фотографии. Фантастические виды свинцовых небес, с которых тяжёлой стеной надвигается на горы цунами туч, померкших синеватых ущелий, притихших кедров в распадках над реками – всё это остаётся лишь в памяти очевидца. Мало кому взбредёт в голову щёлкать цифровым объективом под ливнем, а плёночная техника боялась даже обычной мороси.

Обычная морось делает необычно трудным разведение костра. Непрекращающийся дождь способствует тому, что мокрыми становятся все вещи, даже те, которые обязаны быть сухими. Оказывается, раскисла газета, которую ты собирался использовать для розжига... Выясняется, что спички размокли и смялись, потому что в прошлый раз ты второпях сунул их просто в карман... Вот уже и «сухое горючее» стало отнюдь не сухим... Что же это такое?

Это вода, бэби! Она течёт, и всё видоизменяется. Льётся, сочится, капает...

Прежде чем развести огонь, порядочные туристы должны как следует накушаться дыма. Для этого приходится непре-

рывно поддувать, махая хобой или другим гибким предметом. Называется это «хобить», а на нашем языке – «форчить». Махалок для барбекю с собой не захватили, да их ещё и не завезли в отечественные магазины...

Развести огонь – полдела, его ещё надо удержать. Ветер рвёт пламя на части, а ливень иссекает своими стальными пулями. Сейчас мы запросто защищаемся от них тентом, но тогда слово «тент» было просто английским синонимом «палатки» из кроссворда.

Сегодняшний день был посвящён перевалу Абаш. Принесён ему в жертву. Вместе с ногами, коленями, плечами, спинами... Я забыл, что такое сухие и чистые ноги. Как быстро, всего-то два дня в горах! А это нетрудно: весь день иду по жидкой грязи. Прямо по ручьям. До дождя они назывались тропами.

Я собирался много чего жуткого и вопиющего написать про Абаш. Но странное дело, вот уже и не хочется! Сказываются годы походов, сказывается то, что недавно опять ходил поклониться знаменательному перевалу из «детства». Век живи, век удивляйся своему невежеству. Оказывается, перевал над рекой Абаш, ведущий на другую сторону Чемало-Кубинского Водораздела, на самом деле по-алтайски зовётся Ат-ужер, и значит это: «Слезь с коня!»

Название даёт хорошее представление о его крутизне, ведь даже на Кара-Тюрек лошадики верхом поднимаются... Конечно, Абаш не такой каменистый и высокий, со сторо-

ны он выглядит безобидной лесистой горкой... Даже не так, со стороны его вообще не видно. Просто плетёшься вслед за дядей Витей, ползёшь по земляному скату, цепляешься за корни кедров, молишься своим богам... На совершенно неприметном переходе люди любят утрачивать сознание (об этом чуть позже).

Вчерашний дождь повторился сегодня в виде слякотного марева и мелкой сеянки. Обозлившись на него окончательно, я добрался до верха, кажется, исключительно на силе этого чувства. Последние кедровые шапки взметнулись под небесами, и вдруг серая мгла расступилась. Сырые тучи остались под нами! На горизонте меж жемчужными облачками блеснула яркая синева. Как же это возможно? Я вперил взгляд в открывшуюся обширнейшую долину, но взгляд неизменно сползал куда-то ниже, к подножию древесных стволов... Там тоже что-то блестит, среди зелени. Это... снег!

Незабываемое зрелище: белый снег на зелёной траве. И не просто выпавший лёгкий снежок или слежавшийся почерневший сугроб, а фирн – маленькие кристаллизованные ледяные шарики, словно градинки совершенной круглой формы! На ощупь и на вкус это льдинки, а на вид – прекрасная белая шапка на изумрудной шевелюре горы.

Потрясённые увиденным – и тем, что под ногами, и всем, что вокруг, – обрадованные, что кончился безумный подъём, позабыли про усталость и принялись скакать, пританцовы-

вая, между ёлок. Абаш – это «лесной» перевал, тем он и замечателен. Мы резвились, как шаловливые щенки, на поляне, и делали на плёночную мыльницу снимки, лучше которых у меня не было ни до, ни после. То были натуральные открытки: ярчайший контраст цветов, белого, синего и зелёного, идеально выбранная перспектива, и искренние улыбки на лицах странных юношей и девушек в оборванных китайских дождевиках. А за их спинами вздымался и дыбился Алтай, во всём его дивном величии.

Вот оно, счастье!

Которое, как известно, быстротечно...

Дальше снова плелись по колено в грязи. Чавкали кроссовками, как стадо свинтусов. Но уже вниз. Холодная жижа, затекающая за шиворот, бурая жижа, затекающая в обувь...

С того похода пошла моя мода (и тавтология, и стихи!) гулять по горам в джинсах. Чем объяснить выбор в пользу торговой марки Jeans, когда известно, что они промокают, тяжелеют, а потом засыхают сплошной грязевой коркой на ногах и на попе? Нет, я всё равно не ношу никаких новомодных быстросохнущих штанов. И шортов тоже не ношу: я видел, во что превращаются ноги, шоркающие по всем встречным кустам!

Джинсы – любовь моя. Они защищают меня от клеща и от колючек. Изолируют ноги от грязи, спасают от острых сучков и иззубренных каменюк. Тысячу раз в их карманах промокали мои носовые платки и туалетная бумага! Тысячу

я полоскал их, пытаюсь простираться, в ледяных струях рек, сушил у костра прямо на мокрой своей заднице. Ничто не отвратит меня от джинсов!

А вот с кедами вышло наоборот. Я быстренько пресытился ими, и очень скоро от них отвратился. Эта обувь не для гор. Скользящие по окатышам, накаляющиеся на льду, ничуть не щадящие ногу, неловко ступившую не туда... Нет уж, как хотите, а кеды – без меня. Тут вся трекинговая индустрия мне в помощь!

...Вечером спустились к лесной стоянке с зимовьем. Стряхнули с себя клещей. Не без отвращения, не привыкли ещё к ним, как к тараканам в студенческой общаге. Насторожились... Говорят, клещи дождь не любят... Я всегда так считал и продолжаю считать, будучи несколько раз покусанным ими в дождливое время.

Зимовье маленькое, из дверей пахнет сыростью и затхлыми матрасами. Но три человека всё же выбирают в качестве пристанища на ночь его. Остальные располагаются на полянке, где «свежо и влажно». Но дрова сегодня сухие, из-под навеса. Вниз по тропе журчит речка. Я ещё не знаю, что завтра её переходить, и сушу кеды. Вообще, я ничего не знаю, и всю дорогу буду сушить обувь. И пытаться обходить лужи. До самого Куралбаса. Потом отшепчет.

Выясняется, что готовые дрова использовать нельзя, максимум парочку. Если используешь – наруби новых. Таёжный закон гостеприимства и выживания. С гостем делись, а сам

не тронь чужого. Соблюдай порядок, и оставь после себя всё, как было. Справедливо.

И вот лазим по холодным темнеющим зарослям, щедро окатывающим дровосеков накопленной за двое суток влагой. Рубим, ломаем. Кормим чадящий очаг. Поедаем клубы дыма. Смахиваем рукавами слёзы, растираем красные глаза.

Дым есть, а огня нет. Фантастика! Есть греча, и есть тушёнка. Где мы сейчас? Помнит ли ещё кто-нибудь о нас на Большой Земле?

Туха и сгуха

Мы бежим по горам. За спиной – долины, впереди – вершины. Справа – река, слева – пропасть, под ногами – камень, куст и вода.

Нас длинная вереница. Впереди «быстроногие олени»: озарённый солнцем Ваня – любитель «Калинова моста», девушка тонкой душевной конституции Аня и ещё пара худых и жилистых бойцов, все они не отстают от Виктора. Вот они-то, честно говоря, и бегут, а мы – так, тянемся... Шлёпаем и месим. Наш клуб четырёх пытается не отстать от молодой супружеской пары, примкнувшей к Малявинскому в Эрлагале с целью (как я тогда думал) экстремального романтического путешествия... За нами семянят зрелый мужчина с сыном, последнему на вид лет тринадцать. В хвосте ковыляет «пятая колонна» – семнадцатилетние юнцы-абитуриенты, среди которых помню светловолосого румяного Максима и чернявого парня Б-Тенниса. Почему «Б-Теннис» – фиг его знает, меткие прозвища людям с лёгкой руки даёт Лёха, и они переживают их имена... Известно только, что «Б-Теннис» означает «большой теннис», хотя, ясное дело, паренёк тот в теннис не играл, ни в большой, ни в малый. И наконец, замыкает колонну Саша, сын Виктора. Не потому, что он самый медленный, а затем, чтобы никто не потерялся. Саша иногда убегает вперёд, но рано или поздно возвращается,

чтобы собрать убитых и пристрелить пристыдить раненых.

Разношерстность компании могла бы скрасить будни, если бы у нас была возможность общаться на ходу. На вопрос: «Что ты запомнил из похода?» все единодушно отвечали: «Ноги впереди идущего, которые месят грязь». Поговорить с сопоходниками удавалось лишь на стоянках, когда уже ни сил, ни желания шевелить языком не имелось. Там надо было спешно ставить палатки, рубить дрова, готовить ужин. Или обед... У нас, представьте себе, были обеды! Бонус из категории невероятного. Когда солнце валилось за полдень, и местность была подходящая, Виктор по чесноку тормозил партизанский наш отряд, быстренько сооружали костёр, ставили котелок на огонь... На обед уходило всего час-полтора.

И вот сидим в мохнатом таёжном углу на пригорке, радуемся передышке для ног и плеч, варим пузырящуюся сублимуть, черпаем чай большими пластиковыми стаканами изпод сметаны... Лучшая походная кружка в девяностые, между прочим: дешёво и сердито.

Лёха Вашев – великий мифологизатор похода. Его системе словообразования обязаны такие нетленные термины, как «форчмить», «подонок», и главное – «сублимуть». Попробую описать, что это такое.

Походная пища, с одной стороны, бесхитростная: никаких изысков, спартанская каша с сухим молоком утром и аскетическая каша с тушёнкой вечером; суп из консервов считает-

ся роскошью. С обратной же стороны – «хитростная»: страдающий и наслаждающийся организм обязан получать необходимое количество белков, жиров и углеводов. Их надо суметь унести с собой и, помимо всего прочего, умудриться сохранить в условиях агрессивной среды.

Среда сегодня или четверг, уже никто не помнит, но окружающая действительность – стабильно агрессивна. В долинах сырость, слякоть, мокрота, грязь, повышенная влажность... На верхотуре обжигающий ветер, град, прямое солнце. А на стоянках есть бурундуки, вездесущие воришки! Попробуй-ка, убереги от них орешки и сухарики, которые они чуют за версту! В зимовьях и лабазах кульки с припасами подвешивают к потолку, потому что бегать по нему – это единственное, чего маленькие бестии не умеют. Но в палатке такой возможности нет, и под покровом темноты начинаются бесчинства...

Любые разновидности лесных грызунов у нас называются «мыши». Наверное, потому, что для достижения вожаемой цели они способны прогрызть палатку и даже... рюкзак! Особые отношения, до слёз, с «мышами» у Ленки, подруги из будущего (с ней вы познакомитесь чуть позже). Её они отчего-то подчёркнуто не любят, и нападают на неё стаями.

Вот почему все немногочисленные виды походных продуктов должны быть сухими, сыпучими, плотно и герметично упакованными или закатанными в жёсть, как тушняк. Меня, как я уже сказал, очень удивило существование сливоч-

ного масла в нашем экстремальном... предприятии. Идея хранить его в пакетах из-под сока, покрытых изнутри фольгой, сама по себе блестящая. Напоминает народную поговорку и применяемый повсюду в нашей великой стране принцип выживания: «голь на выдумку хитра!» Типичный случай русской практичности. Стиранные пластиковые пакеты, «декоративные» автошины в палисадниках, обрезки ПЭТ-полторашек на гвоздях в качестве умывальников, сшитые конвертом куски полиэтилена вместо дождевиков – это всё отсюда.

Не спорю, масло всё равно дохнет на четвёртый-пятый день, даже и в фольге. Но зато эти первые три-четыре дня! Божежки! Смачный, от души кусмарь маслица, плюхающийся в твою миску с серой размазнёй... Падающий на горку макарон, похожих на автоматные гильзы... Патроны-макарроны... Потом они плавают в растаявшем масле, как в супе, и ты хлебаешь ложкой эту сытную жирненькую густоту, а рот – до ушей!

Но макароны в масле – редкое счастье, чаще всего в горных перекусах за милую душу жуётся варёная крупа под чаёк. А круп у нас широкий спектр: воспетые классиками пшёнка и овсянка для ранних трапез, рис и гречка для более поздних, и неповторимая, универсальная и священная для меня пшеничка, или полтавка, которая под тушёночку идёт, аж треск стоит за ушами.

...И есть ещё Ячка. Жутко полезная, но со скрипом уми-

наемая в виде каши. Поэтому её в переносных закромах обычно остаётся много... Но не выбрасывать же! Все пищевые калории строго по граммовке... И вот в какой-то чудный миг в котле кипит вода, в неё всыпаются остатки ячневой крупы и – внимание! – пара сублимированных пакетов с... сухим борщом! Есть ли разница, какие вкусовые добавки бодрить, правда?.. В походе всё съестся!

Буровато-красное варево бухтит, вскипает, вздымается, источая подозрительный шмон... Это сегодняшней скорый ужин. Называется – «Сублимуть». Питательно! Закрывай глаза (и нос) – и кушай. Мы кушали, клянусь.

Какими должны быть настоящие туристы? Мы не знали. Смотрели на остальных. Аня была заботливая. Ваня слушал «Калинов мост» на плеере, и сам отличался такой славянофильской внешностью, что «славянофилу» Ревякину мог дать сто очков вперёд. Аня с Ваней – как брат с сестрой: спокойные, рассудительные, неприхотливые. Ванюша однажды «сковырнулся» по пути – запнулся за что-то и кувыркком укатился с тропы по склону. Недалеко, на пару-тройку метров... Молча встал, улыбнулся и побежал дальше. Таким полагается быть туристу?

Весёлая супружеская пара хорошо владела сленгом. Они профессионально укорачивали слова. Тушёнка – «туха». Сгущёнка – «сгуха». В походе как в бою: всё должно быть кратким, звучным и лаконичным. «Хоба», «турик», «смерт-

ник»... В этом смысле, Лёхина «сублимуть» немного выбивается из ряда.

Витя Малявинский был типичным «геологом»: сухощавым, с добротной щетиной, упорным, немногословным. Таким же, если ещё не более нестигаемым казался и его сын Александр, крепыш с чудовищными «банками» икроножных мышц.

«Пятая колонна» была забавная, если не сказать – смешная. Мужчина с сыном мерили горы резиновыми сапогами, что для нас тоже было в диковину. Для авторитетных обладателей резиновых... кедров.

Так формировалась общая схема похода, этакий скелет, наглядное пособие для новичков вроде нас. Но кто-то обязан был всё это зафиксировать, описать... Разработать терминологию, подвести идеологическую базу, составить свод правил... Обязанности по постулированию железных туристических кредо любезно взял на себя Лёха.

Три правила туриста (Алексей В. ©):

Первое правило настоящего туриста. Никогда не прикуривай от зажигалки, если есть костёр!

Второе правило настоящего туриста. Переломись, а в руках ничего не носи!

Третье правило настоящего туриста. Не бери с собой в поход подушку! (по ситуации заменяется на «подружку»).

Есть ещё вспомогательные. Например, правило «подонка»: подонком признаётся тот, кто выскребает остатки каши со дна котелка. Или: сколько хобу не носи, попа всё равно будет мокрая...

Что такое «хоба», объяснять надо? Помните странные прямоугольники из вспененного материала на спинах у девиц в автобусе? Они надёжно держатся на резинках, и защищают поясницу от ветра. Эта штука, в случае опасности промокания, мгновенно сползает ниже, на пятую точку. «Хоба!» – и ты безопасно садишься на любую поверхность в сыром и стылом краю. Короче, хоба – это поджопник. Вручную она классически вырезается из пенки – коврика, коий далёкие от русской природы люди упорно называют кариматом. Да будет вам известно, господа присяжные заседатели, что слово «каримат» происходит от названия британской фирмы-производителя Karimor, так что это очень непатриотично. По своему опыту скажу, что нет ничего лучше, дешевле и красивее двухслойной ижевской пенки нарядных цветов. И хобы из того же материала.

На стоянке.

– Таня, – зовёт Аннушка.

«Таня» не откликается. Зов повторяется. Безрезультатно.

– Таня! – кричит Аня, – ...Которую друзья зовут..., – и она воспроизводит паспортное имя моей девушки.

«Таня» смущённо поворачивается. Мы трое хохочем.

Шаг

Утро не задалось. Лично у меня. Всем, кто не первый раз в походе, пофиг.

Моя трагедия в том, что свои с грехом высушенные вчера «чёрные тапочки» сегодня я обмакнул в реку на первой же минуте ходового дня. Так же сделали и остальные. А потому что речка, которую надо было пересечь, в пяти метрах от стоянки.

Но это не брод. Так, семечки. Настоящий Брод, говорят, скоро... На Енгожке.

Эх, хорошо пребывать в неведении! Вот зря бухтят новички, которых я сам теперь таскаю по далям и весям: мол, идём – не знаем куда, как скот на убой... Человек до тех пор спокоен в жизни, пока не знает своей судьбы, своего рокового часа.

Наш – пробил!

Пяток беговых километров по таёжной тропе вдоль шумливого русла, и замираем у широкой, по горным меркам, реки. У ГЛУБОКОЙ реки, по горным меркам. Вся группа в сборе. Полтора десятка человек. Кучкуются и жмутся к берегу, таращась на то, что предстоит. На реку Енгожок, во всём её бурном проявлении.

Виктор терпеливо и доходчиво объясняет, что сейчас с нами будет. Мы возьмёмся за руки, по четыре человека в ряд...

Да не ладошками, локтями сцепляться – и как можно крепче! Мальчики по бокам, девочки в середине. А потом по команде «Шаг!» все враз делают ОДИН шаг левой ногой. Следующая команда – правая нога. И так далее. Шагать вместе, ногу ставить прочно, в упор между подводными камнями. Держать ряд. Не отцепляться ни в коем случае. Иначе...

Все посмотрели вниз по течению и быстренько смекнули, что будет иначе.

Белопенный Енгожок клокочет и уносит тонны воды справа налево, справа налево... с вызывающей уважение скоростью. За ним тянутся к небу статные отроги гор, покрытые колоритной смешанной растительностью. Нам – туда. А пока что мы здесь, и хорошо чувствуем эту разницу. Каменистая пойма дрожит от напора могущественной реки. Горы молчаливо спрашивают меня:

– Уверен, дружок?..

Нет, я не уверен. Но показать этого нельзя. Ни друзьям, ни коллегам по несчастью, ни, тем более, горам. Я пришёл сюда... чтобы перейти эту реку или умереть. Теперь это становится очевидно. Я беру у «Тани» её посох (одну из вырубленных мною палаточных стоек) и встаю слева. Буду держать себя и других. Лёха будет принимать удар стихии на правом фланге. Не менее ответственная роль.

Виктор и Александр Малявинские уже сгоняли туда-сюда через водную преграду, перенесли рюкзаки, свои и девочек.

– ШАГ!..

Делаем движение левой. Температура воды отличается от той, что была на тропах-ручьях... Освежает...

– ШАГ!..

Толчок справа поражает всех четверых своей мощностью. Не знал, что водица по колено может давить с такой силой...

– ШАГ!..

Держимся... Чёткой фиксации не получается: внизу крупные гладкие камни, так что приходится резво шурудить ногой, пока не упрёшься.

– ШАГ!..

О-о, как же тут... не тепло! Вода достигает... интимных мест. Скользим, шатаемся и по очереди окунаемся до пояса. К счастью, остальные держат...

Выбравшись из реки, я всё ещё не верю, что мы это сделали. Что это вообще оказалось возможно. Всё было так... быстро, так... медленно, кажется, что прошло мгновение, и пролетела вся жизнь.

Но дядя Витя не даёт рассуждать и предаваться самоанализу:

– Вылили воду и пошли дальше, чтобы ноги согрелись!

Ноги... А, точно, я же не чувствую ног!

Стаскиваю с одеревеневших конечностей обувку, выливаю... Хотя какой в этом особенный смысл? Быстроногие уже уносятся прочь. Я даже не знаю, как перебрались другие

участники, за пределами нашей четвёрки, настолько ошеломлён собственными ощущениями. Ужасом... и какой-то ожесточённой, ниоткуда взявшейся уверенностью.

Я не умер. Я перешёл.

Прыг

Позже, в годы интернета, мне попала в сети книга Бориса Скворцова, где упоминаются трагические события на Енгожке: гибель девушки и инструктора, пытавшегося её спасти, при переходе этой реки. Была весна, высокая вода, и брод для них оказался роковым.

У нас вода была ниже, но ощущений для осознания бренности бытия хватило. Дожди добавляют воды и ощущений.

...Шёл третий день пешего эротического путешествия из Эрлагола на Ложинские озёра. Дядя Витя не искал лёгких путей. Перебродив опасный Енгожок, он двинул не на Сайгонош и Южеме, а напрямиком к Альбаганскому перевалу, на взлёт через Кызылтал. Мы в его планы посвящены не были, а даже если бы и были, то всё равно не имели ни малейшего представления, что это означает.

Кызылтал – речка, впадающая в более полноводный Енгожок, и одноимённый хребет над нею, представляющий из себя гигантскую грудку разноразмерных камней, уходящую прочь от наблюдателя за голубой горизонт, в сизую дымку небес. Траверс хребта – таков был скромный замысел нашего инструктора.

Слово «траверс» Википедия определяет как перпендикуляр к направлению подъёма, но на самом деле это проход хребта по гипотенузе. Например, из левой нижней точки

в верхнюю правую, или наоборот. Никто ведь не хочет просто гулять по середине горы, все желают попасть в итоге наверх. Вот только насчёт дяди Вити я не уверен. До сих пор не могу понять, чего он в точности желал в тот день, и почему мы пёрли этим самым «траверсом», вместо того, чтобы подняться в лоб, и дальше пройти по верху хребтика. Ведь так гораздо легче, как я много раз убеждался на собственном опыте... Наверное, инструктору знать лучше, чем мне. Три раза я потом пытался пройти тем же путём, чтобы проверить свои противоречивые гипотезы, но ни один из них не был увенчан успехом, мы просто не достигали верховий Кызылтала.

Если Виктор Малявинский преследовал исключительно спортивный интерес, то он своего добился: взбодрились все так, что мама не горюй!

Выдался отличный солнечный день. Но никто его не оценил.

Прыг... прыг... прыг... Вверх, в сторону. Вверх, в сторону... Час, и другой, и третий.

Меня окружает восхитительное море камней, а я почему-то не восхищаюсь. Я сроду не видел столько разнообразных по форме и величине кусков горной породы. Гладкие, шершавые, монотонно-серые и покрытые яркими узорами лишайников... Размером с арбуз, размером с автобус... Кости земли. Фактически, склон усыпан костями!.. Эх, нам бы только костями тут не полечь...

Прямая как стрела, залитая солнцем рыжая и пятнистая бесконечность камня была для меня линчевским «Шоссе в никуда» (в одной из интерпретаций – «длинным извилистым путём»), одновременно в небеса и в бездну... Ветерок приветливо трепал волосы, над головами сияла потрясающая синева, а мы всё скакали и скакали. Задача была не устать, не отстать и не убиться. Справлялись пока только с последней.

Сложно совершать прыжки по круглым камням с круглым рюкзаком за плечами: он скачет на спине, как большой футбольный мяч. Но только этот мяч намного тяжелее... Он норовит утащить тебя назад, когда ты чуть-чуть не допрыгнул, или кинуть вперёд, когда ты малость переборщил. Инерция – штука упрямая. А ещё есть ноги, и за ними надо следить, потому что они нужны. Они необходимы сейчас и обязательно потребуются дальше, совершенно ни к чему будет оставить их на этих камнях, между них...

С высоты многих трекинговых ботинок, которые я перетаскал за годы, особенно с колокольной башни любимых «зимачей», взгляд на тогдашние резиновые советские кеды слегка... ужасает. Мало того, что они скользкие, и через подошву отлично чувствуется каждый корешок, каждый камешек, так они ещё совершенно не защищают ноги от ударов и деформаций. Это я понимаю сейчас. Тогда же надо было просто выстоять. Выжить в целом, в совокупности. А на отдельные средства и детали не обращаешь внимания, надо про-

сто внимательнее скакать! И быстрее! Головной отряд быст-роногих скрылся за линией горизонта... Вообще, уже весь окружающий ландшафт слился в одну горизонтальную ли-нию... Наверное, всё просто плывёт перед глазами. На чём тоже не стану заостряться...

Ещё час... Прыг, прыг... Чуть-чуть поднажать... если это возможно...

Вот они, «олени», стоят на гребне, сгрудились вокруг Вик-тора! Залезли! Ишь ты, всё-таки ждут... Умеют ждать! Я мысленно улыбнулся придуманной шутке. До губ улыбка не дошла.

...Тут сзади раздался крик «Тани», что-то между истери-кой и бешенством. «Хорошо, не болью и агонией...» – поду-мал кто-то внутри меня.

– Я буду жаловаться! – «Таня» грозно размахивала рука-ми на инструктора. – Я на вас в суд подам!!..

Все молча смотрели на неё. Я с неудовольствием зафик-сировал взглядом отсутствие рюкзака на её спине. Неужели бросила?

Так и есть. «Таня» демонстративно плюхнулась на пя-тую точку, и всем видом, всеми известными ей выражения-ми засвидетельствовала, что в гробу она видала и такие ро-мантические путешествия, и перевалы, и прыжковый спорт, и – особенно – тяжёлые рюкзаки. Жалобы и сетования пе-ремежались угрозами. Девчонка впала в отчаяние и психоз. Окружающие не пытались её успокоить, расценив её состо-

яние как ярость берсерка, а в руках она сжимала крепкую палку!

«У девушки была истерика и берёзовый посох в руке...»

Я тоже не стал играть в психолога. Во-первых, сам был на грани нервного истощения, а во-вторых, некогда было! Одного взгляда на меркнувшее небо хватало, чтобы понять: через полчаса полностью стемнеет. Вот так и застал нас вечер на гребне каменной волны! Не знаю, как тут можно ночевать, но без рюкзака явно будет ещё хуже. Ведь в нём лежат все тёплые вещи...

Я оставил павшую духом подругу на попечение Юлии и Алексея, а сам скинул свою ношу, и двинул назад. Со мной метнулся Саша Малявинский. Не знаю даже, на что мы надеялись. Сумерки, круглый серый советский рюкзак среди миллиона круглых серых камней... И мои негнущиеся ноги.

Мы, по ходу, не надеялись. Его просто надо было найти! Где-то там. Правее... И ниже...

Первая ходка не принесла результатов. Я был не удивлён. Я перестал испытывать чувства и проявлять эмоции. Вокруг высились статные хребты и скалы. Ленивый ветер пел песню между утёсами, фиоритура гудящего камня сопровождала его. Над головами сиял невероятный закат. Фантастически красивое вечернее небо, по краю озарённое золотыми и пунцовыми сполохами, до которого и до которых мне

не было дела. Моё дело было вернуться к жертве амока, допросить её поподробнее, и пойти на второй заход. Допрос, само собой, не приблизил меня к цели. Саша снова отправился со мной.

Не понимаю, каким образом, но на этот раз я его нашёл. Вещмешок. Я механически прыгал вправо и влево, вверх-вниз, и в какой-то момент просто вышел прямо на него. К тому времени валуны в трёх метрах и далее уже сплывались в одну бесформенную тёмную поверхность. Радоваться я не стал. Просто попрыгал обратно. Наверх.

Наверху нас с юным Александром встретило относительно спокойствие. Штиль воздушных масс и эмоций. И новая постановка задачи: сейчас будем падать за гребень. Я спокоен. Я вернул рюкзак на место. То есть, на спину «Тани».

«Падать» – по-туристически означает резко, практически вертикально спускаться. Что кардинально отличается от траверса. Это по-своему прекрасно, потому что не надо лезть вверх, но и смертельно опасно, потому что неосторожные оказываются внизу слишком быстро.

Мы спускаемся «серпантинном». Зигзаг из пятнадцати теней, забирающих то в одну сторону, то в другую. Нужно шагать плотно друг к другу, чтобы успевать останавливать катящиеся из-под ног камни, норовящие разогнаться и попасть в голову идущим под тобой. Вообще, надо следить, чтобы камни никого не убили.

«Серпантин...

Малявин...»

Вот вам песенка от неунывающего Лёшика. Сочинённая, конечно, задним числом.

Спуск очень крут. Камешки выскальзывают и шуруют из-под подошв... Надеемся, Виктор знает, что делает...

«А идём до низа или до полного упада сил?.. Так-то уже ночь...»

Еду по сыпухе, и думаю: что случилось бы с нами, юродивыми, если бы на этом нескончаемом каменном поприще нас накрыло, к примеру, ливнем?

Но ливня, на счастье и удивление, не было. А было так. В крошечной тьме пятнадцать человек на сундук мертвеца сползли с хребта и сели на зад на каменном пятаке возле самого малюсенького озера в мире. Там оказалось пусто и холодно. Видимо, поэтому ночевать стали тут же, под горой. На «пяточке небытия» не было абсолютно ничего, за исключением сочащейся откуда-то воды. А что ещё надо каликам переходим? Выпьем с горя, где же кружка?

– Лёлик, плесни путейцу...

Нужно было скоротать ночь. Без костра, без горячего чая и ужина, без света, тепла и крова. Напомню, колья к «пилотке» не прилагаются, а добровольно вырубаются жильца-

ми в соседнем лесу. Коего здесь – отсутствие наличия.

Вы, наверное, скажете, что для новобранцев такой венец тяжелейшего боевого дня – это делу абзац. Но я, в плане ночёвок под открытым небом, был, увы, не новичок. Год назад уже попал под аналогичную раздачу на Байкале, на речке Сарма. Эта речка знаменита одноимённым леденящим ветром, который зимой вырывается из её долины и замораживает намертво рыбаков... В августе таких ветров там нет, но река по-прежнему холодна как лёд, уверяю вас! И вот на ней мы с моим другом из Ангарска Максом «МММ» и его девушкой Марийкой принудительно заночевали в один счастливый вечер. Мы тогда отправились втроём из лагеря «смотреть водопад». Поднимались часа четыре, это без вещей, и всякий раз, когда на перекатах и в излучинах встречали одиноких любителей хариуса, они сообщали, махая рукой:

– Водопад? А, это там, за поворотом, где-то полчаса...

Наконец, когда нам все эти полчаса уже порядком надоели, очередной рыболов неожиданно заявил:

– Это... далеко, ещё часа два ходу!

И стало ясно, что он – последний хариусовед на сегодня... Но спуститься мы уже не успели. Значительно быстрее на землю спустилась ночь. Хлоп! – и тьма. Как в горах. А мы и не знали!

Ни еды, ни вещей, ни фонарика, ни... Спички?..

Спички! Запасливый я НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ сунул утром коробок в карман. А случаи ведь разные бывают...

И вот он – готовченко! Слева отвесная скальная стена, справа грохочущая и ледяная река, на узкой полоске леса между ними три безумца наощупь собирают валежник. И ломают ветки с ближайших деревьев. Как назло, луны ни кусочка, не видно ни зги. И холодина проникает до костей.

Возблагодарив мою предусмотрительность, развели огонь, три лежака из зелёных веток набросали вокруг него бермудским треугольником... С первого взгляда, перспектива провести на них ночь ничего хорошего не сулила...

– Что, будем отдыхать?

– Заслужили...

– А в лагере утром нам насыпят ...дядек...

– Доживём...

Ох, как же холодно там было, в сгустившемся мраке на берегу реки Сарма! Шум леса, шум воды, крики ночных птиц и неведомых чудовищ, крадущихся к световому пятну из темноты, там, за спиной... Брр! Кажется, я ненадолго задремал... но снова просыпаюсь от холода и вскакиваю, трясясь, чтобы подкинуть в притихший костёр заготовленные ветки. И опять – спинкой, бочком к благословенному теплу...

Но... как же там было волшебно! Я никогда не видел таких огромных говорящих звёзд, такой романтики. Разве что позже, на Алтае...

Утром, по первому серенькому свету, нас обнаружили посланцы из лагеря, трое ребят. Они и вчера затемно броди-

ли вверх-вниз с фонариками по ущелью... Отчего-то смурные...

– Не выпались, наверно..., – осторожно шепнул я Максу.

– Да не, это жёны им мозг выпилили, – радостно и с видом профессионала диагностировал тот. – Они бродили полночи, а у жён – недотрах...

Вернёмся на Алтай. Мы, кстати, тут и есть... И тюк брезента под названием «палатка» с нами. Но гибких дуг ещё не изобрели, а колья, повторюсь, взять негде, а даже и те было бы в каменную площадку никак не вонзить. Съев питательную и особо ценную консерву «сайра», божественные дневные попрыгунчики притихли. Сбившись унылыми группками, пытаются греть друг друга, смирившись уже с предстоящей бессонной ночью.

Но только не наш квартет! Как неожиданное спасение ситуации явился волшебный Посох, он же внутренний столбик палатки! Кол на выдумку хитёр! Мы залезли в свой бесформенный брезентовый мешок и поставили в изголовье боевую дубину девушки-берсерка. Передний край палатки обречённо повис на палке, оставив небольшое воздушное пространство над головами. Ниже брезентуха легла прямо на истосковавшиеся по отдыху тела. Две наглядные выгоды: манящая горизонталь и относительное тепло... Быстроногие олени о таком могут лишь мечтать!

Хороший план, но воздуха для четверых оказалось маловато. Не успев забыться, начали задыхаться. И тогда Лёха до-

стал складной нож. Прекрасный острый нож для колхозной палатки! Он быстренько нарисовал им на задней стенке казённого имущества букву «П». Она перевернулась под собственной тяжестью и дала нам приток кислорода в туманные предутренние часы над Ложой. Потом на днёвке букву, кажется, зашили под шумок суровыми нитками.

Царство камня засыпало. Растаял в ночи драконий хребет Кызылтала, отступило во мрак озерцо, питающее ложинские истоки. Капание воды постепенно затихло. Звёзды перешёптывались над нами, и мы тоже погружались в забытьё. Мы грезили тропами. Уже не домом, нет. Не мягкой периной. Кострами, перевалами и бродами.

Мы не знали, где мы, и что с нами будет дальше. Но начинали проникаться странной и торжественной мыслью, что нас ничем не убить. Я искренне и честно благодарен своему спокойному как танк инструктору. Если бы не он, как бы я ещё узнал в этой жизни, что надо перестать себя жалеть?

Вечный спальник

С раннего утра группа Виктора Малявинского почти весело побежала дальше. Во-первых, потому что вниз. А во-вторых... просто всем хотелось поскорее отсюда убраться.

Под ногами творилось невесть что. Если существует на свете нечто максимально подходящее под понятие «пересечённая местность», то это было именно оно. Мешанина из камней, мха, воды, кустов, грязи, травы, монтаны...

Продолжаем туристический ликбез. «Монтана» (она же «карлушка») – густые заросли карликовой берёзки, обычно высотой до колена или чуть выше. По-другому называется ерник. И не зря! Жёсткая, цепкая штука, покрывает собою пространства до горизонта. С виду кусты не колючие, но если продираешься сквозь них голыми ногами, будешь художественно иенөлөсөван разрисован красными узорами.

А погода-то какая! Солнечно, чисто на небе, аккуратно подметено шаловливым рассветным ветерком. Передо мной расступаются грозные скалистые вершины. За спиной (чего я и не ведал) остался ещё более грозный, чёрный в белой дымке Альбаган. Наконец-то пойманная тропа спускается весёлой каменистой змейкой в долинку. Навстречу выбегают передовая линия пушистого кедрача, щебечут ранние пташки. Ле-по-та.

Всего-то час, и оказываемся в сказочном месте. В укром-

ном уголке первозданности, спрятавшемся между гор. Сколько раз я бывал потом на Ложинском озере, столько раз меня потрясала его красота. В истоках реки Ложа мелких озёр множество, но главное озеро, где обычно устраивают стоянку, особенно завораживает взгляд.

Входим в удельное княжество молодых кедров. Ветер шевелит их кроны, за длинными иголками мелькает голубейшая лазурь воды. Это Оно. Пришли.

– Днёвка!!!

Сколько счастья в этом слове. Сколько надежды. Все холодные поты, сбитые ноги и стиснутые зубы остались позади. Днёвка – это значит, весь день будем отдыхать. И ночь тоже!

С религиозным трепетом опускаю на землю рюкзак. Всё это время, от начала похода, я тащил на себе бесполезный мокрый ватный спальник на пять персон. Мы держали его над чадящим костром по вечерам, развешивали на ветвях и сучьях подсушиться, а он снова промокал от дождя, от росы... Теперь его можно вывесить на солнце на весь день! Солнце – великая вещь. Оно согревает измёрзшие тела и души, когда, кажется, уже нет никакого спасения... Оно высушивает насквозь мокрые штаны в каких-то полчаса, а футболки в считанные минуты.

Штаны... Во что они превратились? Мои чёрные джински... Теперь они черны от грязи. Они покрыты ссохшейся коркой, и напоминают латы. Кто-то из бывалых ходоков рассказывает, как лучше стирать штанцы в походе.

– Закидываешь их на верёвке с моста, река сама их тебе стирает!

Моста здесь нет, а река превратилась в озеро. Но схема понятна. Ищу местечко, где одно озеро переливается в другое, бросаю штанишки в бурлящий поток. Почему нужна верёвка? Да потому что руками держать невозможно, стынут за пять секунд!

День свободы – это странно. Как-то сразу надо... думать, чем заняться. Ну, конечно, латаем дыры, пришиваем оторванные лямки, считаем мозоли и ранения... Собираем хворост, рубим сушняк, помогаем дежурным по костру. Но надо ж и досуг как-то организовать! Смородинового листа, что ль, нарвать?

– А давайте бить шишку? – подсказывает Лёха.

– Не понял...

– На кедр полезли, говорю! Смотри – шишки свисают!

И точно. Все кедрушки, сами-то с пять метров ростом, покрыты синеватыми кулачками шишек. Детскими такими кулачками... Но попробовать можно. Середина августа ведь уже.

«Бить», правда, особо нечем, все палки собрали на костёр. Да и не желаю я деревья дубасить. К деревьям я с рождения испытываю братскую привязанность, родственное чувство. Не позволю их обижать. Они не просто живые, они... думающие, у них есть душа.

Я сейчас не шучу. По древнегреческой мифологии, в каж-

дом древесном стволе живёт дриада. Друзиды кельтской традиции тоже верили в это. Они чтити деревья. Вы можете не верить и не чтить, но относитесь, пожалуйста, к ним с уважением. Просто подумайте о том, насколько они старше вас, сколько всего они видели, сколько тяжёлых зим и невзгод перенесли – не для того, чтобы какой-то бездумный удалец ломал ветки, срезал кору для развлечения, увековечивал на них ножом своё дурное имя. Такому удалцу я бы ломал руки и срезал пальцы, а имя выпилил бы на лбу.

Древнейшие из дриад, кстати, обитают в Ясене. Вот вам символ: Мировое Древо Иггдрасиль, связывающее своими корнями, стволом и ветвями Прошлое, Настоящее и Будущее!

Я люблю деревья. Когда обнимаю их, мне передаётся их мудрость и боль... Так я чувствую. Сейчас даже и лазать по ним перестал. А в детстве много лазал, и гордился своим умением. Полез вот и на кедр за шишками. Натряс немного. Спустился весь перемазанный смолой. Оч-чень смолистые кедрушки.

Есть другой, варварский способ собирать кедровые орехи. Практикуется «массовиками-затейниками», любителями оптовых коммерческих заготовок. Подходят они к дереву с большим деревянным молотом и шарахают им со всей дури по стволу... Деревья же не чувствуют боли! Сердцевина потом трескается и гниёт – подумашь! Вон их вокруг сколько!

О, древние боги, воплотите их в следующей жизни в де-

ревья! Какие-нибудь унылые и корявые, а мне пошлите сил побольше и молот в руку – сокрушительный Мьельнир!

...Мы лакомимся шишкой, любуемся на горные цепи, горделивыми стражами окружившие милую долину. Чудесная погода. Прямо... нонсенс какой-то! Как ещё назвать это, если не наградой за мучения? Над красноватыми стенами гор плывут неторопливые и немного муляжные облака...

А теперь – купаться!

Мыться, то есть...

Я уже имею представление, каково это – плюхаться в горном озере. Такие купания обычно подзвучиваются тихим звоном... Не знаю, как дело обстоит у девочек... Для меня омовение по-алтайски описывается краткими репликами: «В воду!.. – И из воды!»

С нашей стороны подход к берегу охраняет одинокий могучий Камень. Он прибоченился у самого спуска, где тропка виляет меж зарослей шикши и сизого мха. Он старый. С шероховатым пузом и моховыми плечами. Холодный на ощупь, но где-то внутри, кажется, теплится зачерствевшее сердце... Разлётся как слон, и присматривает за порядком. Уважительно обходим его. Спускаемся. Кромка берега покрыта зелёной порослью, но такое ощущение, что в метре уже начинается страшная глубина.

Озеро величественно и спокойно. Весь склон горы за ним, спускающийся прямо в водную гладь и утопающий в ней, представляет собой пирамиду из круглых окатышей. Она

простёрлась от воды до неба, и смотрится, как в зеркало, в ложинскую синь.

Купаются на Алтае голыми. Это мы сразу как-то поняли и приняли. И мальчики, и девочки. Для начала, какой дурак возьмёт с собой в горы купальник? А для конца – где и когда его потом сушить? И так все вещи, гораздо более ценные и полезные, постоянно нуждаются в сушке, а место возле костра очень ограничено. Сейчас тут толкаются жопками пять человек, а всего-то нас – пятнадцать. Кроме того, любая вещь ВЕСИТ. А мокрая вещь весит дважды.

Озеро. Прелестное. Безупречное. Ласковое. Строгое. Ледяное. Мыться и стираться здесь не будем. Кощунственно. Можно по-быстрому доплыть до горбатого чёрного камня, торчащего над поверхностью в паре-тройке саженей от берега, но как-то... боязно. А вдруг это спина чудовища?

Лёха и я идём к следующему озерку ниже по течению, чуть-чуть запущенного, «болотного» вида. Входим в тихие струи (всё-таки, это часть реки), намыливаем труселя, растираем мочалками пропотевшие чресла. Ноги отлетают за секунды... Вот уже пальцы не шевелятся, пора выпрыгивать на сушу.

– Интересно, а рыба здесь водится?

– Если только хариус...

Стоять на месте – для туриста значит морально разлагаться. Насколько все уделались за двое суток хода, но и мы, со-

всем зелёные в этом деле, понимали, что двое суток на заднице – беда для походника. Поэтому «стоять» на озёрах запланировано один день. Из-за сегодняшней утренней пробежки он будет неполным.

А ещё дядя Витя говорит, что на длинных стоянках открывается «яма желудка». И после похода тоже. Но до того ещё надо дожить...

Сидим в заколдованном ночном лесу, озарённые горячим пламенем костра, считаем созвездия, слушаем истории, черпаем чай из котла большими стаканами-сметанами... Да не просто чай, а чёрный и терпкий бадановый отвар!

Да, друзья, именно здесь, на Ложе подружился я с дивным горным растением – Баданом. Крупные гладкие листья, неожиданной красы и прямоты стебель с ярко-розовыми цветами... Нас, конечно, интересует то, что под стеблем и под листьями: сухая прошлогодняя листва растения, которая чернеет, высыхает и преет от дождей прямо на корню. Эти душистые сморщенные «чайные» листочки мы бережно собираем и высыпаем в кипящий котелок. Аромат заваривающегося бадана ни с чем не сравним. Но, в отличие от чайных листьев, эти не настаивают, а именно варят, они должны кипеть в течение двадцати – двадцати пяти минут. Тогда получится густой животворящий напиток, чёрный как смоль и здорово тонизирующий.

Не все любят суровую вязкость баданового отвара, часто его смешивают с листовым чаем, добавляют смородину. А я

просто обожаю чистый и честный «дубящий» вкус, природную силу в который вложили сами горы. Для меня эта замечательная трава – символ Горного Алтая. Кстати, бадан – принципиальное растение: любит высоту и камни, в низине расти не станет! Не зря его по-другому называют Камнеломкой. А ещё Монгольский Чай.

Байка ли, нет, но рассказали нам бывалые, что ежели заварить недосушенных зеленоватых или красноватых листьев бадана, получишь галлюциноген. И даже... афродизиак. Поэтому мы с Лёликом подмигиваем друг другу и незаметно для девчонок подбрасываем в котёл бадановой «зелёнки». Испытаем судьбу!..

...Ого, да наш пятиквартирный спальник высох!!! Солнце творит чудеса. Но, наверное, уляжемся по старинке, как уж привыкли? Два плюс три, в смысле два в «двойке», два в «тройке». Особенно после незрелого бадана...

Сегодня спим, как юные боги, вырезанные из дерева! Если спим...

Куралбас-Барабас

– Ну как, глюки были? Эротические сны?

– Э-э-э...

То, что мне снилось после бадановых возлияний зачарованной ложинской ноченькой, я никому и никогда не расскажу. То ли и правда мы с «неспелыми» листьями переборщили, то ли в целом место это такое, плюс сказались накопившаяся усталость и сильнейшие впечатления последних дней. Да только вкусил я в сладкой дрёме таких запретных плодов... такого странного изврата...

Всё. Не буду болтать. Зарёкся!

Лучше поведаю вам о событиях нового дня. Уже с восхода боевого и готовящего нам... полнейший Куралбас!

Вот заложники вольного туризма уже опять бегут по бездорожью, перескакивая через ручьи, перебраживая через речки, догоняя легконогого инструктора. Необычного вида лесистые холмы, сгрудившиеся посреди ложинской долинки, как я сейчас думаю – результат действия ледника, то есть, скорее всего, остатки древней морены. Собственно, что есть морена? Груда камней, нанесённая отступившим ледником, оставленный им каменный язык. Об этом я прочитаю позже в книжках и интернетах.

Половина похода за плечами. Вторая половина... там же – в виде чуть похудевшего, но всё ещё тяжёлого рюкзака!

«Шаг»... «Прыг»... Что будет дальше?

Может быть, «Взмах»?

Не угадал, бедолага. Теперь на очереди – «Буль»!..

Куралбас... В этом слове многое слилось и отозвалось.

Оно всем начинающим алтайским туристам говорит само за себя. Если бы мы знали о планах дяди Вити на сегодняшний день, то лучше бы умерли на Кызылтале! Сбросились со скалы.

Но мы ничегошеньки не знали, и, хлюпая ботами (с утра опять прошёл дождик), почти бездумно взбирались на большое открытое ветрам плато, от которого во все стороны разбегались хребты и цепи разноцветных гор. Интересно наблюдать, как горы меняют цвет прямо на глазах. Вот косогор сияет малахитовой альпийской растительностью и светло-коричневыми, почти оранжевыми осыпями. Но набегает облако, и осыпь побурела, склон стал тёмно-зелёным, а скалы над ним кобальтово-чёрными...

Да, вчера отдохнули, но идти от этого не легче. Начинай игру с начала... Опять безжалостные лямки отыскивали на спине проложенные болевые дорожки, и ноги загудели знакомой тихой дрожью. А тут ещё сыро как-то... слякотно...

И не просто сыро. Тут что-то вообще много налито всякого! Воды и грязи. Оп-пачки, да це ж трясина! Это в горах-то, на такой верхотуре! Чего только не бывает на свете! Настоящее высокогорное болото...

Но как уже случилось в прошлом, удивление быстро сменилось тупым ожесточением. Шлёп! Бульк!

О-о, неожиданно! Нога ушла в землю выше колена. В земноводную землю погрузилась нога. Вытащить бы теперь вместе с башмаком... Какая безбожная и безграничная топь!..

– Это вот как всё называется?

– Урочище.

– «У-ро-чи-ще»? Слово-то какое... подходящее...

Урочище Куралбас... В точку! Полнейший Куралбас... Хляп! Хлоп!

Я упал в грязь. Кочка подвела. Вертлявая такая, собачка. Выпрыгнула из-под ноги, и всё тут. И вся харя в земле. В жиденьком настое чего-то тошнотворного. Пытаюсь встать, но твёрдой опоры нет. Поверхность ускользает. Здесь только жижа и жалкие кусты, за которые я жалко цепляюсь. Хляп! Прыск!

Фонтан грязюки обдал бок и спину. Неудачно наступил...

А где тут можно ступить удачно? Болото тянется вдаль, докуда глаз видит, так что удачи явно не видать. Чвак! Бултых!

Во, ещё кто-то кувыркнулся. И поплыл...

Опять же, позднее вычитал, что название огромного поля травы-воды в кубинских верховьях означает «много зверя». Не могу прокомментировать, так как зверя я там не видал, за исключением двуногого. Но то, что там много Зверства – так это правда! Фактически, это и есть воплощённое Звер-

ство – поход в дождливый сезон через Куралбас.

Обычный «сухой» июльский переход по нему занимает пару часов, что неоднократно подтверждено практикой последних лет. Дождливый август 97-го сильно удлинил этот срок. И он показался нам вечностью. Дожди наполнили плато водой, оно раскисло и «намокло», если вы понимаете, о чём я говорю. Как может намокнуть то, что является синонимом Мокрого: сырое сочащееся нечто, образующее ручьи и реки?! Вопиющая Хлябь!

Из Куралбаса, как выяснилось, родится исток реки Куба. Но сейчас в нём гибли и тонули мои чаяния и надежды. Воспрянувшая было духом «Таня», после солнечной и беззаботной днёвки, снова поникла головой. Она угрюмо чавкала дырявыми Сашиными кроссовками и молчала. А я тихо ругался про себя. Доколе?! Сколько ещё нас ждёт подобных «удивлений»? Сколько новых испытаний пошлёт прорука-судьба в лице Виктора М.?

Чвяк!.. Шварк!.. Шмяк!.. Гульп!..

Швах! Теперь я знаю, куда посылать врагов и недоброжелателей:

– Да чтоб вас всех... раскуралбасило на четыре урочища!

Куралбас – царство трав. Чего тут только не растёт, какой диковины! Карликовая берёзка, карликовая ива, кустарниковая лапчатка, и огромная большелистая чемерица. Такое чувство, что деревья в горных логах стремятся измельчиться

и истончиться, а трава, наоборот, страдает гигантоманией. Крапива в человеческий рост, борщевик в два роста... Здесь он, конечно, пониже. Вода – не его стихия.

И козульник, и багульник... Желтоватыми звёздочками багульника покрыты обширные, «мягкие на ощупь» пространства. Другое его прекрасное название – «одурь болотная». Кажется, что идёшь по тверди, но вот наступаешь на этакую одурь, она проминается под подошвой, и снизу сочится вода. Прямо как в палатке на первой ночёвке... Нога сразу начинает вязнуть, выдёргиваешь её поскорее, чтобы сделать следующий быстрый шаг...

И конечно, тут, на благодатной, насыщенной влагой почве произрастает в большом количестве Золотой Корень. Дядя Витя обещал, что наберём его, когда дошлём до конца. В это верится с трудом. Что я дошлём. Я совсем уже одурел, двигаюсь на полном автомате.

Но всё проходит и кончается. Соломон был в курсе. Прошло и это. И началась хищническая добыча родиолы розовой. По правде, не такая уж она и розовая, чаще всего у неё ярко-жёлтые или красноватые цветки. На радость землекопам, наш командир показал, как выглядит это растение. Все желающие, орудуя ножами и ногтями, наковыряли себе по несколько корневищ из благородного металла... Действо происходило на самой окраине предвечного болота, на крутом пригорочке у быстрого ручья. Вода в ручье отчего-то казалась чёрной, но я думаю, что драматизма восприятию до-

бавили усталость и близость отмерянных нашими ногами топей.

Золотой корень – первейшее лечебное средство алтайского охотника. Повышает иммунитет, работоспособность, стойкость организма к токсинам и инфекциям, лечит «горную болезнь». То, что нужно!

Вот и отдохнули. Впереди ерниковый косогор, за ним ещё одна топь, а за нею каменный перевал. Так будет.

Прекрасный Айрык вкуса сливочного мороженого

Совершим небольшой прыжок в будущее. Чтобы облегчить себе жизнь.

...Позади знатный кусок экстрима. Шмат трэша. Безбожный подъём на перевал Айрык, с вывалившимися языками. Ещё раньше, до подъёма – жидкое месиво урочища Сарысаз: болото, более подходящее на лесное, чем Куралбасево. Его тоже преодолели, по краешку. Затем постояли пять минут под столетними кедрами, и ринулись на штурм перевала.

...Сидим теперь наверху в седловине, обдуваемые ветром, возле груды камней – высокого тура, сложенного руками ходивших тут до нас счастливцев. Так же вот счастливых оттого, что штурм остался в прошлом. А впереди неизведанное прекрасное, много-много всего, чего мы никогда не видавали, но уже заочно любим!

На красно-коричневом уклоне под нами возлежат три продолговатых озера. Отсюда видно только два верхних. Глаза-озёра, как пел Сват из группы «Территория 22». Блистают непередаваемыми тонами. Они по цвету совсем разные. Это странно, волшебно, загадочно. Одно бездонно синее, другое какое-то хромово-зеленоватое, совершенно нереального оттенка. В штиль жидкость кажется неживой, мертвенно-свинцовой, с чернильными ободками у берегов.

А набежит ветерок – поверхность зарябит серебром, запереливается драгоценной чешуёй какой-то гигантской доисторической рыбы.

Нижнее озеро тоже играет в хамелеона. Из глубоко голубого вдруг становится бирюзовым, с золотисто-коричневой каймой, и ветер пускает по зачарованной воде разноцветные дорожки. Я сижу на обмякшем вещмешке, подставляю лицо этому живительному ветру. В поднебесье парит какая-то птица. Перевожу взгляд с ущелья на ближний план. Над камнями качаются перевёрнутые жёлтенькие юбочки горного мака. Эта усталая, красивая тишина каким-то странным образом умиротворяет. Болтовню оживившихся на привале людей я не замечаю. Мир медленно вращается вокруг меня, большая горная страна плывёт через волны облаков куда-то в заветную даль...

Ребята достают пакетик растворимого напитка. Химическая отравка розлива девяностых, со вкусом... чего-нибудь. Дешманский, страшно концентрированный, едкий и, наверняка, убийственный для внутренних органов. Вся страна пьёт и не плюётся. А мы – часть страны. Кто-то уже всыпает ядовито-красный порошок в ёмкость со свежесобраным снегом. Здесь на перевале есть прекрасный многолетний снежник. Думаю, даже не «многолетний», а тысячелетний, он полностью не стаивает никогда. Но снег в нём идеально чистый, достаточно соскоблить сверху нанесённую ветрами каменную пыль.

Виктор уже пробивает баночку со сгущённым молоком. Но это не обед, это лакомство.

Итак, миска с крупнозернистым снегом, «вкус клубники», сгущняк, алюминиевая ложка. Фруктовое мороженое «а ля Горный Алтай» готово!

Такое видим впервые. Все в восхищении, каждый норовит урвать ложку побольше, с горкой. И это зря: сладкий снег обжигает язык, студенит нёбо, рвёт горло, ломит зубы, но... не тает! Попробуй-ка, прожуй полный рот льда!

Зато впечатлений на всю жизнь. И рецептик запишу.

Замечательная четвёрка новоиспечённых туристов постепенно приобретает здоровый походный пофигизм. Нам уже всё равно, в какой кондиции, в каком положении и под каким бременем находится наше тело, какие с ним происходят передряги. Безразлично, дует ли в глаза ветер, течёт ли по лицам дождь... Не важно, на что наступают, во что погружаются ноги...

Сейчас будем спускаться. Ну, хорошо. Вкус великолепного снежно-сливочного мороженого ещё держится на губах. Дальше камни, кочки, ложбины... Ладно. Ручьи, кусты, буераки... Пойдёт.

В широкой долине переходим странные лужи. Либо это какие-то уникальные мельчайшие озёра, либо здесь шли невероятные дожди. Вода стоячая, но не тёплая, от каждого шага снизу поднимается бурая муть. Пересекаю подозрительный водоём со смешанным, неудобным чувством. Немно-

го страшновато: неизвестно ведь, какая тут глубина, и что на дне. Но всё минуется благополучно, воды в лужах максимум до середины бедра.

Дело идёт к вечеру. За долиной встаёт новая отвесная гряда. Утёсы, откосы... выглядят почти неприступно. Круто, брутально. Мы не спорим. Глаза бояться перестали, а ноги... делают всё сами, давно уже живут собственной жизнью.

День да ночь – сутки прочь, ещё один походный денёк отлетел. Бесконечный, как махи грязных ног передо мной. Мимолётный, как ветерок, расчёсывающий травы, ласкающий пушистые верхушки дудчатого лука.

А лук и в пищу пойдёт! Не поленюсь, сорву даже. Это ж батун, если не ошибаюсь! Ботаник из меня так себе, но мама же выращивала на огороде подобные культуры... Да, на вкус лук, и лук. Резковат. Прелестен. Кинем в вечернюю сублимуть.

Скоростной спуск

Одолели последний на сегодня взлёт, и встали прямо над обрывом. Горячим ужином тут и не пахло, ведь все реки и ручьи остались внизу, а деревьев здесь в принципе нет. Виктор скупно знакомит с затейливыми тюркскими наименованиями частей окружающего ландшафта.

– Под нами долина реки Аккая, а там вон гора с таким же названием. Завтра спустимся по Сергезю и пойдём по Кубе к лагерю.

Как? Сер..ге..зю? Ну и имечко у реки!

Палатки на плоской голове хребта – как набитые шишки, как наскоро слепленные пирожки на сковородке. Вместо «хребта» на язык просится почему-то слово «кряж», но не уверен, что оно уместно. Россыпи плитняка защищают от ветра. Там, где кончаются их серые языки, мелькают головки мелких цветочков. Лапчатка? Камнеломка? Точно не незабудка, её бы я не забыл! У той ведь такие голубенькие цветики... Недавно мне встречались, стелются между камешками, радуя глаз...

Значит, обширная долина – это и есть владения Ак-кай? Ну, ничего себе она раскинулась! Уходит далеко вниз, постепенно обрастая лесом, тянется на юг, к колоссальным скально-лесным цепям. А перед ними угадывается ещё одна долина, как меч-кладенец прорезавшая горный массив с запада

на восток. Это ложе реки Куба, куда нам и нужно попасть. Но дотуда ещё Да-Ле-Ко...

Наутро, миновав необычную проплешину горных верховий – окружённую шерстью трав и усеянную моими любимыми огоньками – стали валиться в распадочек с речным истоком. Экшен, который я уж точно не запомню никогда: спуск по реке Сергезю!

Примечателен он уже тем, что река вроде бы есть, но её как бы и нет, она вне физической досягаемости почти вплоть до самого устья. Попить и набрать воды, таким образом, не представляется возможным. Да и не видно её вовсе из-за травы, кустов и деревьев, только слышен звук: местами журчание, местами шум.

Тропа по Сергезю такой крутости, что подниматься по ней находится мало желающих. Но, как ни странно, находятся. А нам и спуска – через край! Косогор с трэшковым уклоном; держись, чтобы не разогнаться и не улететь, не наскочи на нижних, не попади под верхних, да смотри, чтобы стопы от голеней не открутились...

У меня нет ни одной фотографии с этого места, да и вообще фотки из Первого похода пересчитываются пальцами одной руки. Суровая правда жизни: на плёнке в мыльнице было шестнадцать кадров, и половина была засвечена. Есть и другие причины, могущие показаться смешными, но тем, кто помнит, как всё было – грустными. Морось, туман и дождь означают: никакой фотосъёмки. Резкий подь-

ём и резкий спуск значат примерно то же. Снимать просто некогда! Тебя никто не ждёт... Плюс, если у тебя полтора десятка кадров на всё про всё, ты не будешь щёлкаться на лету, как попало. И никаких постановочных композиций, мы и так всю дорогу отстающие! Догоняющие.

Вот и опять все растворились, убежали... Шагу!

Сейчас мне кажется, что нисхождение по Сергезю я помню хуже, чем то, что было сразу после него – кубинскую дорогу... Детали исчезли из памяти. Но я так хотел бы рассказать вам про эту реку! До конца не уверен, почему, но я любил её. Наверное, из-за названия. Такое уж оно... «артхаусное», нестандартное. А может, из-за крутого её нрава, бешеной той тропы, диких зигзагов вверх-вниз... Из-за того, что в сердце моём она так и осталась холодной, недоступной... И из-за того, что так много было там спелой малины и смородины!

Но также и потому, что имя этой реки навсегда для меня связано с именем погибшего друга, Алексея Курицына.

Сергезю – это символ. Всего Алтая, если хотите. Всех этих лет.

Два с половиной десятилетия тлетворно влияют на клетки воспоминаний. Позволю себе небольшое отступление «назад в будущее», и опишу Сергезю по впечатлениям лета 2018-го.

Я снова сбегал по ней, совершая «Поход памяти» и исправляя «недоделки». Слово «сбегал» – явное преувеличение того, что происходило в действительности, потому что

старая тропа теперь заросла. Эх, не ходят больше туристы по Кубе и её притокам! И бойцы-эрлагольцы редко заглядывают в эти места. Как жаль!

Всему виной наводнение? То, что «шишиги» не могут проехать дальше смытого «третьего мостика»? Или измельчали любители гор? Окончательно превратились в пузатеньких мужичков и располневших женщин, сонно раскачивающихся в сёдлах в ожидании, пока их довезут до «места» и накормят ухой из хариуса?

Я в это не верю. Не может человек, через ноги, через эти две антенны впитывавший древнюю энергию Земли, вдруг пересесть на коня, чтобы под монотонные команды проводника трястись на нём по расхлябанным лошадиным дорогам. Ни влево, ни вправо не сделать шага... Пастись отарой, плестись как зеваки за экскурсоводом в заграничных турах «всё включено»...

Так же, как брутальный рокер не заделается попсовиком, как любитель драматического авторского кино не станет вдруг глотать одну за другой тупые американские «писе-какачные» комедии, как альпинист не влюбится в плоскую, что твоя сковорода, равнину, так не может превратиться в матрасника настоящий пеший турист!

Итак, Сергезю. Каскад резких петляющих спусков, перемежающихся подъёмами на обходах обрывистых прижимов. Всё это скрыто за сплошной стеной трав, не только высо-

ких, но и толстенных – не переломишь стебель. Запинаешься и летишь вперёд, родименький, судорожно цепляясь за всё подряд, чтобы замедлиться. Здесь и борец, и лопухи, и серпуха, и гигантская шульция, и молочай – вся алтайская флора! Ступать приходится наугад, прямо в переплетённую гущу, загоняя ботинок в беспредельный океан травы. Тропа еле-еле угадывается под ним, когда смотришь сверху вниз, но если оглянуться, то уже ничего не увидишь, лишь по прибитым листьям и можно найти обратную дорогу.

И кто говорит про дорогу обратно? Только вперёд, и только вместе!

Заколodelи дорожки, замуравели... Шарить конечностями по бурьяну как всегда некогда, а мы уже традиционно все выбились из сил. Короче, делаю так: просто сую ногу под зелёный покров и проверяю, каково ей там. Если ступает ровно, вольготно – значит, тропа всё ещё с нами. Живём. Делаем следующий шаг.

Из-за травяного леса перед глазами ноль обзора. Ощущения почти пионерские, первооткрывательские. И даже лучше. Интуитивно нащупываю... своё прошлое в заколдованном и заброшенном таёжном краю, в тихом, спокойном и убийственном горном распадке, где всё так круто и так запущенно...

Сама носительница необычного имени холодна и прозрачна. Звонка и переливиста. Встречусь с нею лицом к лицу только близ устья, у впадения в Кубу. Да, изменились эти

места, стали ещё более дремучими. После памятного всему Алтаю ужасного наводнения 2014-го года Куба пробила себе несколько новых русел. Участок леса, где Сергезю вливается в неё, сейчас – непроходимый бурелом. Но это там, впереди... А здесь, наверху, льёт дождь. То сильно, то как из ведра. Я иду первым, и от каждого шага становлюсь всё водянистее. Прикинулись бы мы рыбами, да не можем как хариус жить в ледяной водице... Забились вот под сосёнку, пытаемся переждать экстремум ливня под жидкими ветками, но все эти меры помогают не очень. Напротив, замечено, что чёрная туча зависла непосредственно над нами! Остановилась и целенаправленно поливает скучающие по влаге тела. За кромкой ущелья виднеются просветы голубого неба, но край тучи нисколечко не движется относительно этой кромки. Проклятье долины змей.⁴

– Вот как ты встречаешь старых друзей, Сергезю? Мы ж окоченели в дупель! Смертушки нашей хочешь?

Впрочем, кто сказал, что Сергезю нам душевная подруга? Это мы к ней в друзья набиваемся, а она всегда была сама по себе, как кошка. Своенравная, себе на уме река. И лично на меня ей есть за что обижаться. Оскорбил я её однажды, не по-доброму обругал... Причём, из-за собственной глупости и невежества! За то лишь, что петляя часами по распадкам, блуждая по расселинам, никак не мог её отыскать...

---

⁴ «Заклятие долины змей» – советско-польский фильм, режиссёр Марек Пестрак

Больше десяти лет прошло, а она помнит. Буду извиняться. Виноват, без всяких там оправданий.

И в тот раз я перед тобою повинился, и сейчас прошу прощения. И ещё поклонюсь тебе, Сергезю, как свидимся снова! Я уверен, что свидимся...

Как поговорил я по душам с рекой-хозяйкой, как двинулись дальше – так и вышли из-под обстрела. Бесконечно льющая туча осталась на месте, как прикованная, и за нами не пошла. Вот такое колдовство. Рассказывайте потом, что это просто «облако за гору зацепилось...» Кому-нибудь другому, а не мне.

Интермедия из будущего окончена, вернёмся в год 1997-й.

Ватага утомлённых солнцем, дождём и рюкзаками малявинцев движется вниз по Кубе ныряющей между хребтами лесовозной одноколейкой. Нет ничего хуже, чем идти весь день по дороге. Это знает любой пеший турист. Профану такое утверждение может показаться шуткой. Но я, к сожалению, не шучу. Во-первых, это просто уныло. Многочасовое однообразие страшно утомляет и деморализует. Во-вторых, ноги от постоянных одинаковых движений начинают стираться. На горной тропе положение стопы всё время меняется, нагрузка распределяется между мышцами, и обувь не шоркает по одному и тому же участку кожи. На дороге

всё это присутствует. Час за часом, методично. В итоге быстрее устаёшь. Потом теряешь терпение. Потом... убиваешься. Добры молодцы и красны девицы начинают канючить:

– А скоро будет мостик?..

– Где лагерь-то?..

– А далеко ещё?..

Дядя Витя, как всякий порядочный инструктор, на это отвечает:

– Да нет, не далеко. Вон за той горой!

Ответ вселяет оптимизм в изголодавшиеся по отдыху души. И все чешут дальше. К «той» горе. Но ни за ней, ни за ещё двумя горами и тремя поворотами лагеря нет. После нескольких попыток определить свою ближайшую участь вопросы прекращаются, и всем становится ясно, что идти будем до покоса. Точка. Мысли постепенно покидают голову, и остаются лишь механические шаги. Один, другой. Один, другой. И ещё тысячу раз так. И ещё две тысячи.

Эрлагольская ночь

Понимание того, что мы выжили в передрыге, ещё не пришло. После шести суток трэша мозг отказывался верить в спасение.

В воротах лагеря возвращенцев торжественно встречала дочь директора, по имени Ангелина Сушкина (в целях конспирации и во избежание судебных претензий ФИО изменены). Лёха заочно присвоил ей кличку «Сушка». Полагаю, это не является оскорблением... Причём, на сушку она ни капельки не походила. Девочка она была крепенькая, симпатичненькая, даже гламурненькая, и всё что надо, крепилось к нужным местам...

В руках у девочки были шоколадка и пакет сока, этими подарками она жаловала каждого прибывшего. «Оставь одежду, всяк сюда входящий!..» Наверное, где-то рядом был склад шоколадок и соков, и его можно было бы захватить штурмом целиком, но тогда, в силу смертельной убитости, я об этом не подумал.

Мне кажется, в момент торжественной встречи я поступил не очень по-джентльменски. Такое чувство, что просто взял подарочки молча, с хмурым лицом и стиснутыми зубами. Боги, пусть это было не так! Пусть на самом деле я сказал «спасибо» и улыбнулся. Славненькая девочка, дочь директора, ничем перед нами не провинилась, ни зависти, ни

злости не заслужила. Хоть и спала на мягком, ела с серебря... Ё-моё, что я плету! Уверю вас, это шутки ради!

Так или иначе, все мы были отхэппибэзжены, и прошествовали к своим полатам. Там бы я и остался спать навеки! Мне, как и остальным, не хотелось более ничего, ни петь, ни свистеть. Желания покинули походников, и боль, шедшая всю неделю рука об руку, нога в ногу с нами, отступила. «Отступала боль, алая капель...»⁵

Я вернулся из Похода. Я стал туристом...

Ни о чём таком мы не думали. Мыслей не было вообще. Все громкие слова: «посвящение...», «мы это сделали...» Вся эта чушь – для восторженных новобранцев. А мы прошли крещение огнём, землёй и водой, теперь мы были матёрые серые горные волки. Шесть дней, которые изменили сознание.

«На седьмой день ему всё остоп..дело!.. Пусть всё бурно расцветает... на север, на запад, на юг, на восток!..»⁶

Как инвалидам похода, нам полагалась внеочередная баня. К вечеру следующего дня, когда я уже снова мог двигать ногами, стайка серых волков отправилась на постирушки.

Эрлагольская баня находилась (и, возможно, находится) в необыкновенном месте. В самом диком, заросшем крапивой и кустами уголке, на узенькой ленточке прижима между горой и рекой Чемал. Здесь всегда царили тишина и таин-

---

⁵ Слова из песни «Победа» группы «Гражданская оборона»

⁶ Слова из стихотворения Егора Летова «Сто лет одиночества»

ственность, даже какая-то полумистическая жуть. Особенно в сумеречное и тёмное время суток. Неудивительно, что у наших предков баня неизменно была «чертовским» местом. В славянской традиции у каждой баньки есть свой хозяин – Банник, существо навроде домового, с которым надо дружить. Обижать духа бани нельзя ни в коем случае. Поэтому баньку топят всегда чинно, традиционно, не бедокурят, и обязательно прибирают за собой. Топить, конечно, будем сами, у нищих слуг нет. Девчонки остались ждать в палатке, а мы с Лёхой с дровами и мыльно-рыльными принадлежностями выдвинулись в авангард.

Притихший лагерь и тёмный скелет столовой тают в сумерках позади, бредём по тропке мимо косматых травяных чудовищ. Ближко шумит река. Первые звёзды поблёскивают сверху.

И вдруг навстречу выбегают две голые девчушки! Ну, не дети, конечно, а нашего возраста. Те две туристки с хобами, матушку их за пятку! Только сейчас они без хоб. И вообще без ничего. Из баньки бегут – бултыхнуться в реку. От распаренных тел валит пар.

– Ой, мальчишки, извините, мы тут проскочим!..

И убегают в прибрежные кусты.

Чёрт возьми, жизнь хороша! Вот и настроение как-то изменилось. Приподнялось. Весь, такскаать, жизненный настрой.

Прощальный бал

По случаю закрытия сезона, по лагерю объявили всеобщий сход. Вечерина в столовке, с официальной частью, раздачей слонов, самодеятельностью и дискотеккой. Фестиваль. Ленточки, плакатики, атмосфера праздника.

Каждому отряду предлагалось подготовить какое-то выступление: спеть песню под гитару, прочитать стихи или выдать на-гора ещё какой-нибудь номер. Нам никто ничего предлагать не стал. Дядя Витя Малявинский уже неделю как покинул Эрлагол, осиротив своих питомцев и освободив местечко в главном корпусе, к вящему удовольствию прагматичной администрации. Многие из «ложинской» группы тоже разъехались. Семейная пара Петровых («туха-сгуха», Юлины однофамильцы) отбыла сразу после похода. Отец и Сын растворились в библейско-рембрандтовских потоках бытия. Ваня-Калинов-Мост также исчез. Перед превосходящими силами пищевых и музыкальных конкурентов мы остались в абсолютном меньшинстве.

Но на праздник всё же пошли. Да и как иначе, не могли мы подвести своего руководителя, хотя бы и заочно. Кроме того, под занавес обещали дискач!

Приветственные слова... Длинный перечень фамилий, благодарностей, поздравлений. Тургруппы обменивались репликами, шутками, колкостями. Мы сидели в сторонке.

Наших поубавилось вдвое.

Начались выступления. Неприятно резанули по ушам «Как здорово, что все мы здесь...», «Брич-Мулла»... и т. п. Причмула, причмырю... Объясню, почему резануло. Я спокойно отношусь к Олегу Митяеву, а к Сергею и Татьяне Никитиным – с большим уважением. Но... Ребята, это же общее место! Это как спеть «Ой-йю» Чайфа в четыреста пятьдесят третий раз, после всех этих бесконечных студенческих пьянок и общажных посиделок, а «бессмертный хит», к тому же, и по радио-телекам без конца крутят... Я понимаю, песни эти признаны «вечными», с ярлычком «строго рекомендовано для туристов»... Блин, но как же у вас тут скучно и ровно!

Впрочем, прозвучала и оригинальная, авторская, шуточная песенка. Кажется, от «альбаганцев». Вечер был относительно томным.

– Ну, Малявинцы нам вряд ли что-то исполнят, – сказал директор, саркастически и испытующе глядя на нас. – Ваш инструктор ведь уже уехал...

С нажимом на слово «инструктор»...

Я выступать не собирался. Но Лёха ткнул меня в бок и шепнул: «Давай!»

Тогда я повернулся к товарищу директору и сказал:

– Отчего же... Можем спеть.

Взял гитару из чьих-то приветливых рук. И чтобы не размениваться на мелочи, исполнил «Открытую дверь» «Граж-

данской Обороны». Как подобает. То есть, зверски проорал.

*...Луна наблюдает за нами, как замкнутый круг!
Луна тяготеет на небе звенящей серьгой!
Лишь рок заставляет меня оставаться в живых...
И открытая дверь...
...ХХО-О-ОЙ!!!!*

«Звенящей» я классически заменил на «свинячей». Последний пассаж, он же рык, – и в зале повисла минутная тишина. Потом один из преподавателей довольно грустно усмехнулся и воскликнул:

– Что б ты мне так экзамен сдавал!..

«К счастью, я уже на четвёртом курсе, вряд ли пересечёмся», – подумал я про себя. А вслух сообщил:

– Вы, наверное, слышали песни «Гражданской обороны» в лагере по ночам? Не могли не слышать... В общем, это был я!.. – реверанс.

Шоколадку и сок мы честно заработали. И улыбочки с ехидных лиц стёрли. Вообще пресекли все улыбочки.

Мы – группа Малявинского. Нас не убить.

Второе пришествие

Прошло несколько лет, в течение которых меня совершенно не тянуло на Алтай. Ни на Алтай, ни куда-либо ещё, где поверхность сильно отличается от горизонтальной...

Но вот Горы позвали меня. Наверное, у каждого человека, заболевшего ими, это случается по-своему. А может, всё происходит одинаково, я не знаю. Я тогда не понимал сам себя. Как я, проклинавший день и час, когда купил путёвку и повесил килограммы боли на спину, снова собираюсь вкушать дождь и грязь, холод и смертельную усталость!.. И более того – хожу по туристическим магазинам, присматриваю обувь и рюкзак, выбираю котелок и спальник... Кажется, я действительно не здоров.

Спортсмены говорят, что сила воли проявляется в тот момент, когда... заставляешь себя пойти на тренировку. Встать и пойти – туда, где боль, тяжесть, упорство... и снова боль. Я проходил и это, помню, как оно бывает. Часто вспоминаю слова тренера по рукопашке:

– Зачем вы сюда ходите? Здесь же бьют по лицу!

Он хитро улыбался, зная, что ни у кого из присутствующих нет на это ответа. Невозможно отличить волевое стремление от пагубного пристрастия, какого-то даже извращения и мазохизма, пока ты не найдёшь ответы в самом себе, не постигнешь внутреннюю философию этого... образа жизни.

ни. А когда вдруг осознаешь, он из образа становится Путём. Говоря в терминах походов, тропинка превращается в Путь.

...И снова пазик трясёт мои внутренности прочь от сибирской столицы. Мелькают километровые столбы, растворяются в сумерках таблички с заковыристыми названиями деревень и посёлков. Едем прочь от суеты, беготни, расписаний, отчётов и должностных обязанностей. От показной деловитости и неприкрытой алчности. От выдуманной и навязанной нам искусственной реальности города, в которой все обязаны играть роль послушных крыс в беговых колёсах.

...Я вздрогнул, разлепил веки и понял, что мы стоим. Брезжил рассвет, водителя на месте не было, и двери автобуса были распахнуты настежь. В них вползал густой и мокрый утренний туман...

Я прикинул, что это идеальный момент для моциона, и вывалился в белую рассветную вату. Очутившись на безлюдной улочке какого-то глухого посёлка, долго раздумывать не стал, пристроился к ближайшему дереву. Расстегнул ширинку... и вдруг поднял глаза вверх!

И увидел Их...

С тех пор я уже больше не расставался с Горами. Теперь я принадлежал Им.

Часть II. Маашей-Баши

*В траве появились жёлтые точки
Попробуй же небо потрогать на ощупь
Хочется тихо лежать и плакать
Не может быть завтра
Не может быть завтра
В поисках ночи большими цветами
Ночными цветами давно уже стали
Зелёное море, там в странном забытьи
Огромные листья, огромные листья
(«Светлячки»)*

Ночь с пятницы на субботу: мы любим Россию

В восемь вечера четверо обрюкзаченных туристов, с пока ещё городскими, «пятничными» рожами и с головами, засорёнными мыслями о работе, уселись на поезд до Бийска. Но очень скоро всё «старое» было забыто, в предвкушении горных дорог они начали веселиться и хохмить, слегка расшевелив неулыбчивых проводников, и даже поздравив их с подвернувшимся под руку Днём Железнодорожника. Коротали время за интеллектуальной беседой, и первой же темой стала, конечно, тема еды – несмотря на то, что мы теперь

претендовали на звание «матёрых туристов», в полный рост готовых к тяготам походной жизни.

Само собой, как только делать стало нечего, встал вопрос: что есть поесть? Внезапно выяснилось, что о питании в дороге никто не позаботился, и настроение от похода сразу начало портиться..., но ненадолго, так как уже через час, в Бердске, добрые «мама и папа» (они же Людмила Степановна и Виталий Иванович) снабдили своих незадачливых чад, а заодно и других «бывалых походников» всем необходимым: картошечкой с малосольными огурцами и пирожками с луком-яйцом! Короче, нажрались все от пуза. Переход ко сну, исключая мелкие неприятные моменты – они, в основном, сводились к тому, что мы в вагоне не одни, и к тому, что Илюха сорвал рюкзаком плафон с лампы дневного света, которая начала мигать, – в целом прошёл успешно.

Прожжённые туристы легли на спальниках, а я, как самое изнеженное существо, мечтающее хоть как-то компенсировать недельный рабочий недосып, взял постель (да, бейте меня за это лопатами!)

Компенсировал я всего до часу ночи, поскольку в это «время Че» мне стал звонить братела Димьян. Он уже приехал в Барнаул и должен был подсесть там к нам.

Наш поезд имел номер 601 и назывался «Новосибирск-Бийск». Купленный на него билет для брата находился у меня в кармане, а в нём русским по белому значилось: «Поезд 602, Новосибирск-Бийск». Мне по этому повово-

ду как-то так таинственно выяснили в кассах, что я ни фига не понял. Типа, «поезд 601 одновременно является поездом 602...» – или я что-то упустил в их загадочной схеме? Да нет, обычное, вроде, дело: смена нумерации вагонов, смена нумерации вокзалов... «По всем вопросам – обращайтесь в джип». Старая присказка разлива 90-х, когда в предбаннике некоего ночного клуба «Бегемот» избивали моих студенческих корешков, предлагая тем, кто не согласен, искать причину всех бед в каком-то неведомом внедорожнике за углом...

Итак, глубокой ночью, в полутора часах езды до Барнаула будит меня братишка Димьян, и говорит, что наш поезд №602 уже объявили, и в настоящий момент он САДИТСЯ на него, так что сейчас мы его уличезрим, конец связи! Я, борясь со сном и пытаюсь сообразить, как такое возможно, стал выглядывать во все окна. Но узрел лишь непроглядную ночь и качающиеся в ней монструозные деревья. Тогда я слегка заволновался и начал метаться по вагону в поисках всеведущих проводников, но они, как всегда бывает в нужную минуту, полностью самоустранились. Матерясь и будя пассажиров, я стал дозваниваться до брата – но доблестный МТС, симку которого я приобрёл специально для путешествия, зарубил все потуги. Хвалёная «зона покрытия на Алтае» никак не распространялась на территорию перед столицей Алтайского края. На ум пришла фраза из сети: «Fuck MTS! Start to send this SMS!»

Приключения начались.

Вздымая руку с мобилой к потолку вагона, тщаь рассмотреть в полутьме количество «палочек» на приёме, я выскочил в тамбур, и там мне выпало счастье в лице гуляющей по кишке ночного поезда проводницы из другого вагона. Глядя, как в гадальную карту, в братовский билет, она открыла мне суть магии РЖД: состав «Новосибирск-Бийск», пока он не достиг Барнаула, является поездом 601, а в Барнауле сразу же ПРЕВРАЩАЕТСЯ в поезд 602! И наоборот, встречный 602-й, сейчас стоящий в Барнауле, после отправления ПРЕВРАТИТСЯ в поезд 601!

Но пока он, чёрт возьми, ещё 602, и вот Димьян в него садится...

Добро пожаловать в Россию! Мы любим эту «необъятную» умом страну! Два поезда с одинаковыми номерами и названиями встречаются ночью в алтайской столице! А разница между ними пустяковая: они едут в противоположные стороны, садись – не хочу! Люди взрослые, разберётесь...

Наконец-то, зона покрытия МТС распространилась на закуток возле туалета, и я в режиме постоянных прерываний попытался объяснить брату, что «тот 602-й – это не тот 602-й», но он половину слов не слышал, и получалось просто, что я ору на весь вагон: «ПОЕЗД!.. НЕ ТОТ!..»

К счастью, в нашей великой стране ещё не садят на поезда без билетов, так что Димьяну волей-неволей пришлось

дождаться правильного 602-го, и на сём инцидент с взаимопревращениями поездов был исчерпан. «Российские Железные Дороги: вы умираете незаметно!» Предложу этот слоган маркетологам, за небольшое вознаграждение.

Ура! Мы с братом обнимаемся, тут же бесцеремонно расшвыриваем содержимое моего рюкзака (в нём ехала снаряга и для Димы) по всей плацкарте, раскидываем его на два, и затем, умиротворённые, разбегаемся по полкам.

В три часа ночи, на стандартно короткой для моих ног плацкартной полке ко мне приходит Идиллия. Я лежу на спине в зелёной траве. Надо мной нависают могучие сосны, рядом шумит река. И сосны шумят ей в такт. И мне никуда не надо. У меня вся жизнь впереди, точнее вся жизнь – здесь, в этом дне, в этом мгновении. Я просто лежу и лениво наблюдаю, как плывут в ясном небе белые пушистые облачка...

Вот мой поход!..

...Толчок в спину сообщает мне о том, что поезд снова тронулся. Мы повернули на Бийск.

Не плачь, печёнка!

В шесть утра мы прибыли в славный городок Бийск, и, не успев высунуть заспанные физиономии из вагона, воткнулись в толпу водил на перроне, готовых везти нас во все концы вселенной. Тут нам по-настоящему повезло, был найден удачный по деньгам вариант «казели» до Акташа: за 900 рэ с носа мы погрузились в её недра. И даже ещё не знали, какие мы счастливы, ведь водителем той «казели» оказался дядя Юра – прекрасный шофёр, который потом столько лет возил нас по Алтаю. В салон залезли ещё три незнакомых походника: два побеленных сединами мужика с просоленными ветрами/дождями лицами и бойкая женщина в роли сведущего во всех вопросах проводника.

Мужики были такими просоленными, что скоро закимарили, а мы принялись грызть остатки мама-папиных пирожков, любуясь видами околобийских лесов, а потом – серыми петлями Катуня. Особенно офигевал Димьян, он в таких местах был впервые; хотя большую часть жизни и прожил как бы «на Алтае», но в плоских, как блин, степях. Я смотрел на брата и любовался: повзрослел парняга, два года срочной службы не прошли даром... Совсем недавно ещё «снял его тёпленьким» с дембельского поезда в Новосибирске, короткостриженого, не по погоде одетого, новоиспечённого сержанта ракетных войск. Не доехал сын до родителей,

выхватил его по пути старший брат и повёл с корабля на бал, с перрона в офис, где усадил за стол, дал тарелку с обедом и ложку: кушай, братишка!

Оставил я его в кабинете с двумя сотрудницами, и ушёл на совещание. А как вернулся, вижу: сидит неподвижной статуей, к еде не притронулся, только зыркает мрачно исподлобья.

– Ты чё! – говорит мне потом. – Я два года в одну харю не ел, только с ротой, а ты хочешь, чтоб я один на глазах у девчонок хомячил!

В знаменитом Шукшинском селе Сростки мы, ясен пень, тормознули, и все по кругу... обмочились в колоритном уличном заведении. Не уличном даже – полевым толчке посреди пустыря за трассой. Бетонный кубик с двумя входами без дверей. Примечание: мужской толчок справа, а женский слева, но это вам без разницы, т.к. очередей в них обычно нет! Настолько там колоритно...

Поговорили о Василии Макаровиче, вспомнив «базовые» фильмы, и устыдив Илюху, который, как выяснилось, не видел даже «Калину красную». Дальше вокруг начали неумолимо расти лесистые сопки. Водитель нам попался весёлый. В хорошем смысле этого слова. Всю дорогу он болтал с девчонками, с комфортом разместившимися в кабине, в вип, так сказать, зоне. А потом Юрий Борисович и вовсе порадовал – музыкальным сопровождением маршрута...

Но сперва мы долго ехали в состоянии сомнамбулического полусна. Остановились на перекус в Усть-Семе, в златном кафушнике «У Никаноровны». Точили пирожки, печенюшки и прочую домашнюю снедь. Усть-Сема – большое «узловое» село на правом берегу Катуня, от него начинается Чемальский тракт, уходящий в сторону Куюса. Вокруг кишат, шмыгают туда-сюда разномастные туристы. Через реку ведёт внушительный автомобильный мост «федерального значения», с которого можно любоваться изгибами и перекатами бирюзовой алтайской красавицы. Эта железобетонная конструкция – первая в своём роде на Чуйском тракте.

Я зашёл в магазин и купил себе носовой платок. Лупите меня совковыми! Но я – дитё цивилизации, не могу срать под себя, и питаться травой!⁷ Ну, то есть, не хочу всю неделю сопли в кулак собирать. Ведь наверняка сопли собирать придётся, а?

Что ещё рассказать про этот густонаселённый, по алтайским меркам, пункт? Ах, да, отхожее место в Усть-Семе не супер! Но от постороннего глаза и ветра, которых почти нет, спасает...

Снова благородные виды Катуня, нависающие над ней серебристые утёсы.

– Было бы неплохо поселиться вон на том!

– Ага, построить себе домик, и поставить сортир на краю, чтобы дырка уходила прямо в пропасть!

---

⁷ Цитата из флэш-мультфильма «Магазинчик Бо»

– Это был бы номер...

Все согласны поселиться в любом месте по соседству с Катунью. От великой реки хоть и веет холодом, но также исходит сила, первозданная чарующая мощь. Не залюбоваться ею невозможно. Кто видел Катунь хоть раз, подтвердит. Тяжёлые пласты воды плавно перекачиваются через выступы в твердокаменном ложе, с тугим усилием смещают друг друга; река тянется, как огромная струна, как жила голубой энергии – туда, в туманную даль, к ещё большим сибирским рекам и ледяным северным морям. Красивейшая исполнинская Змея, воплощение древней магии и самых могущественных сил жизни. При всей видимой тягучести поток развивает большую скорость, поскольку перепад высоты от истока до устья – целых два километра!

И ведь рождается она не где-нибудь, а на самой Белухе. Не говорите, что это простое совпадение! Величайшая гора и главная река, мать и дочь, две прекраснейшие алтайские богини-чародейки. По-алтайски, «Кадын» значит «госпожа, хозяйка», а в древнетюркском языке – просто «река». Питает её истоки ледник Геблера, что на южном склоне Катунского хребта, в современном Казахстане. Она движется к Оби, прорезая скалы, прорываясь через Ороктойскую теснину, где преодолевает порог с красноречивым названием Тылдыкпень. Ширина Катунь в том каньоне всего каких-то два десятка метров, а глубина доходит до семидесяти!

Обросшие лиственницами и кедрами берега похожи

на богатое меховое платье. Кстати, к Ороктойскому мосту, одному из самых живописных мест Алтая, где «морщинистые» чёрные скалы сдавили хрупкий на вид девичий стан Госпожи, можно попасть на авто по той самой дороге на Куюс, так что всем рекомендую!

А мы едем по левой стороне, к Семинскому перевалу. Великан Сарлык – по легенде, один из окаменевших великанов-богатырей, посланный вдогонку за сбежавшей от отца Кадын – высочайшая точка Семинского хребта. Интересно, что сбежала Кадын к юноше-красавцу Бию, то есть, река, которую мы зовём женским именем «Бия», в сказаниях алтайцев – мужчина, жених Катуня Бий.

Перевал я чуть было не проспал (на обратном пути была такая же беда). Просто он незаметный! О том, что мы уже на перевале, поведало лишь какое-то особенно напряжённое урчание «газельки», кряхтевшей от невидимого глазу затяжного подъёма. Тряпочно-верёвочной чепухи, мёду в фигурных пластиковых баночках и прочих фенек-бирюлек покупать на развале не стали, а поехали дальше, к высоким горам, которые здесь заметно покрепчали в плечах и полысели в плане растительности.

На перевале Чике-Таман поразительные виды. Сам перевал – змеящийся по крутому отрогу Теректинского хребта серпантинном, и фоном для этого зрелища – золотистые горы и чудесные алтайские небеса. Интересно, что высота Чике-Тамана меньше, чем у Семинского, на полкило-

метра, но визуально он выглядит выше, потому что крут и грозен. Совсем не соответствует своему тюркскому названию: «плоская подошва». Здесь все проезжающие делают программную остановку «на пофотаться». Соответственно, из добавленных глупым человечеством красот наверху – географически-биографические художества на многострадальных скалах, как-то: «ПЕТЯ 19..мохнатый год», «ВАСЯ СВЕТА», «ЕБЕНИ 2005» Ей-ей, не вру, есть там и такое! Полагаю, речь в данном случае не о месте рождения, а об умственном развитии авторов надписей.

Отходим по технологическим нуждам вверх по склону. Туда, где высота пугающе прекрасна, где обрывается в бездну небольшой тупичок. И что вы думаете? На краю дороги, над обрывом, стоит-таки деревянный туалет – прямо как мы мечтали! Дощатая дверь с закрывашкой-вертушкой, крыша из куска шифера, и очко ромбиком выходит... прямо под откос. Угнали же идею на корню!!!

Вот такой фекал мэтерс.⁸

И снова поехали. Спустя какое-то время опять стали соловеть и клевать носом, но дядя Юра просёк момент. Тут-то он и завёл свою развесёлую водительскую музыку! Три человека из «группёшки для народа» перекладывают, не мудрствуя лукаво, популярные песенки на собственные слова. Позже узнал, что называется всё это безобразие «Мурзилки». Текстовки не слишком интеллектуальные, порой ска-

---

⁸ «Fecal Matters» – первоначальное название группы «Nirvana»

брезные, но не до пошлости. И вперёд – поют, то есть, радуют простых граждан нашей широкой страны. Получаются балдёжные такие опусы, в спектре от развлекательных до обоссыкательных. В частности:

*Не плачь, печёнка,
Пройдёт цирроз!..*

или:

*Ведь он придёт, он придёт, День Десантника,
И на плечо упадёт мощная рука,
Сапог кирзовый меня подтолкнёт слегка,
И я пойму, что я здесь не один...*

Наверное, в другой обстановке я признал бы их махровенькой и достаточно примитивной попсой, но здесь несложные вирши оказались удивительно к месту. О, с каким задором Борисыч ложился под них на скорости в крутые извилины Чуйского тракта! Ух-х! – оставалось только молиться, чтобы там, за скалой, не было встречного лихача с аналогичной музыкальной подборкой!

На столь весёлой волне мы немного разговорились с соседями, солёными мужиками. Послушали советы, как лучше возвращаться к Трактору на обратном пути из гор.

И вот мы в Чибите...

И вот мы в Акташе...

И, наконец, прибываем в Мены (Мену?), где вываливаемся на свежую травку, раскидываем рюкзаки, и договариваемся с Борисычем на обратную ходку. Договорились. Выдали ему пятьдесят процентов аванса в обмен на синюю визитку, и он укатил под музыку, оставив «бывалых» наедине с дикой в своём верхнем течении рекой Чуя. Илюха почему-то произносит с ударением на последний слог: «чуЯ».

– Какая ещё «чуЯ»? Не шарить ни... черта!

Из специализированных источников узнаём, что «чу» по-алтайски значит «вода, река». Чуете теперь?

В этом походе Илюха у нас за старшего. По возрасту он такой и есть, плюс за плечами у него Аккем и Белуха: не самая вершина, но всё-таки. Плюс один к опыту и уважухе.

Первоначальным его планом были Бельтир и река Талдура, в верховьях которой мы должны были наблюдать «восхитительный безжизненный пейзаж». Он же – «лунный»... Бельтир – это посёлок, который почти полностью был стёрт с лица земли Чуйским землетрясением 2003-го года. Тогда там были толчки силой более семи баллов, а четырёхбалльные отголоски долетели даже до Новосибирска. Но маршрут мы скорректировали не поэтому. Проблема в том, что «лунные пейзажи» не входят в число моих излюбленных, мне подавай зелёный лес, полный запахов и птичьих голосов!

Сейчас на месте прибытия, близ слияния Чуи и Маашея, по-летнему спокойно и безмятежно. Над покатым чуйским берегом, укрытым тенистыми зарослями ивняка, скло-

нились старые, поросшие травами и кустами утёсы. Чую разительно отличается от Катуня: вода в ней серая, непроглядная, с большим количеством породы. Но течение такое же стремительное, с белыми бурунами на перекатах. На Чуе находится целый ряд порогов пятой-шестой категории сложности, в том числе небезызвестный Бегемот, где проходят соревнования сплавщиков и постоянно гибнут люди. Эти странные люди – любители экстрима... Возможно, в то самое время, как мы мирно раскладывали рюкзаки на берегу, чуть ниже по течению сгинул ни за что ни про что сплавщик из Австрии. Забегая вперёд, скажу, что тело его, или то, что осталось от тела, найдут только в следующем, 2007-м году... Нет, мы здесь совсем не за этим, мы – по другой части.

Девчонки ака Таня с Леной пошли смотреть на заброшенную ГЭС – мегалитическое сооружение, возвышавшееся в отдалении, а мы, мужская половина человечества, ясно, уселись трапезничать! Умяли последние плоды цивилизованного мира в виде помидоров и копчёной курицы, и получили последние наставления от засоленных мужиков. Попрощались с ними, дождались девушек и... ПОШЛИ.

Пятеро храбрецов.

Зашагали «в гору»: буквально сразу же полезли вверх по уступам, а потом прыгали с них. С непривычки настроение от похода поползло вниз. За первый час в ногах проснулись давно забытые, сомнительные ощущения... А поясница! И рюкзак ещё этот... гляди, как на спину присел... Раз-

жился тут!..

– Смотрите! Маашей впадает в Чую!

Замерли над треугольником, образованным двумя красивыми реками, дивимся. Чую разлеглась в узкой долине между двумя сглаженными хребтиками, их бока словно покрыты мягким зелёным плюшем. Иссиня-белая маашейская вода вливается в мутные чуйские струи, не сразу смешиваясь с ними, а расходясь по руслу широким сапфировым полукругом...

– Вот это зрелище!

– Как с хедэншолдерсом!..

– Фантастический вид!

– Эй, под ноги смотри, разиня, так можно и упасть! Красоты потом, на фотографиях посмотрим...

Шутка юмора.

Мост через Чую добротный, с традиционной защитой опор от наводнений: мощные колоды из брёвен, заполненные изнутри камнями; углы колод рассекают поток воды. Но переходить всё равно страшно. Под серыми от времени досками внизу чудовищно ревёт, словно требуя жертв, беснующаяся река. Ей кланяются кронами свесившиеся с берегов к воде ветлы.

На мосту довольно оживлённо, для гор. Прошли через целый строй «стрелков». Сначала некая наяда развела Димьяна на пачку сигарет. Да, парняга у нас курящий, после армии. Потом совсем уж молодые девицы на берегу пустились пе-

ред нами в пляс, выклянчивая денег или шоколадку. Предприимчивым девицам мы просто поаплодировали, и двинулись вверх на косогор по одноколейке. По ней, якобы, на бб-м ГАЗу легко ездят... Местами меня брало сомнение, что здесь вообще может проехать что-либо колёсное.

У самого устья Маашея туристы на стоянке нам предложили чаю, но соглашаться было несерьёзно, ибо мы ещё даже пороха не понюхали («ибо нехер!»). Все полезли в гору, а я спустился к речке и набрал голубоватой ледяной воды, заодно понаблюдав за процессом стирки: чувак запускал шмотки в реку, как это принято в походах, на длинной верёвке, – а река их бешено полоскала. Я и сам такое практикую. Не всегда удачно (см. ниже в этой книге). Но в Эрлаголе, помнится, за какие-то двадцать минут Чемал великолепно сделал мне из сплошного куска грязи обратно чистенькие джинсики.

Даже и по дороге, крутой подъём отнял много сил, усыпленных месяцами сидячей работы, от которых задница давно уже расквadrатилась. Вскоре нам попался камень с мемориальной доской: в этих местах погибли альпинисты (как Ленка говорит – альпиндяи), и это тоже своеобразный сигнал! Примем его к сведению, и продолжим путь.

Оглянувшись, вижу, как лента Чуи рассекает теснину меж хребтами, прибегая из долины, которую так и хочется назвать «Чуйской» :) Хотя та – совершенно в других широтах, и течёт там совсем не Чуя, а река Чу! Спешу очистить доброе имя алтайской реки от нездоровых ассоциаций с ганджуба-

сом: многострадальная Чуйская долина, где оптом собирают дикорастущую коноплю, находится, уважаемые читатели, в Киргизии и северном Казахстане!

За той долиной, которую вижу я, встаёт плоским массивом Улаганское нагорье. Оно увенчано, как короной, зубчатой цепью более северных хребтов.

Эх, вверх! По Маашею. Прелестнейший лесок, солнышко веселит, голубое небо обнимает, молочная река освежает... Такой поход я люблю! Твёрдая тропа, и ножки сухонькие. Неправдоподобная погода. Идеальные виды, идеальные кадры. Чистая студёная водица из ручья звенит в гортани.

Пока дошли до подходящей стоянки, уже и завечерело. Встали на Каракабаке. Речонка такая в стиле рококо: рокошет уж больно громко. Падает с горы и убегает в Маашей. Тут густые смешанные заросли. Романтика. И даже, как стемнеет, жутковато. Но журчание вод успокаивает и настраивает «бывалых походников» на правильный лад. Лес, вечер – а комаров ноль. Воздух!!!.. Ням-ням.

Я в лесу видел волчка. Ну, мне так показалось: он быстро шмыгнул.

– Да это собака была! – махают рукой ребята.

Я упираюсь. Если и собака, то, как минимум, Дикая Собака Динго! На Собаку Баскервилей и Белого Клыка не претендую.

«Дисёнки» пошли в Каракабак купаться. У меня от этой темы дрожь по телу, и отнюдь не эротическая! Вечер и так...

бодрит. Но Илюха, вслед за девочками, тоже в прохладных струях понежился, поотжимался там, чертяка. Натурально, разделся, встал на четыре конечности, и – раз-два, десять отжиманий! Илья – мой друг с первого курса, парень весёлый, простой и жизнерадостный, а в передрыгах и испытаниях всегда был твёрдым, как кость. Жёсткий такой борец. И одновременно чересчур оптимистичный. Некоторые люди преувеличивают трудности, так вот Илья их преуменьшает. Особенно легко он обращается с километрами пересечёнки на карте, где они выглядят сантиметрами и миллиметрами. Ему принадлежит фраза: «Перепрыгнем с Северо-Чуйского на Южно-Чуйский, кого тут идти-то между ними! Чик! – и всё!»

Такой у нас бодрый и воздушный командир. Чик-чирик! Я бы прозвал его «Жестяной барабан»!⁹ Если Фолькер Шлёрдорф позволит.

Костёр, чай, первый романтический ужин – всё это нет смысла описывать далёким от туризма людям. Это ПОХОД, друзья мои чайники! А ужин в походе – для вас только это и пишу! – всегда необыкновенный. Туха, сгуха и КАША! Наши «дисёнки» готовят лучше всех на Северо-Чуйском хребте!!! Подруги и боевые соратницы. Танюха – девушка Ильи, и Ленка... Ленка – она всегда сама по себе... Ну, очень боевая.

Распределили посадочные места в палатке, согласно куп-

---

⁹ Фильм немецкого режиссёра Фолькена Шлёрдорфа

ленным билетам. Палатка четырёхместная, а нас пятеро, размещаться будем по-селёдочному. Стали укладываться, я оглядел отведённую мне жилплощадь и радостно говорю:

– Я буду спать, как бог!

Тут в палатку заглянула Ленка, и из её уст прозвучала
ГЛАВНАЯ ФРАЗА ДНЯ:

– Сейчас я лягу, и ты будешь спать, как ПОЛУбог!

Полубоги

Во второе утро мы проспали АЖ до девяти часов! Ну, типа, день, аналогов не имеющий. Так же, как аналога не имел день первый, в коий мы с Димьяном вообще не употребляли Алкоголь (с ударением на первую букву).

На утренней планёрке решено было пиликанить сегодня до самого Перевала, чтобы встать под ним, и назавтра «в шесть утра, а лучше в пять» щемиться на ледник, пока он не подтаял...

Наверное, нужно пояснить. Ледник, он же глетчер, каких я прежде никогда не встречал и не мерил шагами, – это ледяной поток, медленно спускающийся с гор. Так было написано на карточке в детском географическом лото, которое мне подарили в первых классах школы. Ледяной ледник – это понятно. Но давайте разберёмся, за счёт чего он спускается? Оказывается, под действием собственного веса. Как кусочек вара: расколется, если по нему ударить, но постепенно примет форму стекающей капли, если положить его на наклонную поверхность. Так и многовековой снег, спрессовавшийся в ледяную массу, медленно течёт с вершин в долины. Сила тяжести неуклонно двигает его вниз. А, скорее, наоборот, уклонно... В научной литературе это называется вязкопластическим течением. Всем ледяным хозяйством планеты заведует наука гляциология.

Ледник постоянно наступает и отступает, в зависимости от изменений климата. Будучи изначально снегом, он проходит такую интересную стадию преобразования, как фирн – плотно слежавшийся, зернистый «снеголёд». Ледник не просто плывёт по поверхности, он обладает такой массой и мощностью, что крушит скалы и срывает почву, пробивая и расширяя своё ложе, изменяя строение гор. По сути, эти ползучие глыбы формируют новое лицо планеты. Конечно, всё это длится тысячи и миллионы лет. Наступающий глетчер толкает перед собой морену – массу камня и земли, которая при отступлении льда остаётся стоять в ущельях и долинах извилистыми Китайскими стенами. Стаявшие льды оставляют после себя причудливый рельеф, часто с совершенно удивительными формами: «висячими» долинами, узкими грядами-озами, U-образными тоннелями-трогами и чашеобразными цирками в их основании. Меня особенно привлекают цирки: многообещающее название!

Мы ждём циркового представления, и поэтому планируем на сегодня и на завтра боевые деньки. В пять часов подъём, а в шесть – на перевале... Ледник, состоящий на своей поверхности из рыхлого снега и припорошенный совсем уж свежим снежком, с первыми лучами солнца начинает подтаивать. В результате чего неосторожные граждане, лишённые специальной экипировки, могут увязнуть, да чего греха таить – провалиться! Ну, мы-то бывалые, нам-то сказали, что перевал сложности 1Б проходится без проблем в обычной

обуви...

Все наши оптимистичные бонапартовские планчики разрабатываются под освежающую утреннюю влагу, которую непрерывно сообщает лесу набрякшее отчего-то небо. Настроение от похода слегонца подпортилось... Но в голове уже вставали разные экзотические картины. Воображение подстёгивалось тем, что у нас в запаснике, а именно в рюкзаке у Димьяна, было дважды по тридцать метров верёвки: это, несомненно, должно скрасить нам пребывание на перевале категории 1Б.

– Ну, пошли...

Вверх по Маашею ведёт симпатичная торная тропка, состоящая набитая колея, аккуратно виляющая среди трав и кустиков, прошивающая лесные кущи. Идти по ней – одно удовольствие, катишься, как колобок или волшебный клубок из сказки, дивясь окружающим пейзажам. А они очень необычны и приятны на вид. Над отрогами взмывают в поднебесье смолистые кедры, пенная река, как нож, врезается в берега и вытачивает из скал причудливые узоры, в ложбинках прячется мелкая живность...

Поваленные стволы деревьев напоминают доисторических животных, особо кривые и извилистые – каких-то исполинских червяков, застывших в неподвижности на долгие века. Конусы гор упираются в речные берега, по ним сбегает камнепады, тут и там пронизывающие густую бровку хвойного леса, подступающего к самой воде.

Близ гладкой отмели из матово-серого маашейского песка я обнаружил совершенно невообразимую штуку. Трон! Этакий полулежачий престол, образованный остатками давно обрушившегося в реку могучего кедра, теперь он нависает над широким разливом Маашея. Это ложе как будто предлагало мне себя, и я возлёг на него, словно Лесной Царь.

Хотя никакой я не царь, а просто усталый путник, успокоенный и умиротворённый колдовским местом, зачарованный архитектурой природы – столь естественной, и столь неповторимой. Моё брненное тело покоится на вековом сиделище из крепчайшего древесного корневища, надо мной застыли, сдвинув скалистые плечи, дремлющие каменные титаны, а подо мной катятся перламутровые волны, убегая в недостижимую вечность.

Шли мы так, шли, и по пути объелись всяческой ягоды: жимолости, смородины, шикши. Шикши в лесках и на пригорках были целые плантации, и на них мы воистину «паслись». Когда видишь столько вкусного и бесплатного, забрало падает даже у «бывалых», и они как-то... забывают про Бонапарта, вместе с Наполеоном.

И, конечно, я нашёл бадан! Который якобы «тут не растёт»... Ну что вы, право, как дети малые!.. Истинный торчок везде травку отыщет! Набили щёки круглыми чёрными ягодами, собрали необходимое для бодряков количество волшебных чёрных листиков бадана. Отдыхаем по-чёрному. Но совсем позабыть про план нам не даёт врождённое чув-

ство ответственности...

Хоть и с остановками, мы неотвратно шли вперёд. И вскоре увидели Озеро. Разлив реки, как часто случается с горными озёрами: такая уж у них судьба, такая родословная. Это озеро – широкий разлив Маашея. Очень красивое, даже какое-то «заповедное» место. Но обходить его нужно долго и вдумчиво, по не очень красивым на ощупь (наступ?) камням. Илюха констатирует:

– Курумник.

Тоже мне, нашёлся умник!

Из озера кое-где торчат скелетики затопленных водой и погибших деревьев. Зрелище, вызывающее противоречивые чувства.

Остановились, задрали головы все впятером. Отсюда обалденный вид на Маашей-Баши, высочайшую гору Северо-Чуйского, и на ледник, из которого река Маашей естественным образом проистекает. Находятся такие (наш командир тоже им сочувствует), кто называет Маашей словом «Мажой» – так вот всем им промеж глаз вожжой!

– НЕВДУРЕННЫЕ ПАНОРАМЫ!

Вереницы гор, утопающих в облаках. В том самом цирке, что под славной вершиной Маашей-Баши, плавает большое пуховое облако! Оно повисло где-то посередине горы, опоясывая её, как гигантская балетная пачка.

Эти невероятные картины и бодрый шум реки, вопреки тоскующей и плачущей погоде, слегка поднимали наш «рей-

тинг», и некоторым (мне) даже захотелось петь. Отсюда – песня. Но не про зайцев, а, скажем... про Ленку. Почему бы и нет?

Тихо плещется вода...

Голуба-ая Ленка!

«Голубая Ленка» песню не поддержала.

Замедлились у Кедровой стоянки, которая являет собой целую совокупность стоянок между Маашейским озером и большим ручьём – речушкой? – не хочу врать, но, может быть, это Карасу? (с надеждой в голосе). Там нам попались большие группы гораздо более бывалых, чем нежели мы. И поведали, что мы движемся в правильном, более того – единственно возможном направлении. И что скоро всё будет, в том числе искомый Нижнешавлинский перевал, с которого «если повезёт, сможете спуститься и без верёвок».

– Хм, ну это... Ну, нам-то чё, верёвок у нас ажно две!

За речушкой мы ещё сильнее замедлились, и скоро совсем остановились на обед из горячего чая. А это НАДА, т.к. ветер поднялся что-то не к добру. От чая, костра и окружающей вопиющей природы всем, в общем, приятно и хорошо. Ленка, допустим, в какой-то момент краснеет от костра. Может, такое и в другой раз случалось, но сейчас это не принципиально. Илюха заметил, что Ленка теперь не Голубая – а Красная! Эту идею он сразу же и преподнес присутству-

ющим. Обнарудовал, всем на радость. Это же натуральный левел-ап!

Как известно, красные драконы в «Heroes of Might and Magic II» являются улучшенными зелёными и, в свою очередь, сами улучшаются до чёрных... Я напомнил об этом важном факте тем, кто не знал. Но предложенный окончательный апгрейд Ленки до Чёрной был и ею, и Таней проигнорирован. Женская солидарность, или как-то так...

Ладно, тогда я пошел фотографить Маашей.

Какая сила чувствуется в этой реке! Сколько в ней энергии, сколько бесчинства и могущества! Чистота, холод и мощь. Белая пена разлетается от ударов о полутонные вековые валуны. Они недовольно гудят, но вода, не обращая на это внимания, устремляется дальше. Новые, новые валы... груды воды, плиты воды, толщи. Вода как воплощение чистоты и жизни.

Я влюбился в Маашей.

Дальше мы пошли прямо по реке, по извилистому руслу, размытому весенним половодьем и высохшему до следующего разлива. Такой своеобразный островной-полуостровной песчано-галечный пляж, во многих местах заросший непролазными дебрями. Пробираясь через них, играли в белок: грызли орешки, изюм, курагу и семечки. Всё, что грызётся. Запивали речной водой из стынущих ладошек. Морось и холодная водица против тщедушного городского те-

ла: в конце конца, к вечеру у меня заболело горлышко. Таня дала мне «Звёздочку», которую Димьян на дух не переносит, но ему пришлось потерпеть. Я мазался каждую ночь, благоухая на всю палатку. Эх, плохо мы ещё приспособлены для гор!

Бывая в диких уголках нашей родины, я с удивлением обнаруживал, что в туристический сезон для них характерно наличие своеобразного интернационала. На Байкале мне встречались люди со всех концов света: от студентов-словачков, путешествующих по России автостопом (!) до семьи канадцев, которую мы застали на верхушке очень крутой горы за интересным занятием... мама кормила грудью годовалого младенца! Потом папа надел на спину основной рюкзак, а рюкзачок с малышом повесил на себя спереди – и они продолжили путь... Поразительно расслабленные люди: в чужой стране, в диких местах, с малышом – на горе, куда иные едва поднимаются! Вот что значит – люди другого менталитета, у них отсутствуют клетки и решётки в голове...

Северо-Чуйский хребет также оказался богат на иностранцев. В верховьях Маашея нам попались двое парнишек в чёрном, поговору мы «округлили» их до чехов. Уж больно смешно они коверкали русские слова. В определённый момент мы достигли некоего неопределённой национальности мужика, сообщившего, что дальше на морене леса нет, и последние дрова находятся здесь: да, верно, в виде вот этих корявых низкорослых деревец! С данного места, покрыто-

го грудями ссыпавшихся с морены валунов и чахлой полуживой растительностью, уже хорошо просматривался белый язычок ледника.

– Ну а вам, – мужик ткнул пальцем, – надо вон туда, вверх по камешкам.

Русский-то мужик, по ходу.

– Зашибок! Давайте собирать хворост!..

– Давайте...

Я, вместо «вверх по камешкам», попёрся вдруг куда-то не туда, влекомый неистребимым желанием «сократить». Соскучился за день прыгать с валунчика на валунчик... Но от судьбы и от Илюхи не отвертишься: пришлось возвращаться и ломать сушняк вместе со всеми, формируя весёлые вязаночки, как на картинках в детских сказках. Там старые согбенные бабушки всегда носили на горбу такие вот вязанки, а добрые молодцы, brave солдатики и просто хорошие мальчишки им помогали. «За кизилом на Тарки-Тау». Была и такой детский книжка. В ней старый дагестанский джигит рассказывает о жизни-бытии в окрестностях Махачкалы. В одноимённом рассказе его внук с приятелем идут на гору Тарки-Тау за ягодой, а на иллюстрации мальчик собирает на склоне сушняк, чтобы подбросить под колёса забуксовавшего грузовика...

Вот ведь штука – память! И как только я вспомнил этот эпизод из книжки для дошкольного возраста, спустя столько лет! Тактильная память...

Здесь, в кривых кустах, да на острых каменьях, пришёл песец моему «моднявому» розовому дождевичку на кнопочках. (За сорок рублёв, между прочим, купил китайское дерьмецо! Шиз!) А тут, очень кстати, и дождик пошёл. Обнадёживающий. Настроение от похода чуть-чуть ухудшилось. Но там, наверху, говорят, метрах в пяти-десяти – да нет, в пятидесяти! – есть тропа по гребню морены!.. Какое счастье!

Пристроив вязанки поверх рюкзачков, группа из пяти лиц (два бородатых и три принципиально безбородых: Таня и Лена – в силу физиологии, и Дима – по моральным армейским убеждениям ежеутренне сбрывающий с лица растительность) незатейливо двинулась вверх по валунчикам. В поисках заветной тропы «на Перевал», навстречу освежающему ветерку. Нет, лучше скажем – дождливому ветерку. Пожалуй, что ветреному дождю.

Можно долго описывать прелести восхождения по морене, а также величие открывающегося глазу Цирка из пяти вершин, окаймляющих снежную чашу... – но, сдаётся мне, весь этот цирк лучше опустить, и сделать так, что мы УЖЕ ПРИШЛИ к озерку.

Озерко отчаянно бирюзового цвета образует ниспадающая водопадиком безымянная речка, которая потом сама же и вытекает из этого озера, и уже бурным потоком уносится в Маашей. Или ладно, хрен с вами, господа руководители и идейные вдохновители, в Мажой... Ишь ты, лишнюю букву им выговорить тяжело! А мне вот ни сказать, ни напе-

чатать не трудно! И гораздо более красивое название – Машей, и более оригинальное!

Люди, которые, конечно же, присутствовали и тут, на стоянке у озерка, с готовностью махнули руками в нужную нам сторону. И этот взмах был настолько неопределённым, что добрая половина отряда (я и Танюха) ... опять упёрлись не туда. До места стояночки «под перевалом» мы двое доковыляли последними. Про то местечко надо сказать особливо: весьма мокренькое местечко в неприятных травянистых кочках возле заваленного камнями ручейка. И наиболее большие из них камни – есть безальтернативное пристанище для тех, кто хочет какать. Чему имеются многочисленные свидетельства... И ВОКРУГ, как сказал бы Илья, – КРАСОТА НЕОПИСУЕМАЯ!

Можно вести долгие споры и диспуты по поводу экологии уникальных мест российской природы. Например, подискутировать о том, стоит ли ставить там туалеты, запрещать стоянки, штрафовать нарушителей, и так далее. Но реальность такова, что участки, облюбованные туристами в качестве «базовых лагерей», пестрят биологически-физиологическими артефактами. Когда впервые с ними сталкиваешься, это неприятно удивляет. Но дальше тебе самому приходится принять как факт, что человеку свойственно кушать и испражняться, и что когда деваться некуда, действуешь самым простым и незатейливым образом... Так что же более уродует пейзаж: туалет типа «сортир», убого торчащий по-

среди вечных гор или бесчисленные салфетки и бумажки под камнями?.. Неразрешимая проблема философии.

Мы пересекаем котловинку, горделиво оступаясь на склизких камнях под тяжестью дровяных припасов, провожаемые полными зависти и уважения взглядами альпинистов, которые как лохи носят с собой газовые горелки... Располагаемся на «пересечённом» пятачке более или менее ровной поверхности, отвоёванном у гор человеком при помощи топора и плоских булыжников. Но главное – тут есть травка, символ жизни и роста, благословенная зелень, так радующая глаз! В конце долины (так мы думаем) виднеется заветный Перевал: отсюда, снизу, он выглядит как крутой каменистый подъём метров пятнадцать-двадцать высотой... Вы верите, что перевалы 1Б бывают именно такими? Мы – да...

Завтра в пять утра будем его штурмовать.

– А может, в ЧЕТЫРЕ утра?

– Да не, давайте вообще не ложиться!

Между делом, пока готовился ужин – дрова, значит, очень быстренько истребляем! – Илюха сходил к стоявшим за ручьём «альпиндьям», и гордо спросил их:

– Это ПЕРЕВАЛ?

И «альпиндьяи», суровые мужики в гигантских пластмассовых ботинках с шипами, в народе именующимися «кошками», грустно ответили ему:

– Нет.

Но Илюха не испугался, и не менее гордо спросил их сно-

ва:

– А как пройти на ПЕРЕВАЛ?

Тут грустные скалолазы с рыжими касками строителей, вместо ответа, чисто по-одесски спросили:

– Какая у вас есть снаряга?

Пришлось Илье сообщить, что никакой снаряги у нас нет. Но он и тут не растерялся. В третий раз закинул он невод, вопрошал наш поводырь лютых профессионалов:

– Далеко ли до Таллинна?..

Нет, не так:

– Где, всё-таки, он, Нижнешавлинский?

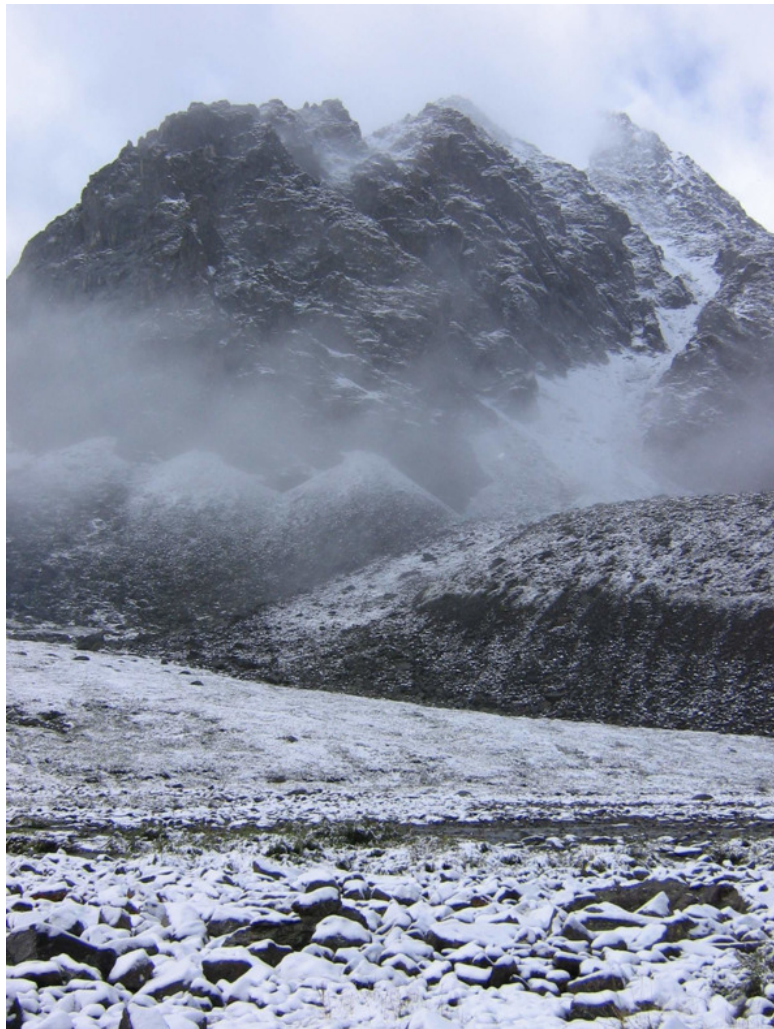
Чудовищные канатоходцы с кошками, собаками, ледорубами и всем прочим своим скарбом посмотрели на него долгим взглядом, и снова спросили:

– Ребята, вы из какого КЛУБА?

И ФРАЗА ДНЯ в исполнении Илюхи:

– Мы – из Клуба Песенной Поэзии!!!

Тут и дню конец. А будильник завели на несусветную срань.

От морены до гангрены

Неподготовленного путешественника горы некоторыми своими нюансами могут неприятно удивить, и даже поразить. Какие сюрпризы могут встретиться в походе неопытному пользователю?

Главный сюрприз – это затяжной дождь. Я говорю не про внезапную горную грозу, которая налетит неожиданно, напугает грохотом раскалывающихся камней, промочит насквозь и убежит дальше по своим делам. Я имею в виду ежедневный, ежечасный и ежеминутный, не перестающий идти дождь. Когда с неба непрерывно падает вода. Когда с деревьев и кустов льётся на голову и за шиворот, а любой шаг по высокой траве равносителен шагу в глубокую лужу. Когда всё вокруг накапливает и источает влагу, а любое прикосновение делает и тебя влажным, любой недосмотр – твои шмотки мокрыми. Когда общая сырость не позволяет сушить вещи, все с утра до ночи с ног до макушки омыты водой, и никакие дождевики этому не помеха. Типичная ситуация: снаружи ты весь мокрый от дождя, а изнутри – от пота. Вот почему так важно хранить спальные вещи в глубинах рюкзака, в непроницаемом полиэтиленовом пакете, а лучше в двух. И это всё не говоря уже про опасность скольжения под дождём по корням и каменюкам.

Неразлучный спутник дождя – холод. В горах тепло толь-

ко в солнечный летний день. Утром и вечером тут непременно холодно, а в непогоду царит круглосуточный и открытый дубак. На «верхних этажах» горных систем серьёзно сквозит, там гуляют ветры, шалит град и выпадает снег. В лёгкой одежде не шибко забалуешь. Требуются тёплые штаны и кофты, перчатки и шапки, и обязательно костёр, который зачастую невозможен из-за ливня или полного отсутствия растительности. Ночью в палатке костра нет в любом случае, там остаёшься с холодом наедине: только ты и твой спальник, а он ещё неизвестно, выдержит ли проверку низкими температурами. Хотя мы не занимаемся альпинизмом на снежных пятитысячниках, я вам ответственно заявляю: ночью в июле в горах Алтая можно окочуриться в спальнике во всех своих вещах! Тебя будет колотить, как лихорадочного, и зубы будут отстукивать дробь. Какой тут сон, когда мечтаешь лишь дожить до утра!

Излюбленный момент (так часто я смаковал его в своих рассказах «береговым мазутам»!): выползаешь, скрюченный от холода и измученный полусном, из палатки в недобрую хмарь утра, с усилием, неразгибающимися пальцами натягиваешь на ноги ботинки, а они – два куса воды, сочатся и булькают. И – боги! – как они холодны и омерзительны! Надо только видеть со стороны твоё лицо в эти счастливые мгновения начала нового походного трудодня!

Наконец, сам ландшафт, рельеф местности способен озадачить человека, койй обязал себя его пересекать. Я уже пи-

сал о бродах, где, зазевавшись, запросто можно уплыть по течению, и о сомнительной проходимости урочищах. Теперь нам предстоит столкнуться с моренами, ледниками и лавинами. Чем порадуют нас они? От одних только названий уже веет опасностью...

«Клуб Песенной Поэзии». Эти три слова стали в нашей компании обозначением чего-то неисправимо оптимистичного и дилетантского, самодеятельного и самонадеянного, граничащего с наивностью и безумием. Но – безумием весёлым! Так называлась некоммерческая организация при нашем с Ильёй альма матер. В один прекрасный день его привели туда бесконечные упражнения с гитарой, рок-н-ролом и стихотворной лирикой. Из них позже и родилась полуполюгендарная группа «Светлячки» (см. эпиграф к Части II). В «Клубе» собирались любители бардовской песни, так что Илюху, с его разрывным панковским исполнением и философской общажной лирикой, оттуда сразу же мягко попросили: «Молодой человек, ни одна из ваших песен... нам не подходит!»

...Будильник оказался не нужен. Вряд ли кто спал в Клубе Песенной Поэзии в эту ночь. Скорее так, бредили... И грезились пяти мятущимся в забытых душах, что по палатке с внешней стороны стучит что-то мокрое, липкое, обволакивающее... Стало глухо и душно, как в танке. Только тихий шелест, какие-то неясные толчки... Я открыл в темноте глаза и прислушался к странным звукам. Они усиливались,

превратившись во вполне реальный стук. Хо! Да это же Таня колотит кулаком по «потолку»! И от каждого её удара что-то тяжёлое и неприятное рушится там, СНАРУЖИ...

С хрустом разгибая затёкшие спины, два бойца потянулись к выходу. Откуда-то сверху брезжил серенький предутренний свет. Илюха попытался открыть замок палатки, но не смог это сделать, потому что...

...Потому что мы были в сугробе. Буквально проломив себе дорогу к миру и воздуху, мы обнаружили, что мира-то и нет! Кругом царила белёсая мгла, всё преобразилось и выцвело: вчерашние серые камни стали белыми, и зелёная травка, на которой мы так выгодно расположились, исчезла. Всё побелело до неузнаваемости, и вокруг нас был сплошной снежный беспредел!

– Ого! Долбанный СНЕГ!!!

– Долгожданный! Повсюду!

– Добро пожаловать!..

Вот чего мы искали... Истосковались по снегу в Сибири, где он лежит восемь месяцев в году. Нашли его и тут. И как-то сразу все пятеро прониклись мыслью, что встать в такую белую хладную рань... незачем. И быстренько с этой мыслью свыклись. Пробурчав что-то типа: «Не-ет, так не пойдёт...» (взамен более уместного восторга и умиления: «Снежок! Ура!»), – любители стихов и песен стали снова принимать эмбриональные позы. Очень походив на червей в морозильной камере. Они даже пописать не ползут... Им зябко

и боязно.

Всех ценителей зимы в августе я отсылаю на Шавлинские перевалы. Как говорится, идите-ка вы на Нижнешавлинский! Канайте на Северо-Чуйский! Катитесь на Маашейский ледник!

Ну, что ж, мы уже хапнули немало: и дубака, и дождя, и снега – для «неманиакального альпиниста» полная коробочка! То ли ещё будет?

– Эй, кто-нибудь хочет сегодня на перевал?...

– ...А хотим!.. Я уже лезу!

– Блин, как там... костёр?

– Тут по колено!!!

– Да не, по щиколотку...

– А снег-то продолжает валить!

– Щас всё будет, не бойсь! Вот только костёрчик откапем...

«Хочешь червячка? Он здесь, под корой...»¹⁰ Упс, под снегом! При помощи верного топорика я за десять минут проложил тропку к костровищу, погибший костёр отрыли и с горем пополам реанимировали, благо снег – не дождь, всех дров сразу не намочит. Плюс мы, как умные веники, вчера накрыли вязанку гламурными останками моего розового пеньюара. Он, конечно, уже не тот, что раньше, сказать по-честному – сущая рванина, но и в этом есть некая полез-

---

¹⁰ Цитата из фильма Александра Полынникова «Возьми меня с собой»

ность! Зато... да поглядите же вокруг!

Тем временем потихоньку разъяснилось. Панорама открылась – снежные пики Кавказа! Остроконечные чёрные утёсы, гигантские колотые плиты, громоздящиеся прямо над головами, доисторический гребень морены под белоснежным покрывалом снегов – и НЕБО, к которому нам единственно остаётся стремиться!

– МОХНОНОГИЕ СКАЛЫ!

Величественные горные кручи, заполненные остатками туманно-снеговых облаков, словно материализовавшимся эхом... Зябко дрожащие любители активного отдыха на переднем плане титанически-скально-льדיстого великолепия...

Отогрелись. Мысли забегали по телу... Общественное собрание постановило, что на перевал при таких раскладах пойдём без рюкзаков, в радиалку. Палатку со всем скарбом оставляем на совесть проходящих мимо, а сами шуранём в разведку. Боем... Эх, благословите, святые силы, хранителей этих мест, что нам хватило ума на такое решение!

Впрочем, мысль о том, что целый день убьётся на хождения туда-сюда (по последним данным, до настоящего перевала ещё четыре часа пути), а завтра подвиг придётся повторить уже с рюкзаками, – эта мысль не слишком воодушевляла. Посему заседание продолжилось, и консилиум вынес новый вердикт: сегодня идти вверх до НШП, обозначив его, в силу погодных условий, как конечную цель путешествия.

А завтра начать обратный спуск в долину, и устроить там днёвку – в качестве награды за все наши страдания.

– Супер-предложение!

– Зачёт!

Не судите нас строго, товарищи альпиндяди, вы же сами говорили, что спуск с Нижнешавлинского на ту сторону крут и чреват верёвками! А в такую канитель – и смертельно опасный для наших совсем не старых ещё тел! Ведь даже вы сейчас мнётесь с ноги на ногу, жуёте губу и сжимаете в своих когтистых ручонках ледорубики, пережидая непогоду...

Но кое-какую кузькину мать мы сегодня ещё покажем!

– Айда, братцы, в кровавую радиалочку!

За пресловутым каменистым подъёмом ждал ещё более пресловутый и каменистый пейзаж, местами поистине переходящий в «лунный»! Что у нас, в Клубе, весьма котируется...

Перед самой мореной, этой чёрной исполинской муреной, в абсолютно диком и пустом ущелье, под сводом кирпично-терракотовых и почти шоколадных скал, обнаружилась вдруг маленькая ярко-зелёная лужайка, совершенно неуместная тут, придающая виду ещё большую дикость. Но и это не всё: на лужайке обнаружилась одинокая жёлтая палатка, а в ней – красна девица. Тоже в единственном лице. Мы усомнились, не обман ли зрения, и кое-кто даже протёр глаза. Но Илюха не моргнул, не дрогнул. Он опять возьми да

и спроси (такой уж человек прямолинейный!):

– Вы вверх идёте или вниз?

А девица с улыбочкой «им и отвечает»:

– Я не вверх и не вниз, я тут живу!..

Вот такой фэйритэил. Чем выше в гору, тем страньше пипл. Порой и вовсе неземной.

И взлезли мы на морену. «Прыг-скок, прыг-поскок! – я весёлый гонокк...»¹¹

Вообще, знаете, «Морена» – достойное название, подходящее. В основе слова корень «мор» с небезызвестным его значением. Какова она в непосредственном приближении? Я наблюдаю безжизненные, бесформенные, безразмерные, безмозглые камни, уходящие в БЕС-конечность. Бесовство и беспредел.

– НЕОБЫЧАЙНЫЕ КАМНИ!

И вверх – по турикам, по турикам... В фильме «72 метра» герой Сергея Маковецкого лез по мусингам (это такие специальные узлы на корабельной снасти), а мы всё больше по турикам прикалываемся. Для непосвященных: турик есть наглядный, хорошо просматривающийся с расстояния артефакт из сложенных друг на друга камней, сообщающий вам о том, что до вас здесь ШЛИ разумные существа, и что идти надо ЗДЕСЬ, а также что не всё ещё потеряно, друзья! В общем, турики – это туристические «светофоры» в местах, где направления неясны, а перекрёстки отсутствуют. Чаше

---

¹¹ Цитата из песни группы «Мальчишник»

всего, на открытых пространствах без троп и на таких нагромождениях валунов, как эта морена.

Светофоры – дельная вещь, но ещё отыскать бы их! Не всегда это получается. Изредка кто-нибудь потерявшийся и утомлённый вдруг ка-ак закричит страшным голосом: «Ту-у-рик!!!» – и все вновь воспрянут духом: мы, господа-товарищи, движемся верной дорогой!

Но в целом-то нужное направление известно: нам во-о-он туда, за горизонт – вверх и вдаль! Шаг-прыг, и не скучайте! Вычищенный снегом день играет красками и контрастами. Меня поражает количество оттенков белого, серого и коричневого, я не знал, что их бывает так много! А какой воздух! Дышится легко и привольно. Не перестаю удивляться тому, что ветер в горах имеет вкус! Он свеж и сладок, он прямо-таки «кормит» грудь, насыщает лёгкие энергией. Его хочется вдыхать ещё и ещё, снова и снова...

Делая незабываемые льдисто-скальные снимки, скачем, подобно архарам и турам, и радуемся, что на горбу нет пятнадцати килограммов груза. Поражаемся редким формам жизни в полностью непригодных для неё местах. Жёлтые тюльпанчики, жизнерадостным пучком выглядывающие из-под пороши, оказываются горными маками. А вот эти красненькие – можжевельник?.. багульник?... Мимоза, короче, горная. И всё в снегу. Неужели они тут – не случайность?

– Неужели цветы растут и выживают в такой экстремальной среде?

Димьян протяжно-иронично констатирует:

– Ка-а-не-е-ешно!

И так вот мы блуждаем час-другой-третий среди миллиона и триллиона камней, бессистемно прыгаем, что твои блохи, сомнительной плотности группой, стараемся сильно не расплытаться, и время от времени пересчитываемся «на поворотах».

По пути попало ещё одно облагороженное место для стоянки: площадка под одну палатку, расчищенная от камней и отгороженная ими же от ветра. Умельцы! Из тех, кто максимально близко подбирается на ночёвку к перевалам. Вместо турика на каменюке торчит красная резиновая перчатка, как рука утопающего. Здесь она, наоборот – спасительная рука для утопающих в снегу мазохистов, тех, кого занесло сюда в какую-нибудь роковую ночь.

Наконец, по истечении третьего часа доскакиваем до маленького симпатичного озера. На нём, само собой, люди: мужичок и женщина, пригрелись в палаточке. Дядя говорит, что «по классическому пути» на перевал лучше не подниматься: там прямо над головами висит большой снежный ком, того и гляди рухнет на эти головы. Но можно подняться справа, по оставленным ими двоими следам; там покруче будет, зато безопаснее.

– «Покруче» – это слово для нас!

– Выпускайте пятёрку на лёд!

Раздуваясь от собственной крутости, погружаем ноги

в нежную мякоть мокрого снега, и по бережку снежной речки взбираемся на заснеженный ледничок. «Снегами запорошено...»

На ледничке неприятно. Настроение от похода потихоньку падает... Рыхлая белая масса, в неё проваливаешься по колено. Не факт, что не по пояс – или вообще по самое не хочу. А что там, под снегом, как бы неизвестно. Предполагается, твёрдый лёд. Но проверять, как глубоко он залегает, никто не хочет. Мы знаем, что ледники хранят разные сюрпризы, например, прикрытые снегом трещины в десятки метров глубиной. Поэтому ребята предлагают связаться верёвкой. «Эх, ну не зря ли я с вами связался?»

– Поиграем в караван-сарай!

Впереди, так сказать, пробным камнем, пойдёт... кто? Димьян говорит:

– Пустите первым меня.

– Почему именно тебя? – удивляются остальные.

– Да я после армии, меня не жалко!

Русский шутка. Скажем так: после нашей армии человеку уже ничего не страшно!

За Димьяном – Илюха, за Илюхой – Ленка, за Ленкой – Танюха, а охранять арьергард поставили меня. В задницу, значит. Чтоб волки никого не утащили.

Ну, бабка за дедку – двинули! Слева и справа над «бывалыми» нависают утёсы, угрожают лавинообразные белые шапки и обвалоподобные чёрные куски породы, выше и ни-

же в тексте многократно поименованные КАМНЯМИ. Таки-ми же кусками тут и там посыпана поверхность ледника, отдельные экземпляры внушают уважение своими габаритами. Время от времени по сторонам раздаются журчащие звуки осыпей. Мелкие камушки, за ними покрупнее... Неподдельное чувство... восторга!

Я живо представляю себе, как этакий тяжеловес, отделившись от скал, разгоняется по крутому скату, превращаясь в скоростной болид и вылетая на лёд, как хоккейная шайба. Ж-жух – и пять кеглей летят через Нижнешавлинский к заждавшимся их озёрам!

А мы идём вереницей, восторженные бурлаки. Как приятно бывает прогуляться летом по мягкому утреннему снежку! Как весело он сыпется в ботинки и щекочет подошвы!

«Вот оно ка-ко-е, на-ше ле-то... Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля!»

Прошли весь ледник, к счастью, без приключений. Наверху поглазели на упомянутый мужчиной снежный ком. Если он упадёт, нам действительно будет плохо. Но издали он кажется безобидным материалом для лепки снеговика. По недавним следам лезем в обход. И точно, круто. Жёсткая «халва» (осыпь из мелких плоских камешков) сразу наполняет кроссовки и кеды – нашу альпинистскую обувь.

Взлёт. Земля ушла из-под ног. Завертелись снега-покры-

вала и чёрное крошево камней... Невероятная седловина сама шагнула навстречу, ошелолив головокружительной высотой.

И вот мы на НЁМ! На Нижнешавлинском перевале. Взмокшие, счастливые, обомлевшие. Снежные барсы. Специалисты с опытом работы в упряжке.

– Гляньте, что тут, с другой стороны!

– Фигасе, крутизна! Как тут вообще спускаются?

– И, тем более, поднимаются?..

– Вон там, – показывает Илюха, – если идти с полдня, будет Шавлинское озеро...

– Красота!

– Высота!

– Три триста!

– Обалдеть!..

– Если это «нижний», не уверен, что хочу побывать на «верхнем»!..

Узкий, как бритва, гребешок, разделяющий два тоннелеобразных ущелья. Слева и справа каменные груды, а посередине что-то вроде бивака, отмеченного то ли колышком, то ли альпенштоком. Всё обильно присыпано снегом. И в ту, и в другую сторону – беспощадные пропасти. Прямо под себя лучше не смотреть...

Смотрим вдаль. Нижнее Шавлинское озеро наглухо укрыто от нас изгибами хребтов. Это один из красивейших высокогорных водоёмов Горного Алтая. Видят боги, мы ещё схо-

дим к нему! А пока что любуемся чёрно-белой панорамой окружающих его гор. Условно, чёрно-белой, конечно: монохромный контраст скал и льдов на самом деле дополнен тысячей разных оттенков цвета.

С Нижнешавлинского открывается лучший вид на Маашей-Баши, один из главных алтайских четырёхтысячников.

Если я попрошу вас назвать первую по высоте вершину Алтая, вы тут же крикнете: «Белуха!» Это знают даже далёкие от гор люди. Ну, а если вторую? Третью? Уверен, что ответа не получу. И неудивительно. Думаю, так же будет с любой другой горной системой. Все помнят чемпионов, вторые и третьи номера никому не интересны, с ними редко кто знаком. Я сам никогда не задавался вопросом насчёт «второй горы Алтая»: мне бы, наверное, и в голову это прежде не пришло. И очень даже напрасно. Вот сказали мне, что «Баши» – это номер два, и я, конечно, верю, хотя интернет вещает другое. Оказывается, Маашей-Баши спорит за ТРЕТЬЕ место с Короной Алтая (4178 метров), всего на полметра отставая от неё. А номер второй Алтайских гор – Кийтын, на границе Монголии и Китая.

Но какая разница, мне не важны все эти номера... Маашей-Баши вызывает восхищение. Он могуч и статен, монументален, ослепительно бел. Морщинистый и седой, как старец, он одновременно выглядит молодым и полным сил. Нетающие снега ниспадают на грозные скальные контрфорсы, в основании которых торчат несколько остроконечных

утёсов, словно фаланги пальцев покоящейся на леднике каменной руки. Этой всесильной десницей он крепко держит за основание язык ледника. Недаром слово «баши, баш» означает «голова». Он – владыка и хранитель Северо-Чуйского хребта, центр которого известен, как горный узел Биш-Иирду. Хотя, в силу своей легкодоступности и популярности, гораздо более известной является другая вершина этого хребта – Актру, с одноимённым ледником. Тоже четырёхтысячник, хоть и пониже. Когда-нибудь познакомимся и с ним!

Всего на Северо-Чуйском хребте около двухсот ледников, но Маашейский – самый большой и мощный. Он у меня за спиной. А перед глазами – ледник, питающий притоки реки Шавлы. Натуральное царство зимы и льда, и мы – в его сердце.

Ну, а теперь назад, по тем же камешкам... В обратном порядке. Озеро-блюдец, как сказочное говорящее зеркало, отражает не просто горы, ледники и небеса, но – истинную суть вещей! Зелёный кустик... тимьяна? – стоит тёплым воплощением нескгибаемой жизни среди холодного камня и снега...

Прыг по морене. Прыг, прыг... Прыг...

Спустя три часа я с криком восторга и отчаяния падаю в первую траву. Эбсолютли хэппи. Тоталли факд ап. Усталые лица друзей, привалившихся спинами к огромной скале... Скала покрыта красными пятнами лишайников, и словно окроплена кровью.

Илья смотрит, как я кувыркаюсь на травке, и восклицает:
– Маашей-Баши!...

Звучит так, как если бы седой горец приветствовал другого, с ноткой почтения.

– Сулейман-ака!..

Вечером, ясное дело, мы обмыли наше успешное возвращение к зелёной природе добрым стаканчиком виски. То есть, пластмассовым стаканчиком водки. Мы с Димьяном, в два горла. Таня с Ильёй исповедуют йогу и, как водится, не пьют, а Ленка предательски осиротила нас в этом прекрасном начинании, загоняя что-то про коньяк, который она когда-то и где-то там будет пить. Ну-у-у... Как изволите. А мы – по стаканчику. И СПАТЬ.

Снега на нашей стоянке уже и след простыл. Палатка, естественно, никем не тронута, шмот ни на процент не разворован. В чём мы ни на процент и не сомневались. Походники и альпинисты – не тот народ... Иной. На этих высотах люди искренне говорят друг другу при встрече «Здравствуйте!», а не молча косятся или «Слышь, чё!»

Плохие люди сюда просто не ходят. Ну, или не доходят...

ФРАЗА ДНЯ: «Поспешишь – башку размозжишь!» (Димьян про морену).

Ледничок. Язычок. Дрын, дрын... дрын-дрын-дрын...

Заночевав в известной уже вам куцой и скупой на растительность долинке с нереальными видами, где давеча нас поймала метель, обласканные завистливыми взглядами альпиндьяев, которым «ещё только предстоит...», мы позавтракали матёрейшей масляной кашей из крупы, мюслей, тофслей, вафслей, орехов и прочего изюма, собрали нехитрый скарб, и пошли в путь обратный.

Мои кроссовки, так уныло чавкавшие вчера по леднику, сегодня, после просушки на костре (*примечание из будущего: никогда не сушите походную обувь на костре!*) не идут, а просто порхают! Бедняги, они ещё не знают, что их ждёт грядущим днём... И следующим...

Сегодня по плану числилась днёвка. И она уже началась. В виде поднятия на нижнюю морену, куда мы недавно пёрли хворост навстречу ласковому дождю. Потом днёвка продолжилась в виде спуска с этой морены. И увенчалась посещением Маашейского ледника!

Наблюдая последний раз (в жизни?.. ыть... ыть... – тут надо смахивать слезу) незабываемое, цвета голубичного киселя, озеро (так и кажется, что можно зачерпнуть его густоту ложкой и съесть, как желе!) с живописным бурлящим водопадиком, скитальцы троп и перевалов один за другим ухо-

дили в туман... Плотная влажная пелена укрыла их тела. Но ненадолго: скоро они уже были внизу, и лизали розовыми языками свинцовую свежесть Ледника.

– ОБАЛДЕННЫЕ ЛЬДЫ!

Маашейский ледник, а точнее его язык (я уже запутался в языках...) – это толстенная глыба крепкого как железо, и на поверку весьма скользкого льда с налётом камней поверху. Не просто покрытого камнями – а покрывающегося ими на глазах! В частности, один из камней чуть было не покрыл всех нас, пока мы, разинув варежку, глазели, как он вылетает сверху, из-за поворота ледника, раскальваясь по пути на шрапнель осколков. Это было как в кино: быстро, но в то же время медленно, словно в замедленной съёмке. Внушительно и... эпично...

В самый последний момент мы всё-таки решили... убежать! И правильно сделали. Такая каменная пуля прошьёт насквозь, не успеешь охнуть.

В месте, где из-под ледника вытекает прекрасный Маашей, остановились для качественной и показательной фотосессии. Высота голубовато-белой стены здесь метров двадцать-тридцать, а максимальная высота могучей ледовой бестии «в холке» достигает семидесяти пяти метров! Перед нами – крутой ледяной уступ, скол, торец (или конец – кому как нравится), в общем – место, где у десятикилометровой рыбины должна быть голова, но она как будто обрублена исполинским топором.

Край ледника напоминает слоистый торт, мороженое с прослойками, посыпанное шоколадной крошкой. Я подхожу, замороженный и бессловесный. Никогда не видел ничего подобного! Красиво. Внушительно. Страшновато. Шутка ли – третий по величине алтайский ледник, невероятный ледяной червь, элементаль льда, Страж Гор... и я – козявка – подполз к нему вплотную!.. А вдруг – ка-а-ак разявит гигантскую пасть, проглотит меня – и не заметит!..

В торцевой стене протаяли причудливые ходы и пещеры. Не глубоко, на метр-два внутрь, но туда можно забраться. Что тоже небезопасно, сверху нависают фигурные глыбы с автомобиль весом. Кто знает, когда они оборвутся... А сбоку змеятся и врезаются в морену волнистые фирново-ледовые слои, пластами лежащие друг на друге – и так десятки метров в высоту. Ну, сушая перина для какого-нибудь Инеистого Великана, а может и для самого Имира! Нет слов и эпитетов, чтобы передать всю красу необычайного творения природы.

Известно, что кончик Маашейского языка состоит из белого пузырчатого льда (теперь и я это вижу!), такой лёд тает медленнее, чем более плотный глетчерный, так как лучше отражает солнечные лучи. Тем не менее, мы наблюдаем, что сверху сочится, а местами и откровенно льётся талая вода. В рамках фотосессии каждый норовит залезть под обжигающую холодом струю. К таким вещам людей тянет как магнитом...

Под ногами клокочет Маашей. Тут он являет собой мутноватый поток, вырывающийся на волю из-под непомерной толщи льдов. Я вспоминаю о том, что ледники нашей планеты хранят в себе основной запас пресной воды.

– Вот они – ИСТОКИ!!!

Мы совершили путешествие к началу всех вод, всех рек. Судите сами. Великая сибирская река Обь, на которой мы изволим проживать (и жизнь прожигать) в городе, традиционно зовущемся «столицей Сибири», впадает в Северный Ядовитый Океан. Между прочим, этимологию слова «Обь» лучше всех вывел Макс «МММ» Макеев, мой друг и единомышленник по любви к Байкалу. Забудьте о том, чему учат в школе! Название «Обь» уходит корнями в историю о двух деревнях на разных берегах реки. Выходили мужики на берег с одной и с другой стороны, и кричали друг другу... Много всякого разного кричали, но долетало только: «Ёб тв..!», «Ёб!...» Так и назвали реку – «Обь»!

Тем или иным способом поименованная, эта речичка происходит от слияния Катунь и Бии, то есть, допустим, как мы выяснили выше, Катунь впадает в Бию. Идём дальше: река Чуя, до которой мы доехали на «газели» Юрия Борисыча, впадает (если вы уже начали усваивать географию и гидрографию Алтая) в Катунь. А ещё раньше славная речка Маашей (теперь вы изволите знать и это) вливается в Чуя!

Таким образом, мы, будучи-стоячи у самого начала Маашей, находимся не где-нибудь там, а у самых-пресамых Ис-

ТОКОВ!!!

– Скорее, сфотайте меня здесь!

– И вот так...

– И так!..

– И здесь...

– ...И меня тоже!

– А я ещё вот тут... сверху хочу падать!

– Ну ладно, будет вам, раскрытые рты сослуживцев уже обеспечены...

– А квадратные глаза мы вчера заработали сами...

– Давайте-ка, я ещё на ледник попробую залезть!

– Без снаряжения?

– Ну, хоть чуть-чуть...

Залез... На полтора метра... И сполз обратно. Ледник скользкий и крутобокий, как утюг, ему смешно на такие по-туги. Эх, дурачина ты, простофиля!

Мы наблюдаем, как немногочисленные «счастливики», читай – обладатели кошек и ледорубиков, комично карабкаются по гладкому откосу наверх, исчезая там, наверху, в неизвестности. Илюха проследил за ними взглядом, и говорит:

– Больше без снаряги – ни-ни!

– В следующий раз с кошками!.. – подыгрывает ему Таня.

– И с собаками, – добавляю я.

А теперь вернёмся к зелёному миру, что внизу. Прощай, Маашейский ледник! Прощайте, истоки всех рек! Или...

до свидания?

Забегая сильно вперёд, скажу, что с 2014-го года ледник Маашей начнёт увеличиваться в размерах (на фоне глобального потепления горы Алтая начнут демонстрировать обратный процесс – локальное похолодание и оледенение...) Один из самых устойчивых алтайских ледников, открытый для большого мира первопроходцами в 1924-м году, поистине уникальное творение природы... Я рад, что он бодрствует и здравствует, вопреки «стараниям» людей по разрушению экологии Алтая. И, конечно, я уверен, что он переживёт всех нас вместе взятых!

А мы шагаем от ледяного безмолвия назад, к буйным зарослям. К лесному и звериному царству. В долине уже стелется, поднимаясь навстречу, непроглядный туман. Это тугая масса облаков, само холодное и полное влаги небо движется на нас... Я лезу через дебри, спотыкаюсь на камнях, и тихонько воскрешаю в памяти свою Идиллию с соснами и облачками. Днёвка, днёвка, где же ты, приди!..

Парой километров ниже, в кустах, где все нам подобные (нас-образные?) обычно собирают хворост, обнаружилась интересная палаточка, стоящая прямо на камне! Громадный такой каменюка с плоским, почти горизонтальным верхом, и палатка растянута на нём чётко вровень с краями! Ну, оригинально! Хитрованы... (А просто больше тут палатку ставить совершенно негде!)

Пошли сквозь чащу, с устойчивым желанием не ночевать

на камнях, а выйти сегодня к Кедровой стоянке. Воды в ручьях и протоках заметно прибыло от давешних дождей и снегов.

– Песец сушёным кроссовкам!..

– А ты как хотел?

Глупые надежды... Вода течёт теперь по самым тропкам; там, где раньше прыгали по галечнику – сейчас только вброд. Настроение от похода... ну, сами понимаете. Впереди мало что можно рассмотреть. Идём условно вперёд и вниз, даже не скажешь «куда глаза глядят», потому что никуда они не глядят в такой хмари, смеси дождя и тумана.

– ...Ну что, чуваки, засада?

Обрывчик прямо по курсу. И жидко очень внизу. Потыкались-помыкались, да и двинули прямо в объятия влаги. Ноги мыть – тоже полезно. Но я замешкался и заметался, как крыса в банке. Моя любимая тема: искать тропу там, где её в принципе нет. Вот здесь она, ей-богу, вот тут... я чувю! По тропе же быстрее!.. и гораздо... суше!..

Пока я шароёжусь так где-нибудь по осыпи, по завалам в бестолковых поисках, мои вероломные (в хорошем смысле, от слова «ломиться») друзья уже учешут на милую вперёд безо всякой тропы. И я бегу догонять, по самые муди теперь проваливаясь в то, чего прежде так нудно и скрупулёзно избегал!

Наш руко- и ноговодитель Илья утверждает, что сушить ботинки в походе – дело принципиально неблагодарное

и бессмысленное. И я не опровергну его утверждение. Я ДОКАЖУ его, сегодня же вечером. Уже доказал, вообще-то, но мне всё мало. Мы учимся, в лучшем случае, на своих ошибках, оплошностях и эпических фейлах. Один из них меня ожидает. Но пока я ещё этого не знаю, и продолжаю нелепо прыгать по редким островкам суши – в своём смешном, дилетантском стремлении выйти сухоньким из воды...

А известно, что как с гуся вода – это только с Ленки. Ведь у неё кросы – резин, штаны – болонь, куртка – флисс, и даже кофта непромокаемая!

Вот Маашей уже брутально бушует, слившись воедино из множества ручьёв. Длинное, совершенно голое и мокрое от постоянных брызг бревно нависло над потоком. Илюха скользнул по нему, любовно прижавшись животом и обхватив конечностями, идилически повис над буйством водной стихии. Балуется. Хотя погода к шуткам и прибауткам совершенно не располагает. На Кедровой стоянке, как всегда, людно. Там и сям палатки. Люди спуют, расколдовывая и разбирая последние упавшие с деревьев, сырые от дождя дрова. Зато здесь...

– ЗАШИБЕНСКИЕ КЕДРОВЫЕ ЛЕСА!

Мы прибываем до ниточки мокрые, но довольные – впереди ещё почти полднёвки! – и находим себе вполне приличное лежбище с видом на Маашей, плюс втекающий в него ручей (боги, ну может быть, это и есть Карасу!??) С угрюмого серого неба непрерывно льёт, поэтому я достаю из широ-

ких штанин... Ленкин тент. И его мы оперативно натягиваем меж кедрами. Забившись под гибкую крышу, с нескрываемым удовольствием трапезничаем. Во славу Тани, которая всегда знает, что у нас будет на обед, благословите её Джа, Будда и Шива! Набив щёки приятными съедобностями, глубокомысленно восклицаю:

– Аллах акбар!

Димьян резонно добавляет:

– Воистину акбар!

Днёвка! Теперь можно будет рюкзаки облегчить от тухи, и самим облегчиться :) Вниз шагать с грузом неинтересно, гораздо романтичнее тащить его наверх, такое наше основное кредо.

Время до заката ещё есть, и вот Дима нашёл себе забаву. Шишки же вокруг!!! Нависают, звенят под дождём, так и просятся в карманы. А шишки ведь не всегда бывают, большой урожай – раз в три-четыре года.

Надыбал Димьян, в общем, где-то матёрый безразмерный дрын. Да не дрын, а целое дерево без веток! Зато с корешком... Тяжёлое – жуть! Само по себе неподъёмное, ещё и корень весит, как камень... И с этим гигантским Древом брат пошёл по шишки.

В лесу всё сплошь мокрое – хоть выжимай. Ливень притих, но стоит этакая стрёмненькая морось, жмёмся вчетвером под тентом, дым глотаем. Надо сказать, на Кедровой стоянке мы за два дня наелись дыма по самую... печень и селе-

зень. То ли костровище было как-то неправильно камнями огорожено, то ли ветер всё время неправильно дул... А откуда ему, собственно, дуть-то ещё, как не с реки? Но, так или иначе, дымище жрало не переставая, килограммами и декалитрами.

Отмахиваясь от висящего в воздухе дыма, Илюша повесил в нём закономерный вопрос: насколько полезен поход для человека, если вместо чистого горного воздуха человек постоянно кушает чёрный пещерный дым? Сидим и удивляемся всему происходящему: мы четверо коптимся заживо, а вокруг по лесу бегают Дрын и ловкими точечными ударами сшибает с кедров шишки. Впрочем, не все удары точны: когда Димьян промахивается, то, не в силах удержать свою шестиметровую палицу, улетает вслед за нею куда-то к чёртовой матери.

– Хоть бы корень этот пудовый отрубил, ей-богу!

Наблюдать со стороны и комментировать легко. Я, в конце концов, насытился дымом, и отправился на помощь братишке. Но толку от меня оказалось мало, так как мы всё время шатали Дрын в противоположные стороны, и этот диссонанс больше утомлял, чем забавлял, а пользы давал чуть да маленько. К тому же, мне всё время приходили в голову разные «креативные» идеи:

– ...А давай, с камня?..

– ...А давай, с пня?..

Камень оказывался слишком скользким, а пень рассы-

пался под ногами в труху. Добытчики постоянно рисковали оказаться погребёнными под Дрыном... В итоге, я плюнул и оставил брату всю его затею с кедрачом, а сам вернулся к костру варить набитые шишки (вспомнился мульт «Кошачий суп»... там герои набитые на теле шишки срезали и поедали!) Варёные шишки лучше чистятся, не знали?

Я продолжил дышать гарью и предаваться утопическим мечтам об Идиллии. Грёзы в кедраче... Стишок об этом был придуман:

*Прислонился к кедрачу —
И... молчу, молчу, молчу...*

А как вы думаете ещё оно, в походе-то... бывает? Хе-хе... Вот и вся наша днёвка. В смысле, ПОЛУднёвка. Варим, жарим кедрошишку, подсчитываем, что ещё безнадежно промокло, а по влажной, туманной и задымлённой чаще бегают несносный Дрын, и знай себе колошматит! Тут идеально подходит песенка из дяди Юриной «газельки»:

*Мужики напьются в дым, и ведут себя негоже,
Я беру руками дрын – и с размаху им по розе!
Дрын, дрын, дрын-дрын-дрын-дрын-дрын...
Дрын, дрын...*

Весчь! Шедевры классики на нашем лесном канале.

Вечером Ленка опять мазалась от стакана согревающего.
Пришлось, как всегда, остаканиться двум наиболее смелым.
ФРАЗА ДНЯ: «ЛЕНКА!.. ИДИ, ВЫПЕЙ С НАМИ!!!»

Маруськины прелести

Утром встали в полное не зашибись: дождь и слякоть. Таковую днёвку хочется отвидать в белых тапках. Или днёвка была вчера? А сегодня решили позабавить себя радиалкой. Кто-то слышал краем уха, что где-то здесь наверху... есть отличные «Алёнкины озера»! Типа, пацанчик один говорил... или мужик... – и, вроде, есть даже люди, которые видели этого мужика... Якобы, час подъёма вдоль ниточки-речушки (правда, без тропы...) – и вы на Алёнкиных радостях! Или Маруськиных прелестях?

– Скорее всего, на Манькиных красотах!

Открывается полная свобода для словотворчества. Народ, конечно, понесло. Илюху – дальше всех. Итак, сказано – сделано. Привычным жестом бросаем в лесу палатку, и...

– Прямиком на Ванькин причиндал!

Бугорок, присыпанный рыжей хвоей, столетние кедры, шумливый водопадик слева по курсу... всё это остаётся за спиной. Впереди крутой подъём и беспросветная сырая морось, обволакивающая, холодящая тело и лицо.

Здесь, на взлёте, тропа имеется! Наврал тот пацан-мужик... Но никто от этого не расстроился. Немного в гору. И ещё немного. Дождик трусит, конечно, мелкой сеянкой. За ней ничего не видно, ни зги. Ну, пусть. Это же днёвка! Радиалка! Без рюкзаков идём, кайф получаем!

Мы похожи на бомжей. Уже на старте промокшие и замёрзшие, в нахлобученных на глаза бесформенных шапках, с угорелыми лицами и прилипшими дождевиками, жалкие, как суслики. И это только начало.

Всё сильнее грохочет водопад, преодолевая ребристые глыбы. Я его сфотал. И сделал это зря, так как объектив мгновенно и напрочь запотел, а протереть его в такую «сушь» нет ни малейшей возможности. На этом фотосессия для меня сегодня завершилась.

...Дальше! Больше!

...Круче! Выше!

Горы тают, растворяются в водянистой дымке. По идее, должна открыться вся долина Маашея, но я лишь смутно угадываю хребет напротив. Он утопает в хмури дождя. В тумане угадываются величественные очертания иззубренных скал, внушая какое-то религиозное почтение. Горы – это гигантомания. Человечки на них – мураши.

– Грибы растут...

– Ага... Грибы!

– ГРИБЫ!!!

– Г – Р – И – Б – Ы – Ы!!!

И всё. Грибная лихорадка началась. Стандартный кошмар.¹² Особенно для таких заядлых грибойцов, как Таня-Илья-Лена.

Сначала урожая было мало, поскольку продолжался тя-

---

¹² «Стандартный кошмар» – рассказ американского фантаста Роберта Шекли

жёлый подъём по неровным камням. Но потом пошёл пологий участок, заросший мелкой мокрой растительностью (ОЧЕНЬ мокрой растительностью) – и уж там грибочки стали попадаться один за другим.

– Грибочки, грибочки...

В памяти немедленно всплыл бородатый анекдот про грибников.

– Кстати, никто не заметил, что обещанный час подъёма давно прошёл?..

Горы не ответили. Впереди расстилался безразмерный холмистый луг (типично альпийский), покрытый монтаной в виде карликовой берёзы. И – ПОДБЕРЁЗОВИКАМИ. Здесь их была прорва! И ни единого червячка внутри. Идеально чистые, крупные, крепкие представители грибного царства, достойные полотна натуралиста. Теперь уж любителей грибцов за уши не оттащить! Забыли про всё на свете. Сначала укладывали добычу в пакеты, потом они закончились, и в ход пошёл большой Илюхин дождевик. Илья, конечно, готов собой пожертвовать ради дикоросов: остался под дождём в одной штормовочке. А тут и так знобит, зуб на зуб не попадает!

Но, блин, грибы грибами, а Прелестей-то нет! Второй час на исходе... Причём, ни намёка на тропку тоже нет, идти приходится по пояс в карлушке – не такая уж и мелкая, выходит, растительность! – и она буквально сочится водой. Холодной, липкой, неприятной водой. А так, в целом, ничего.

Нормально... Сносно, если не останавливаться.

С другой стороны, когда двигаешься, собираешь на себя больше влаги. Двинешь ногой – обдало холодком. Наступаешь меж кустами – лужа. Напоминаю, что дождь не прекращался ни на минуту. Третий час... По заливным лужкам текут ручьи. Сотни ручьёв. Практически, весь этот Луг – сплошная сеть ручьев, этакое вялотекущее болотце, из которого произрастают мелкие реки. Болотце – так болотце. У нас выбора немного, мы идём по нему. Хлюпаем. Чавкаем. Освежаемся.

И, по-честному, этот бодряк начинает задалбывать. Прелестей нет. Одна мерзость. Настроение от похода... – да, да, не самый супер! Но зато... виды?

Чёрт-те что! Видов-то тоже никаких. Серовато-белёсая мгла. Луг кое-как кончается. Мы лезем по курумникам, по скользким валунам вдоль речки. Всё тот же ручей, та же река, на ней, собственно, где-то и должен быть водопад? Эти «поиски водопада» мне что-то напоминают...

Подъём. Ещё подъём. Прелестей нет. Кругом моросит, журчит, течёт, льётся. И даже сфотать это нельзя. Блин блинский, компот компотский! Холодно-то как!

Некоторые (я) начинают роптать. Извлекают из себя разные соображения. Что-то про мужика... Про пацана, который... Про «Прелести», которые... А также про Луг – который из которых!..

И тут...

ОТКРЫЛОСЬ.

Да нет, не Прелести, с чего вы взяли? Гораздо лучше.

Внезапно всё затихло, исчезли все звуки. Мир остановился. Даже сейчас, когда я это описываю, мурашки бегут у меня по спине...

Мы стояли, озираясь, в сухом (на удивление) каменном ущелье, борта которого уходили далеко вверх и терялись в густом тумане. Стены ущелья как будто бы закруглялись кверху, загибаясь и нависая над нами всей своей угрюмой скальной массой. Такое увидишь разве что на фэнтезийных картинках... Холодное крошево глыб, теряющееся в мистической дымке, как бы зовущее, притягивающее к себе, приглашающее... войти. В нечто потустороннее. В Небытие.

И над мрачным, безразличным к любому живому чувству царством камня властвовали Тишина и Туман...

От такого зрелища я впал в катарсис. Мне срочно захотелось вперёд. Туда, в обитель... да-да, не побоюсь этого слова – Смерти! Ибо на то оно и было похоже. Для этой внезапно пробудившейся внутри цели во мне вдруг мобилизовались новые силы, усталость и озноб куда-то с позором отступили...

Но, к сожалению (или к счастью?), не всем участникам соревнования так же глянулось это священное место. Некоторым оно, напротив, показалось слишком зловещим. И они стали упираться ногами и рогами, что ни за что туда не пойдут, а лучше трижды обойдут. И ни в какую!..

Тьфу ты! Ну, вот по заливным лужкам бродить часами – это они с радостью, а как только дошло до стоящего дела... До настоящего Посвящения и Переживания...

Эх!..

Пришлось мне не солоно хлебавши проститься с Местом, которое я навсегда сохраню в своей памяти. И лезть в обход. Всё это ~~мАтивировалось~~ аргументировалось тем, что там-де чересчур камнеопасно. Ёлки-палки, ну так в том-то и была вся фиша! В этом... и заключалось ВСЁ. Да что теперь объяснять...

Выбрались мы на взгорок. По нему стекала наша постоянная спутница-река, образуя здесь... великолепный водопад. Теперь это даже и не удивляет...

Да нет, обманываю – конечно, он красив. Такой, как на постерах часто рисуют. Вода полусферическими зонтиками омывает гладкие зеленоватые валуны, ниспадает с них белоснежными полотнищами. Струится между ними длинными прядями седых волос. Натуральный Ванькин Причиндал! Так и поименовали его окончательно.

Загляденье! Измождённые лица расплываются в усталых улыбках. А чуть повыше выяснилось, что «причиндал» вытекает из Озера. Из той самой Алёнкиной радости! Ох, вот они где, эти Маруськины капризы!

Стоим мы с Димьяном на берегу озера. Промокли и продрогли лайк э пигги. И ведь даже конца его не видно, из-за вечного тумана и дождя.

– Тут ещё должно второе озеро быть...

Мы мрачно киваем. Ребятки пошли искать, перешли вброд речку. Мы остались. Просто посмотрели им вслед. Нам и так было ХОРОШО.

Но стоять – не значит греться. Поэтому Димон – на этой высоте его следовало бы уже называть Демиургом! – начал высматривать ещё грибы в кустарниках под скальными россыпями. А я просто застыл как статуя. О-ка-ме-нел. Холодные струйки воды текли по мне, снаружи и под одеждой, но мне в каком-то смысле было всё равно. Я думал о том, как круто, должно быть, смотрятся эти озера в ясную солнечную погоду...

Ребятишки ходили недолго. Они ведь тоже были все до последней ворсинки и волосинки мокрыми, и до последней мышцы уставшими. Наполненные до краёв чувственным коктейлем из изнурения и удовлетворения, мы пятеро повернулись к причиндалам и прелестям задом, а к спуску в Маашейскую долину передом. Великолепная пятёрка без вратаря возвращалась в лагерь!

Тут я, по обыкновению, двинулся на поиски Тропы... Через полчаса кретинских скачек по ручьям и курумнику пришлось опять на всё плюнуть, и ломиться вдогонку за остальными.

О, где же ты, моя Идиллия?!

Вместо неё я наслаждаюсь топкими лужками – урочищами и монтанами. Вдоволь наслаждаюсь! Ноги мокрые – ру-

ки мокрые – попа мокрая – по лицу течёт вода. Это загадка. Отгадка которой – «Я».

Ах, если б не дождь! Мы были на такой вышотище, парили как птицы над маашейской долиной, и на отроге противоположного хребта во всю свою длину красовалась высокогорная речка, стекавшая с ледяной вершины вниз. Снизу-то её было не видно, а здесь она вся, как есть, перед глазами. Белая ниточка на пепельно-серых и буро-зелёных изгибах ландшафта. По ниточке-волоконцу кто-то прошёлся сверху вниз гигантским гребешком, и она расщеперилась, разделилась на несколько непослушных волосков, огибающих особенно упрямые утёсы...

– Какие, всё-таки, здесь ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ВИДЫ!!!

– Кабы не дождь...

– Если бы, да кабы... вместо раков – крабы!..

Зацените, что ли, и эту мою беспросветную мудрость. А мы спускаемся. Это быстрее, чем подниматься. Хотя на самом крутом участке была потеряна только что обнаруженная тропка, и, по оконцовке, пришлось тупо щемиться по откосу через лес – насквозь пропитанную моросью чашу.

– Хо-хо, мы дома!

Как бы это ни звучало...

– А костёр-то надо разводить...

– А дров-то сухих нету...

Тщетно пытаемся отогреться у не поддающегося раздуву костра. Тент, дым – всё как положено. За дым в глаза осо-

бое спасибо вечернему бризу, а за укрытие от дождя – рачительной и предусмотрительной Ленке.inc. Не представляю, как бы мы пережили эти двое суток без тента! Отныне и навеки веков тент зачисляется в абсолютно необходимые походные магшмотки!

Я удивлённо смотрю на руки Димы. Они выглядят нечеловечески. Вздувшиеся, огромные ладони, неестественно толстые пальцы... Димьян кивает:

– Распухли от сырости! Как-то так...

Ленка, со всеми её водоотталкивающими спеллами и амулетами, и та отсырела, как болотная кикимора. Вечером её «непромокаемая» кофта оказалась также и НЕПРОСЫХАЕМОЙ. Не действовали на неё ни заклинания ветра, ни флюиды костра.

Зато грибов у нас до такой-то матери! Полный дождевик, полные пакеты, полные карманы... и вот ещё за пазухой несколько! Жарим, тушим, парим! Чистейшие подберёзовички. Да с картофанчиком... У-у-у! Сладость господня! Чтоб мы всегда так в походе питались!

Ночевать, ясное дело, будем здесь же. И, таким образом, делаем вывод: Клуб Песенной Поэзии на каждой стоянке ночует не менее двух раз! Тенденция... Или закономерность. Первое правило Бойцовского клуба...

ФРАЗА ДНЯ:

– Ну, как вам ДНЁВКА??!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Сантиметры-километры

За весь следующий денёк мы сделали две (!) фотографии на всех. Одну днём, и одну вечером. Ибо шли мы уже назад, ибо Дождь шёл вместе с нами, ...ибо нехер!

И на пути нам опять попадался стрэндж гуд пипл. На лицо приятные, добрые внутри. В частности, одна тур-женщина (иначе не назвать) обогнала нас, убежала вперёд, потом вернулась и чисто по дружбе сообщила, что дальше придётся идти «прямо по воде». И что «пугаться не надо». Мы поблагодарили её, и сказали, что мы уже пуганные воробы, и что после снега вода под ногами кажется эдаким облегчением.

И дальше действительно без страха пошли по узким полноводным ручьям, в которые от дождей превратились все мыслимые тропы.

Аналогичным образом, мы постоянно... обгоняли двух девочек лет десяти-двенадцати! Они умудрялись каким-то неизвестным нам способом снова и снова оказываться впереди. Было совершенно очевидно, что они просто гуляют туда-сюда по «большой воде». Так сказать, в своё удовольствие. А «бегущие с рюкзаками» за ними никак не поспевали. Вот они опять остались далеко за спиной замыкающего, затерялись в лесу... И тропа тут, вроде, одна-единственная... И вот они опять передо мной! ТЕ ЖЕ САМЫЕ две девчонки (я проверял, заглядывая в лица!) Либо, конечно,

лес полон близняшек...

Так мы продолжали шлёпать впереди девочек и вслед за девочками, пока им не наскучило. Всё это время я оставлял на кустах ключья очередного китайского дождевика. За весь поход на эти цели у меня их ушло штук пять. Сага о полезности одного, крепкого, плотного, добротного и – хрен с ним! – ДОРОГОГО дождевика.

Народ стал шлындать толпами. Вот уже и два мальчика нас обогнали! Затем встретился благообразный седобородый дядька-альпиндзяй. Он спросил, как дела на перевале, показал утерянную недавно тропку и пожелал удачи. От него веяло таким оптимизмом, профессионализмом и добродушием, что я подумал: уж не Илюха ли это в будущем? Ему б (Илюхе) только кошки купить, да постареть лет на десять...

Измокшие как сама мокрота, к концу дня походники прибыли на первую свою стоянку. Там, по выработанному выше правилу, состоялась ночёвка №2, последняя на реке Маашей. То, что день уже подошёл к концу (хотя было всего часа четыре), решили единогласно, завидев родную полянку. Всё равно этот... проливной денёк был для всех уже каким-то... конечным.

– Конченный денёк!..

Но тут, в опровержение всех тезисов, тучные небеса слегка прояснились, и над потемневшим вечерним косогором из мохнатых ёлок открылась скально-снежная корона соседней вершины. Словно голова чёрного демона, сплошь усеян-

ная короткими, но острыми рогами...

«Путь обратно обычно короче»¹³ – а значит, короче и сегодняшний рассказ. Но в сумерках произошло ещё одно важное событие! Лена заработала новый никнейм: «Ленка-Сантиметр».

Дело было так. Ложится она, значит, спать. Или встаёт уже утром – какая разница? И вот сетует, бедная девушка, на то, что места ей в палатке – между нашими с Таней задницами – фатально не хватает. Что мы её, понимаешь, притесняем, и остаётся ей на всё про всё какой-то жалкий...

– ...Сантиметр! – кричит Илюха. И заканчивает мысль:
– Ленка-Сантиметр!

Аплодисменты. Никнейм принят единогласно. Ну, может, без одного голоса из пяти, но это не в счёт. Куда попрёшь против большинства в такой тесной палатке!

Кстати, а спать-то всё равно надо. Днёвки кончились... И опять Ленке ложиться между этих неумолимых задниц. Поддатых, к тому же! Уточняю: Таня, ладно, не пьёт, зато мы с Димидролом сегодня – два пьяных зада! А что делать? Заслужили!

– Жизнь – не мёд!

– Это даже Ленка-Сантиметр поймёт!

Спать пора, уснул бычок, лёг селёдкой на бочок...

Посреди ночи раздался страшный взрыв. Удар грома такой силы, что, казалось, горы раскалываются на куски.

---

¹³ Слова из песни «Птицы» новосибирской группы «Проверено»

За ним последовали новые раскаты, шибаящие прямо по голове – как если бы рядом с палаткой поставили гаубицу. Мы валялись внутри своего маленького шатра оглушённые, практически контуженные, а вокруг всю ночь били орудия, гудела вода, и гремели камнепады. Ба-бам!!! Молния сверкала так, словно сам Зевес снимал нас сверху титанической фотокамерой с мощнейшей, ослепительной фотовспышкой.

Плохо же нам спалось! Впрочем, как всегда... Мы ведь всего лишь ПОЛУбоги. Мелкие мурашки в царстве стихий.

Так что все фразы за нас сказала гроза...

Нет, вру, одна приколюха вышла на славу. Укладываемся, и я говорю голосом диктора из громкоговорителя, объявляющего отбой (шутка будет понятна тем, кто бывал в пионерских лагерях, а также в армии):

– По пионерскому лагерю...

А Димьян подхватывает:

... – Огонь!!!

ФРАЗА ДНЯ, однозначно.

Чуя – это не только конопля

Погодка с утра – японский бог! В смысле, хорошая. Понятно, сегодня ведь уже возвращаемся, никуда лезть не надо! Вот и с погодой везёт, и небо разъяснилось, солнышко пригрело. Я набрал живицы. Закономерно залепив все зубы и дёсны. Но я не унываю: традиционная жвачка горька, ароматна и прелестна. Ею, кстати, можно лечить ожоги и раны.

Итак, снимать изящества природы без риска для фотоаппарата можно было лишь в первый и последний день Чуйского похода. А это не так уж и мало, друзья мои! Два дня ясной погоды на Алтае в августе – о том иные лишь мечтают... Но Илюха упрямо ходит в горы исключительно в последнем месяце лета. Клещей стесняется...

Покидаем мы Маашей. Спустились к мутной и грозной Чуе, и по-о-ошли вдоль неё... За плечами остаются запретельные панорамы Улаганского нагорья, увенчанного алмазными диадемами ослепительной белизны хребтов, навстречу шагают чудеса и красоты околучуйских ущелий. Прощайте, капризные тропы, теперь уж мы идём прямо по набитой просёлочной дороге. Она змеится то по цветущим луговинам, то по крутым обрывам над полноводной рекой. Чую следовало бы назвать Сероструй, была такая река в одном из переводов книги «Властелин колец». Клокочущая пена летает над разбивающимися друг о друга неистовыми волнами цве-

та печной золы. Язык не поворачивается сказать «грязно-серого цвета», потому что эта вскипающая муть странным образом красива и притягивает взгляд.

Ярко-зелёный, салатный в крапинку кузнечик на камне и крупный вишнёвый жук-рогач в траве тоже не ускользают от объектива. Дорвались до фото – теперь уж ничего не упустим! После двух суток простоя меня прибило на непрерывный фотосъём, особенно на «макро». Жучки-червячки, божьи коровки – все становились моей добычей. В хорошую погоду щёлкать тут можно всё подряд, не ошибёшься! Со всех сторон такие прелести и сладости, что даже Маруське с Алёнушкой не снились! На Чуе, братцы, вставляет не только от конопляных листиков!

Жизнерадостная дорожка то и дело прорезает скальные останцы, мы неторопливо мерим её шагами, и встречаем на ней... наших Просоленных Мужиков с Резвой Женщиной! Стали «биться в дёсны» и делиться впечатлениями. У них, правда, все впечатления заключались в том, что они просидели неделю на заднице в ожидании хорошей погоды. Пенсионерам спешить некуда! Завидую... А мы во как: снежные-дождевые скакуны! Позавидуйте нам, старые морские волки! Удачи вам!

Забыл рассказать, что наша пятёрка в походе, во избежание недопониманий и противоречий между горными кланами, условилась бранные слова (даже сказанные в порыве благочестивого изумления) заменять волшебной формулой:

«Гардемарины, вперёд!» На Маашейском леднике, на Нижнешавлинском перевале и на Ванькином Причиндале – звучали восторженные «Гардемарины!» На скользких моренах, в холодных снегах и топких болотах звенели «Гардемарины!» отчаянные.

Так вот, Чуйские верховья – это тоже сплошные «Гардемарины!». Голову открутишь, пока идёшь. Полысевшие от преклонного возраста отроги вновь покрываются щетиной молодых ёлочек. Чуть ниже по склонам зелёная грива лесов расчёсана свободолюбивыми ветрами. По мелким осыпям в бурную воду, похожую отсюда, с высоты полёта птицы, на кипящее сгущённое молоко, сползают поваленные ураганами стволы. Желтеющие под солнцем луга перемежаются небольшими купами кедрача и волчьей ягоды. Фигурные, словно выточенные искусным резцом мастера шишки, крупные и красные, как кровь, плоды...

– Гарды – Маринами, гордые моренами!

Скороговорка, однако. На одноколейке имени «ГАЗ-66» впервые за всю неделю посбивали ноги. За каких-то два-три часа. Не ходите, люди, по дорогам! Лазайте лучше по кручам – и с ногами у вас всё будет ОК.

Солнце припекает так, что для перекуса приходится укрыться под раскидистым, одиноко стоящим кедром. С травинки на руку переползает божья коровка в нарядном платьице в горошек, по ногам бегают большеголовые чёрные муравьи. На выбритую тонзуру горы за рекой высыпали, вы-

строились в ряд поглазеть на нас с десятков чудных утёсиков. Их круглые светлые пузики – под цвет шаловливых облаков.

Ещё одно чудо из чудес: над обрывом противоположного берега раскинулись сочные луга, усеянные одиночными круглыми кустиками. Издали они похожи на плантации капусты или какой-то другой садово-огородной культуры, но очевидно ведь, что это дикорастущий кустарник! На сказочном поле, как на махровом зелёном полотенце, выстроились лесистые сопки – такие же круглые головы здешних гор. За полем несколько построек, летовье алтайских скотоводов.

Мостик ненадёжного вида перекинулся на ту сторону, при впадении в Чую резвого ручья. Нам туда незачем, наш поход окончен. На плоскогорье, в которое постепенно перешёл рельеф нашей стороны реки, Илюхе попался одинокий и брошенный старый ботинок. Убитый жизнью и пересечёнкой, истлевающий под солнцем и дождём на виду у победивших его гор. Их моют дожди, засыпает их пыль, и ветер волнуется над ними ковыль...

Скоро мы настолько приблизились к цивилизации, что повстречали коров... И заплакали. Ну, почти. Жалко уходить от такого великолепия. Зов джунглей звучит всё слабее, вот уже алтайские дети поехали навстречу на бодрых гнедых коньках... зимовья и летники пошли чередой...

За излучиной реки, откуда открывается вид на посёлок Чибит, что на Чуйском тракте, Клуб Песенной Поэзии встал лагерем на бережку. Обзор красивейший: сероватые скаты

гор как бы размазаны кистью художника-творца от земли до белооблачного покрова небес. Посёлок у подножья хребта смотрится таким миниатюрным, таким крошечным. Чувствуется исчезающе мелкий масштаб всех человеческих усилий перед мощью природы.

Главное чудо, которое она мне подарила в тот день, было деревом. Я назвал его Мать-Ель. Седая, косматая громадина на поляне у луки, где тугие волны Чуи плещут в берег на дуговом повороте. Прикрыта со стороны другими ёлками, помоложе; самой точно больше ста лет. Старуха, но не дряхлая, крепкая ещё и основательная, покрытая толстой, будто каменной корой. Я, увидев её, ахнул. Какие только штуки не проделывает с человеком случай, чего только не дарит ему! Кто-то, может, и не заметил бы такое, скользнул взглядом, и пропустил. Ну, дерево, замшелое, в сетке лишайников, старое – и что?

А я сразу почувствовал исходящую от Неё энергию. Всё то знание, накопленное десятилетиями и, возможно, столетиями. Ели живут долго. В Швеции есть долгожители, которым тысячи лет! Это клональные деревья, у них стволы вырастают снова и снова на одном корневище, и каждый может стоять по несколько веков. Выживая в крайне суровых условиях севера, полностью враждебных к любой растительности. Наверно, потому они такие и стойкие.

Я стою перед Матерью елей, пронзённый религиозным чувством благоговения и почтения. Это дерево – само вопло-

щение Природы, инкарнация могущественной хозяйки лесов. Солнце освещает её во всю высоту, свет льётся, нисходит божественным пучком, как будто специально на её крону, и только диву даёшься, как такое почтенное Древо могло оказаться тут и уцелеть – не в чащобе, на относительно открытом пространстве, в непосредственной близости от человеческого жилья...

Фотографировать, конечно же, не стал. Я считаю, что подобные вещи не для обывательских глаз, не для утилитарного использования. Такие встречи – даются. Они бывают только раз, приходят как откровения, как озарение сознания, как дар. Думаю, это была награда за любознательность, упорство и труд. За уважение, которое мы проявили. Переполненный этим уважением, я так хочу передать хоть частичку его другим людям, особенно идущему за нами поколению! Мы все должны искренне любить природу, прислушиваться к ней.

Немного об алтайских детях. Я и Дима отправились в посёлок за молоком и снедью. Два братца-акробатца готовы ворваться голодной саранчой в любой местный магазин. Сам Чибит – ничем не примечательное село, за исключением строящейся школы, создатели которой решили, кажется, воссоздать в центре деревни Версаль. Ну, а по сельским улицам, мимо колонок, отделанных жестью (!), ходят детишки с узкими глазёнками, красными лицами и большущими головами как арбуз. Двое еле видных от земли мальчуганов,

заметив нас, приблизились. Я не обратил на них внимания, уж больно мелкие. И вдруг один как заорёт:

– Здарова!!!

Мы аж чуть не подпрыгнули от удивления, что этакий гриб умеет говорить!

Мужчины в Чибите отсутствуют как класс (предположительно, они «на покосе»...), а женщины во дворах все... бухущие, и курят отнюдь не простые сигаретки. Эти женщины битых полчаса посылали нас в разные концы своего не слишком населённого пункта, где почему-то никто не держит коров. Пока, наконец, в одном подворье нам не налили разбавленного водой молочка по сорок рупь за поллитру. И на том мерси.

В магазинчике с животрепещущим названием «Надежда» – в 18—00 он ещё работал, храни его бог торговли! – мы надели на незадачливую продавщицу и развели её на всё, что там было, кроме пива. Пиво стояло посередине торгового храма алтарём из ящиков, но его «ещё не приняли». Осталось лишь закусить губу от досады.

– Гардемари же ж их вперёдами!..

В альтернативной избе-магазине с гордой вывеской «Ырылсу» (Урулсу?.. Кырылсу? – благо, в Чибите два магазина!) мы добыли-таки и его, пенное-заветное. Вернулись со сладкими призами, устроили прощальный вечерний костёр на фоне закатных гор. Под плеск Чуи и бульк остатков энзэшной водки.

– До свидания, поход! Будь здоров!

На меркнувшем небе укладываются спать разноцветные облачка, косогор позолотился последним лучом заката. Серебряная сабля реки блестит в руках хтонических исполинов с куполообразными затылками, по реке против течения плывёт навстречу мне симпатичный, тесно заросший деревьями островок, как мохнатый плюшевый ёжик, случайно оказавшийся на стремнине. Ветви лиственниц клонятся к волнам, гигантский пенёк служит мне и местом для отдыха, и наблюдательным пунктом. За рекою пасутся кони; за спиной трещат сухие сучья, облизываемые жадными языками пламени, плетущими на воде колдовские тени. К утру пауки-крестовики сошьют для наших палаток новые кружевные наряды...

ФРАЗА ДНЯ: «ЗДАРОВА!!!» (выкрикивается со вскидыванием руки, по аналогии с «Преведом»)

«Предбанник Горного Алтая»: Бийск, бийчане, бийская кухня, бийские ландшафты

Я ни в коем случае не хочу обидеть жителей города Бийска, по себе знаю, каково это, когда ругают твой родной город или хотя бы указывают на его недостатки. Буду объективным, и просто приведу факты, которые нас забавляли, удивляли, а иногда повергали в ступор. Моя цель – повеселить и вас. Из всего сказанного не следует, что Бийск чем-то хуже других провинциальных городов нашей необъятной родины. «Это могло случиться в любом городе, они все одинаковые». ¹⁴

К тому же, из Бийска наш заводной газелист Борисыч. Он нас не прокинул, ровно в десять часов заранее оговоренного дня исправно поджидал на своей «казельке» в Чибите. И даже, к его чести, без сильных следов похмелья на лице! – хотя мы знали, что ночевал он тут же, у знакомых. Вообще, Борисыч не подвёл меня ни разу. Я потом много лет забрасывался с ним в горы, и он всегда оставался обязательным и надёжным водителем, нашим проводником по дорогам Алтая.

Под удалую музычку Борисыча Клуб Песенной Поэзии покати́л из Чибита в сторону городского смога (от него мы –

---

¹⁴ Цитата из фильма «Неглубокая могила» Дэнни Бойла

хвала вездесущему дыму! – не успели полностью отвыкнуть) и соскучившейся по нам Работы. По пути полюбовались на международный сплав «Катунь-2006». Попутчики, которых подобрал дядя Юра, рассказали последние новости с мероприятия. Счёт 2:0 в пользу утопших. То есть два жмура уже имеется. Весёлые горки. Интересно, для чего все эти канаты на реке натягивают? Просто вежи, километраж? О спасении тонущих речь, видимо, не идёт. Автобусов-то сколько понаехало, народу набилось, иностранцы... На видео снимают... как любители экстремальных водных процедур жмурятся друг за другом. Нет, пожалуй, никогда не понять мне таких «мокрых удовольствий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.